

Хенрик Сисе

Справедливая ВОЙНА?

О военной
мощи,
этике
и идеалах

ВЕСЬ
МИР

**Справедливая
война?**

Хенрик Сисе

Справедливая война?

о военной
мощи,
этике
и идеалах

Перевод с норвежского

Издательство "Весь Мир"
Москва
2007

УДК 172.4
ББК 87.7
С 41

Перевод: *канд. геогр. наук Хоркина С. А.*
Редактор: *канд. ист. наук Зимарин О.А.*

Издание книги на русском языке осуществлено
при финансовой поддержке фонда NORLA

Сисе Хенрик
С 41 **Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах** / Хенрик
Сисе; пер. с норв. – М.: Издательство «Весь Мир», 2007– С. 176
ISBN 5 7777 0379 8

Книга известного норвежского философа-моралиста посвящена этическим аспектам войны и правомерности применения военной силы. Опираясь на классическую концепцию «справедливой войны», восходящую к европейскому Средневековью, автор освещает моральную и правовую стороны вооруженных конфликтов современности. В книге рассматриваются все основные аргументы, используемые в теоретических спорах и политических дискуссиях на эту тему.

Работа рекомендуется всем, кого интересуют нравственные аспекты международной политики и применения силы, особенно студентам, изучающим философию, международное право и международные отношения, а также курсантам военных училищ и слушателям военных академий.

УДК 172.4
ББК 87.7

Впервые книга была издана в Норвегии в 2003 г. на норвежском языке под названием:

«Henrik Syse. Rettferdig krig? Om militærmakt, etikk og idealer»

Напечатано в России

© Н. Aschehoug & Co., Oslo, 2003
© Перевод на русский язык
Издательство «Весь Мир» — 2006 г.

ISBN 5 7777 0379 8

"Так ратоборцы сражались,
огням подобно свирепым.
Но Антилох к Ахиллесу стремительно
с вестью приходит,
Видит его одного:
при судах островерхих сидел он,
В сердце о том размышляющий,
что перед ним совершалось"

Гомер, Илиада. Песнь 18.
Перевод Н.И. Гнедича

Содержание

ПОБЕДИТЬ УЖАСЫ ВОЙНЫ Предисловие к русскому изданию.....	8
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	12
ГЛАВА 1. Справедливость и насилие.....	17
Справедливость.....	19
Пацифизм.....	22
Реализм.....	27
Между крайностей.....	37
Примечания.....	38
ГЛАВА 2. Есть ли смысл в понятии «справедливая война».....	42
Может ли война вообще быть «справедливой?».....	42
Что означает справедливость в войне?.....	44
Право и этика.....	48
Что такое война?.....	50
Вечный мир или справедливая война?.....	52
Примечания.....	54
ГЛАВА 3. IUS AD BELLUM. О том, когда война правомерна.....	56
Законная власть.....	60
Справедливые причины.....	73
Справедливые намерения.....	84
Пропорциональность.....	91
Крайняя мера.....	94
Рациональная вероятность успеха.....	99
Другие критерии.....	101
Примечания.....	103

ГЛАВА 4. IUS IN BELLO: Какие действия правомерны во время войны?	108
Военные или гражданские?	112
Пропорциональность	118
Дифференцирование	122
Доктрина двойного эффекта	125
Ius post bellum – как правильно завершить войну?	129
<i>Примечания</i>	135
ГЛАВА 5. 11 сентября и война с террором. Что мы имеем на сегодняшний день?	138
Падение башен-близнецов и последующая «война» ...	139
Можно ли легализовать превентивный удар?	148
Война сегодня	154
<i>Примечания</i>	155
ГЛАВА 6. Моральные войны – некоторые мысли в заключение. 157	
Война и добродетель	157
Религия и «западные ценности»	163
Важная дискуссия	165
<i>Примечания</i>	166
Послесловие	168
Благодарность	169
Библиография	171

Победить ужасы войны

Предисловие к русскому изданию

Эта книга была написана в 2003 г. и предназначалась, в первую очередь, для норвежского читателя. Однако обсуждаемые в ней теории и идеи очень актуальны не только в Норвегии, но и за ее пределами, в том числе и в соседней России.

Многие из представленных мною идей универсальны в том смысле, что они имеют значение для обеспечения прав и достоинства человека, независимо от культурных различий и государственных границ. В то же время следует помнить о противоречиях между разными культурными и политическими традициями, и о том, что одинаковые формулировки и решения годятся не для всех. Это касается, в том числе, и разговора о таком опасном и трагичном явлении, как война. Опасно думать, что во всех случаях следует руководствоваться определенным набором принципов. Составляющие их основу теории и идеалы могут быть универсальными, но их нужно преломлять сквозь призму действительности, в которой живет каждый из нас. Это не моральный релятивизм, напротив, это здравый смысл. Также и вера в существование единственно правильной и настоящей морали (которую я, собственно, сам разделяю) предполагает готовность учитывать местные условия. Один из моих учителей философии, христианский средневековый монах Фома Аквинский хорошо об этом знал. Он считал, что истинная мораль исходит от природы и ее Творца, но эту мораль следует применять в зависимости от конкретного места и времени.

А для этого требуется большая мудрость!

Война может быть очень почетным делом, а солдаты способны демонстрировать большое мужество. Война может привести к победе над силами зла, как это случилось с диктатурой Гитлера. Иначе говоря, о войне можно говорить в положительном свете.

Тем не менее война всегда – даже если она почетна и достойна – ведет к страданиям и смерти: разрушаются семьи, парни и девушки жертвуют свои жизни, многие теряют все, что у них было. Даже лучших из людей побуждают или принуждают к соверше-

нию ужасных поступков. Страшным бомбардировкам британской и американской авиации подвергались жители немецких и японских городов в 1944 и 1945 гг. Невозможно оправдать многое из того, что тогда происходило и причиняло страдания. Советская армия при вступлении в Германию и взятии Берлина весной 1945 г. тоже не смогла избежать случаев жестокого обращения с мирным населением – были и грабежи, и насилия, и убийства, и об этом мы тоже должны помнить. Конечно, бомбежки Ковентри и блокада Ленинграда у многих рождали жажду мести, но месть не может служить оправданием военных преступлений! Вина за начало войны и за последующие бедствия целиком лежит на Гитлере, но это не снимает личной ответственности с тех, кто по обе стороны фронта допускал насилие над мирными жителями.

Говоря так, я не считаю, что обе стороны были одинаково виновны, или что совсем не надо было бороться. Однако мы должны сделать все возможное, чтобы учесть ошибки прошлого и не допустить их повторения.

Война всегда имеет трагические последствия. Поэтому решение о применении оружия государственные лидеры никогда не должны принимать, не обдумав тщательно все возможные альтернативы и не будучи уверенными – да, максимально уверенными, насколько это возможно в нашем мире, – в том, что это лучший способ обеспечить мир и человеческое достоинство. Сократ говорил своему юному другу Алкивиаду примерно следующее: *Первое, о чем должен знать правитель, когда он собирается повелевать своими гражданами, это когда воевать, а когда – не воевать!* И это решение может быть принято лишь под влиянием одной из величайших добродетелей – *справедливости*, которая касается не только нас, но и всех вовлеченных сторон.

Я сам служил в армии в качестве офицера. И я разделяю убеждение в том, что войну *можно* вести правильным образом. В то же время я вижу, что организованное применение оружия часто обходится слишком дорого, а одержанные победы не имеют легитимности и фактически создают предпосылки для нового насилия. Эти критические мысли мы должны все время держать в уме, обсуждая Чечню и Ирак – ситуации, где цель, казалось бы, благородна (борьба с жестоким терроризмом), но цена очень высока, а постоянный и справедливый мир оказывается труднодостижимым.

Эта книга не имеет цели вынести окончательный приговор сегодняшним и прошедшим войнам. Но она пригодится для обсуждения такой сложной темы. При рассмотрении войны с моральной точки зрения, критерии и вопросы, затрагиваемые в этой книге, обойти невозможно.

Во втором эпилоге к «Войне и миру» Лев Толстой задает вопрос о том, что заставляет христиан убивать друг друга – жечь дома и лишать жизни себе подобных? Он, как известно, указывает на власть, на эту мистическую, тайную и очевидно неуправляемую силу, которую мы, люди, не можем до конца понять.

В то же время великие произведения литературы, подобные романам Толстого, заставляют нас помнить о том, что больших страданий действительно можно избежать, если люди готовы сделать иной выбор. Это можно найти еще у Фукидида, описавшего Пелопоннесскую войну между афинянами и спартанцами 2400 лет тому назад. Может показаться, что Фукидид, как и Толстой, считал происшедшее неизбежным, по крайней мере, в условиях, когда действующие лица жаждали власти. Но если мы глубже задумаемся в его повествование, то увидим, что фактически речь идет о людях, стоящих перед действительным выбором – выбором, который может оказаться либо воинственным и разрушительным, либо мудрым и дальновидным.

Мы должны бороться за то, чтобы все, имеющие отношение к применению военной силы в нашем мире, принимали решения второго типа. Надеюсь, что идеи настоящей книги в этом помогут.

Осло, октябрь 2006 г.

Хенрик Сисе

Примечание:

При написании этой книги я использовал и ссылаюсь на норвежскую и англоязычную литературу, которая, возможно, недоступна читателям этого издания. Тем не менее я надеюсь, что по заголовкам этих статей и книг можно будет понять, о чем в них идет речь, и тем самым получить указатель для самостоятельного поиска соответствующей литературы на родном языке с целью более глубокого изучения темы.

Я хочу особо отметить, что уже после выхода в свет первого издания этой книги вышла англоязычная антология, где приведены многие из упомянутых в книге текстов. Вместе с Грегори Райхбергом и Эндре Бегби я редактировал это издание, которое вышло под названием «The Ethic of War: Classic and Contemporary Reading» («Этика войны: классические и современные тексты»). Там можно ознакомиться с собственными мыслями ведущих мыслителей европейской традиции по поводу трудных вопросов, о которых я размышляю в настоящей книге.

При подготовке русского издания мною были внесены в текст незначительные уточняющие изменения.

Предисловие

Эта книга была написана, чтобы попытаться найти ответ на насущную проблему, волнующую норвежскую общественность. Проблему можно описать так.

В ближайшем будущем Норвегия, как и другие европейские страны, будет все чаще оказываться перед необходимостью принимать решения, связанные с участием в войне. Причем это будут решения совершенно другого рода, чем предполагалось при создании НАТО как оборонительного союза. И вряд ли речь будет идти о непосредственной самообороне. Напротив, на повестку дня будут вставать вопросы вмешательства в конфликты, происходящие в других регионах мира, в целях либо предотвращения страданий гражданского населения («гуманитарная интервенция»), либо защиты от противников, которых трудно определить, трудно найти и над которыми почти невозможно одержать окончательную победу («война с терроризмом»). Обе задачи, противоречивые как с точки зрения этики, так и с точки зрения международного права, для своего решения могут потребовать ввода войск в далекие от нас страны, нередко бедные и располагающие слаборазвитой инфраструктурой, где вооруженный конфликт ложится тяжким бременем на уже достаточно пострадавшее мирное население. Все это относится не только к Норвегии, поскольку в наше время географические границы постепенно утрачивают свое значение и солдатам из разных стран часто приходится воевать бок о бок.

Тот факт, что обо всех войнах в мире все мы узнаем благодаря CNN, Интернету и другим средствам массовой информации, уже давно всем очевиден. И как демократическая нация, питающая идеалистическую надежду сделать все возможное для прекращения войн, все мы сталкиваемся с проблемой выбора позиции по отношению к использованию войск, а также по отношению к тому, что хорошо, а что плохо в той или иной войне, даже если мы сами в ней непосредственно не участвуем. Эта проблема касается и каждого, кто интересуется политикой, и Норвегии в целом как действующего лица на дипломатической арене.

Все эти причины побуждают нас к широкой дискуссии о войне. Но для такой дискуссии практически не установлены рамки, в которых бы она могла развиваться. Ни военная этика, ни военное международное право, ни военные стратегия и тактика, способные дать такие рамки, не являются всеобщим достоянием. Даже среди политиков и ученых, ежедневно работающих с этими проблемами, чувствуется потребность в расширении знаний.

Цель моей книги – заполнить одну из существующих лакун, а именно этическую. Большинство решений, которые должны приниматься во время войны, подразумевают необходимость делать трудный моральный, или этический выбор. (Отметьте, что в этой книге, за исключением последней главы, я использую понятия *этика* и *мораль* как синонимы.) Выживание людей во многом зависит от правильности выбора. Но как мы будем говорить об этом выборе? Где мы найдем словарный аппарат, терминологию для того, чтобы сформулировать чрезвычайно сложные положения, которые нам предстоит выбрать и, может быть, найти хорошие решения?

В дальнейшем я попытаюсь перевести на обычный язык основные положения так называемой теории «справедливой войны». Моя цель – создать основу для дискуссий и суждений о репортажах об ужасах войны, которыми нас, фигурально выражаясь, бомбардируют радио, телевидение, газеты и журналы. Я лишь в некоторой степени смогу применить эти базовые положения для ситуаций, с которыми мы имеем дело в свете проблем Косово, 11 сентября, Афганистана и Ирака. Но я надеюсь, они помогут читателю использовать принципы и язык этой книги применительно к актуальным внешнеполитическим событиям. Нельзя не упомянуть, что книга написана той самой весной, когда США и их многочисленные союзники – пусть Норвегии и не было в их числе – участвовали в широко обсуждаемой войне в Ираке. Конечно, эти события повлияли на содержание книги, и в ней есть перекликающиеся с ними сюжеты. Однако моя работа была написана совсем не с целью прокомментировать текущие или недавние внешнеполитические события. Иначе она быстро устарела бы.

Военная этика пересекается с военным международным правом. Последнее, включая Устав ООН и Женевские конвенции как важные (но далеко не единственные) свои составные части, во многом основано на теории «справедливой войны» и нацеле-

но на то, чтобы сделать этику практически применимой. Этика, однако, шире права. Право – даже такое идеалистическое право, как международное, – мало говорит о том, *почему* будет правильно поступить именно так, а не иначе. Право может позволять многое, что с моральной точки зрения неправильно, в том числе налагать запрет на действия вполне оправданные с моральной стороны.

Этой книгой я ни в коей мере не хочу подрывать позиции международного права. Многие из того, что здесь написано, вполне могло бы содержаться в международно-правовом документе. Тем не менее она откладывает рамки международного права в сторону и вместо этого разворачивает поле деятельности для этики. Если бы мы рассматривали право в полном объеме, то терминология стала бы в большей степени технической, нужно было бы уделять внимание юридической практике (например, Международному военному трибуналу и другим острым проблемам), и книга как минимум раза в два выросла в объеме. Я надеюсь, что мои друзья юристы сочтут эту книгу доброжелательной попыткой расширить этические горизонты рассмотрения вопросов войны, дополняя и корректируя – ни в коем случае не вытесняя при этом – само право. Я пользуюсь случаем и рекомендую только что изданную книгу Арне Вилли Даля (Dahl) по военному международному праву (Осло: изд-во «Carpelem», 2003) – она отлично анализирует те моменты, которые в данной работе сознательно опущены.

Со времен окончания Второй мировой войны о военной этике как на английском, так и на других языках было написано очень много. Тем самым была продолжена давняя, уходящая корнями в античность, традиция. Я сам многое почерпнул, читая труды классиков от Цицерона до Гроция, а также современных мыслителей уровня Майкла Уолтцера (Waltzer) и Джеймса Тернера Джонсона (Johnson).

Тем не менее в своей книге я попытался сделать нечто большее, чем просто заново пересказать их идеи. В последнее время мне довелось немало времени уделить чтению лекций о том, что есть справедливая война, и в этой связи я попробовал найти собственный подход, который отражен в настоящем тексте. Впрочем, даже мои собственные рассуждения – это во многом результат изучения чужих трудов, и поэтому каждая вторая строка должна была бы сопровождаться ссылкой на другого автора и страницу чужой книги. Чтобы все-таки сделать мою работу более удобной

для чтения (и, сознаюсь, удобной для написания), я не поддался соблазну обильного цитирования. Вместо этого я даю лишь немногие ссылки в форме сносок там, где мое представление материала особенно подвержено чьему-то влиянию или почти совпадает с содержанием определенной статьи или книги. Эти ссылки указывают на публикации, которые перечислены в библиографическом приложении, а также на ряд других книг и статей, на которые я прямо не ссылаюсь, но считаю их полезными для дальнейшей работы читателя над темой. Литература по этому вопросу обширна — таким образом, моя библиография далека от того, чтобы быть полной.

В библиографии указана в основном литература на английском языке. Следует подчеркнуть, что и немецкоязычная, и франкоязычная литература, как и литература на других языках, внесла весомый вклад в дискуссию, интернациональную по характеру. По данному вопросу существуют богатые традиции и в неевропейских культурах, хотя они, за исключением китайской традиции Сун Цзе и исламской традиции джихада, практически не изучены в западном мире. Важным и приветствуемым исключением является норвежский религиовед Торкель Брекке (Brekke). Я думаю, что он в ближайшие годы внесет весомый вклад (как он уже и сделал) в расширение знаний о религии, обществе и конфликтах.

Автору повезло: у него есть друзья и коллеги, обладающие талантами, которыми он сам не наделен. Мой близкий друг Асбьерн Бьорнес лучше многих знает классическую и средневековую литературу, кроме того, он хороший график. Я был очень рад, когда он согласился выполнить иллюстрации к этой книге*. Он привнес собственные оригинальные идеи в сочетании с признанными «переводными» образцов военного искусства, а также оказал другую полезную помощь при написании этой книги. Большое спасибо!

Остальные благодарности вынесены отдельно в конце книги. Однако уже здесь я хочу поблагодарить свою жену Ханну Хелене Сисе не только потому, что она моя жена и поддерживала меня при написании этой книги (и многих других тоже), но и потому что она сама хорошо разбирается в этой области. Как преподаватель Высшей военной школы, она учила многих курсантов важности коммуникации, межкультурного диалога и соблюдения мораль-

* Речь идет об элементах художественного оформления норвежского издания. —
Прим. ред. рус. издания.

ных норм. Так что мне, скромному исследователю проблем *мира*, очень повезло (больше, чем я того заслуживаю), что моя жена – преподаватель Высшей *военной* школы. Книга посвящается ей и нашим четырем детям – с надеждой, что все четверо вырастут, не испытав на себе ужасов войны.

Осло, июль 2003 г.

Хенрик Сисе

ГЛАВА 1

Справедливость и насилие

Июль 2010 г. Миротворческие силы НАТО направляются в Страну басков на севере Испании. Там участились теракты и есть основания предполагать наличие связей между баскскими сепаратистами и международной террористической сетью. Испанская полиция и вооруженные силы не в состоянии контролировать ситуацию, а попытки возобновить прерванные перед этим переговоры закончились провалом. Генеральный секретарь НАТО обратился к странам-членам организации с просьбой принять меры для защиты жизни и собственности мирных граждан, а также обезвредить террористов. Стортинг в Осло обсуждает возможность норвежского участия в акции. Основным предметом дискуссии становится вопрос: «справедлива» ли эта война?

Будем надеяться, что этот пример останется гипотетическим. Однако НАТО уже приняла решение о создании модернизированного контингента сил быстрого реагирования. Евросоюз много лет обсуждал вопрос о необходимости подобного контингента. Цель – быстрая и эффективная акция против серьезной вооруженной угрозы – в соответствующих случаях и за пределами границ НАТО и Евросоюза. Если мы вспомним Конго, 11 сентября, Восточный Тимор, Косово, Руанду и Сомали, то необходимость в таких силах покажется очевидной. Мы не можем более полагаться на большие национальные армии, обученные держать традиционную оборону против других больших армий. Раз изменился вид угрозы, то нужно думать и о новых способах противодействия ей.

Когда же потребность в использовании таких сил станет *реальной*, то ситуация окажется еще сложнее. Придется учитывать не только политику, экономику и право. Кто будет финансировать акции? Каким образом распределять расходы? Кто должен взять

на себя руководство и кто должен принимать окончательное решение? Все это очень важные вопросы, но при более глубоком рассмотрении проблемы налицо *моральное противоречие*: насколько *оправдан* силовой метод решения таких проблем? Где находится нравственный порог, ограничивающий применение насилия?

Философам эта проблема известна как вопрос о «справедливой войне». На практике он может выражаться по-разному. Мы напомним читателю некоторые актуальные проблемы последних десяти лет. Оправдано ли нападение на государство, которое само не нападает и на сегодняшний день не представляет реальной угрозы, но может стать таковой в будущем (Ирак)? Оправдано ли использование крупномасштабных вооруженных сил для поиска убежищ террористов на территории других независимых государств (Афганистан)? Оправдано ли вмешательство во внутренние конфликты другой страны (Сомали)? Оправдано ли использование вооруженной силы для прекращения резни и начинающегося геноцида (Косово)?

К сожалению, в повседневной политической жизни дискуссии на военную тему сводятся в основном к обсуждению армейских структур и их расположению. Количество воинских частей, размещение штабов и военнослужащих – достаточно важные вопросы, даже жизненно важные для поддержания обороноспособности армии, однако с точки зрения морали и этики они должны отойти на второй план. Если сначала не будет определено, *когда* и *каким образом* использование военной силы является правомерным, все практические вопросы потеряют смысл.

Меня пугают и Норвегия, и Европа, и НАТО, где все чаще возникает вопрос о применении военной силы, но каждый раз с моральной точки зрения это происходит неожиданно для рядовых граждан и политиков. Меня пугает ситуация, когда мы должны отправлять норвежских солдат для участия в боевых действиях – возможно, крупномасштабных, возможно, с риском для жизни, но, что наиболее вероятно, для того, чтобы убивать – без четкого осознания того, как и почему мы должны это делать.

Единственный способ избежать такой ситуации – живой и широкий диалог о моральных нормах, которые должны составить основу для использования вооруженной силы. В этом диалоге должны принять участие военные, политики, ученые, а также широкие массы населения, включая принципиальных противни-

ков армии. Я не могу сказать, что таких дискуссий не было. Некоторое время к теме проявлялся большой интерес, и понимание ее значимости было велико. Тем не менее дискуссия не нашла продолжения, кроме того, она не учитывала многих нюансов.

Эта книга представляет собой осторожную попытку вернуться к дискуссии. Цель книги – указать на некоторые средства для продолжения жизненно важного разговора. Основной темой работы является война, однако в ней приводятся примеры и из повседневной жизни, помогающие нам лучше понять большие и актуальные проблемы и позволяющие взглянуть на них с иной точки зрения. Но в любом случае мы не должны забывать, о чем ведем речь. Мы говорим о сознательном и организованном использовании насилия в отношениях между людьми. За время существования человеческой цивилизации такое насилие применялось тысячи раз. Во времена монгольского нашествия оно унесло сотни тысяч человеческих жизней в средневековой Европе, во время многочисленных войн нашего времени (в том числе религиозных) послужило причиной невиданных потерь, а в прошлом веке унесло жизни десяти миллионов человек во время Первой мировой войны и 55 миллионов – во время второй¹. Иногда война означает честь, героизм и справедливость. Тем не менее война всегда подразумевает страдания, разрушения и смерть.

Эта глава носит подготовительный характер. Мы поместим дискуссию о войне в контекст таких понятий, как справедливость, пацифизм и реализм. Тот, кто будет быстрее готов к дискуссии о войне как таковой, может сразу перейти к главе 2, но я уже подчеркнул, что размышления и подготовка, в том числе и умственная, очень важны. Поэтому я надеюсь, что нижеследующие рассуждения покажутся вам и полезными, и побуждающими к продолжению разговора.

Справедливость

Имеет ли смысл понятие «справедливая война» в принципе? Мы еще обратимся к этому вопросу в начале следующей главы. Однако, независимо от отношения к понятию, давшему название книге, мы можем сразу принять за данность, что, ведя разговор о войне и мире, мы исходим из представления о справедливости.

Термин «справедливость» может употребляться в разных значениях. Он может подразумевать равные условия, справедливое распределение ценностей, законопослушность, разумность и доброту.

Знаменитое определение справедливости, учитывая вышеупомянутые нюансы, гласит, что каждый должен иметь или получить то, что ему полагается². Всем нам и по повседневной жизни, и по экстремальным ситуациям известен этот стиль рассуждений. Если я работаю по контракту, я должен получать положенную мне зарплату. Если я что-то украл, я должен вернуть украденное и понести соответствующее наказание. Если мои дети помогли мне и вымыли посуду, их нужно похвалить – или дать им на карманные расходы. И если одно государство нападает на другое без видимой причины, оно должно получить достойный отпор. Все это мы называем «справедливым».

Однако не всегда все так просто. Иной раз мы сильно сомневаемся в том, что считать справедливым, а в другой мы попадаем в ситуацию, когда не можем отказаться от собственных интересов и принять то, что объективно является справедливым. Справедливость – очень важный критерий для маленьких детей. Но дети не в состоянии различать обстоятельства, когда требуется действительно немедленная реакция и восстановление исходного порядка, и те случаи, когда ситуацию можно разрешить менее категоричным способом или когда ситуацию следует разрешить в пользу кого-то другого или вообще не обращать на нее внимания. Так, например, реакция младшей сестры на то, что старшей досталось чуть больше сладостей, может заставить взрослых обреченно вздохнуть: «Да, неудивительно, что в мире случаются войны». Иногда ответные действия глав государств в самом деле напоминают детские реакции, отличаясь лишь причинами и обоснованием.

Хвататься за оружие – это бурная реакция. Некоторые считают, что ее никогда нельзя оправдать. Такова принципиальная позиция пацифистов. В этой связи я могу провести следующую аналогию. Мои дети иногда заслуживают телесного наказания. В то же время я считаю такую форму наказания недопустимой. Таким образом, я могу действительно полагать, что применение насилия может быть одновременно и справедливым, и несправедливым. Оно справедливо лишь в том случае, если оно адекватно

причиненному вреду, но в то же несправедливо, если используются недопустимые с моей точки зрения средства.

Есть много оснований для того, чтобы последняя точка зрения, характерная для пацифистов, возобладали над первой. Я могу, например, считать, что многократные телесные наказания в перспективе приносят больше вреда, чем пользы, поскольку и наказываемый, и тот, кто наказывает, становятся более агрессивными. Таким образом, я считаю, что последствия наказания неблагоприятны. Однако я могу также полагать, что применять насилие неправильно вообще. В последнем случае я не принимаю во внимание, будет ли от этого наказания польза и адекватно ли оно причиненному вреду. Несмотря ни на что, я считаю, что люди должны избегать применения насилия³.

Пацифизм находится на одном конце явления, которое мы можем представить в виде «последовательности» — взаимосвязанного линейного ряда, с различными вариантами суждений о справедливости войны в середине и с так называемым политическим реализмом на другом конце⁴. Я хочу изобразить это именно в виде линейного ряда, поскольку между разными суждениями существует плавный переход из одного в другое и мы редко можем наблюдать их в чистом виде. Можно, конечно, представить их и в виде совершенно независимых точек зрения, так как опора на разные ценности приводит к различиям в итоговых суждениях.

Независимо от того, выберем ли мы в качестве образца линейный ряд или что-то другое, можно сказать, что пацифизм и политический реализм — две противоположности, между которыми находится множество возможных вариантов. В то же время, несмотря на свой взаимоисключающий характер, эти позиции имеют очень важную общую черту — и та, и другая подразумевают, что насилие и мораль несовместимы. Однако на одной и той же основе делаются совершенно разные заключения. Пацифисты считают, что применение насилия изначально является аморальным и поэтому его следует избегать. Реалисты, напротив, полагают, что применение насилия, в том числе на межгосударственном уровне, неизбежно, и добавляют, что любая попытка подчинить его моральным нормам обречена на неудачу. С точки зрения реалистов, военная сила находится вне морали.

Как пацифизм, так и реализм — позиции неоднозначные. И у той, и у другой есть множество отклонений. Целью настоящей

главы является как раз выявление нюансов и рассмотрение их по отношению к иной точке зрения на ведение войны. Я надеюсь также, что этот разговор поможет читателю разбудить собственную моральную интуицию. Большая часть норвежских мужчин должна была (или будет должна) определиться, считают ли они себя пацифистами. Что касается отношения к воинской обязанности в Норвегии, то занять позицию, противоположную пацифистской, легче всего. Для этого, строго говоря, вообще ничего особенно делать не нужно, а следует просто поступать «как все». А вот чтобы получить освобождение от службы в армии по убеждению, нужно сделать самостоятельный осознанный выбор.

Для женщин ответ на вопрос «пацифист/ка я или нет» не имеет такого же непосредственного влияния на личную судьбу, как для мужчин. В армии они не служат. Это не означает, однако, что сам вопрос для них не имеет значения, поскольку проблема использования военной силы в широком смысле слова касается и женщин, и мужчин.

Итак, перед нами возникают два вопроса. Первый из них – личного характера: «Могу ли я лично принять участие в применении военной силы?». Второй – политический: «Правомерно ли использование военной силы со стороны государства (вообще или в конкретной ситуации)?». С моей точки зрения оба вопроса – предмет *морали*, или, говоря другим языком, в свете нашей темы о справедливой войне оба вопроса сводятся в той или иной мере к тому, какие действия против других людей можно назвать справедливыми.

Пацифизм

В настоящей книге я не ставил перед собой цель подробно познакомить читателя с пацифистским образом мышления. Для этого потребовалось бы рассмотреть с точки зрения философии основы идеи о недопустимости насилия, а также представить центральные фигуры, практиковавшие этот образ мысли, как, например, Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг⁵. Позвольте мне ознакомить вас с лишь некоторыми основными позициями внутри этого идейного направления.

Первую и наиболее открытую позицию мы можем назвать *абсолютным пацифизмом*. Он подразумевает, что любое насилие по

отношению к человеку аморально. Однако уже внутри этой позиции можно различить некоторые нюансы. Человек, который считает, что применение насилия само по себе неправильно, может в то же время полагать, что смертельное насилие хуже, чем менее жестокие его формы. Соответственно, полиция или органы юстиции должны иметь возможность применять насилие в ограниченных масштабах, но они не имеют право кого-либо убивать. Таким образом, сторонник этой точки зрения, скорее всего, будет против существования армии, поскольку ей вряд ли удастся избежать убийства других людей, если придется начать военные действия, но в то же время этот человек будет выступать за существование полиции и других правоохранительных органов.

Другая позиция предполагает невозможность личного участия в насильственных действиях, однако соглашается с необходимостью для общества таких институтов, как полиция и армия. Есть ведь сторонники смертной казни, которые не хотели бы быть палачами! Действительно, вряд ли кто-то будет требовать от сторонника смертной казни лично рубить топором головы, но сомнения в приемлемости такой двойственности, согласитесь, возникает. Разумно ли требовать от других исполнения «грязной работы» — применения военной силы, в то время как я лично считаю, что это необходимо, но только не хочу делать это сам? Разумно ли доказывать, что общество должно делать то, что я лично для себя считаю неправильным и неприемлемым? Не буду делать выводов и оставляю этот вопрос без ответа. В жизни мне приходилось сталкиваться с убежденными пацифистами, которые, став политиками или исследователями, выступали за использование военной силы. Возможно, они изменили свою точку зрения. А возможно считают, что применение насилия необходимо, поскольку, к сожалению, таков мир, но лично они не могут принять в этом участие по моральным соображениям.

Существует множество отклонений от чистого пацифизма. Одной из таких позиций является *институциональный пацифизм*. Она определяется ответом на знаменитый вопрос, который хочется задать любому пацифисту: «А что бы ты сделал, если бы напали на твою мать? Неужели бы ты не нанес ответный удар?». Институциональный пацифист мог бы ответить, что такая ситуация, несомненно, требует адекватной реакции, часто с применением силы. Однако *организованное* насилие, например в форме

армии, где *учат* применять силу, тем не менее неправомерно. Такой пацифист против *институтов насилия*. То обстоятельство, что в повседневной жизни встреча со злом и несправедливостью, в частности в экстремальных ситуациях, может спровоцировать ответное насилие, им не отрицается. Такого пацифиста, конечно, спросят, а какова тогда разница между повседневным насилием и насилием на международном уровне. По-видимому, аргумент о нежелании организованно обучаться науке уничтожения, поскольку тем самым насилие закрепляется и приобретает организационные формы, весьма успешно сосуществует с личным правом на применение силы в случае необходимости. Как такой «институциональный пацифист» отнесется к действиям полиции, не совсем ясно. Вероятнее всего, он будет размышлять над тем, развитию какого вида насилия способствует существование института полиции, и, исходя из этого, скорее всего, выразит ему поддержку, поскольку данный институт находится на низшем уровне использования силы.

Идем дальше. У нас есть все виды сторонников милитаризма в зависимости от ситуации. Вряд ли это вообще можно назвать пацифизмом. Здесь мы сталкиваемся с людьми, которые считают, что милитаризм и применение насилия не всегда есть плохо. В то же время они считают, что в данной политической ситуации применение насилия неоднозначно с этической точки зрения, и, поэтому, совесть не позволяет им принимать участие в военных действиях. Мы знаем примеры, когда норвежские солдаты, а также солдаты других стран НАТО отказывались исполнять свои служебные обязанности по причине несогласия с политической и стратегией альянса. Недавно стал известен случай, когда израильские солдаты отказались принимать участие в несправедливой, по их мнению, форме ведения войны со стороны израильской армии⁶.

У противников этой точки зрения опасения вызывает обстоятельство, что найти логическую границу между тем, что приемлемо, а что нет, фактически невозможно. Поэтому всеобщую воинскую обязанность можно не исполнять. Поразмышляйте, например, над таким заявлением: «Я не доверяю премьер-министру от партии Хёйре* и поэтому не собираюсь служить в армии». Мы не можем отрицать, что такие случаи, когда отказ от военной

* Хёйре (Høyre) — Консервативная партия, одна из крупнейших партий Норвегии. — *Прим. перев.*

службы имеет вполне достойные этические основы, существуют. Наиболее показательный пример представляют солдаты, отказавшиеся служить Гитлеру. Найти, где проходит граница между приемлемым и неприемлемым использованием вооруженной силы в той или иной ситуации, весьма сложная задача. Что мы скажем, например, о солдате, оставляющем поле боя только потому, что он или она не хотят мириться с тем, что Джордж Буш решает за весь западный мир, когда нужно прибегать к оружию?

Мы можем упомянуть еще одну форму отношения к войне в зависимости от ситуации, которую можно назвать «атомным пацифизмом». Ее основу составляет мнение о том, что современная война, при наличии возможности применения оружия массового поражения, представляет такую серьезную угрозу, что война как таковая – даже если ее объявление и было когда-либо в истории человечества оправдано – не имеет более права на существование. Если мы обратимся к дискуссиям двадцатого века о войне и этике, мы увидим, что основной разговор ведется как раз о ядерном оружии, а также о том, что его наличие провоцирует серьезное военное противостояние⁷.

Это конкретное течение в пацифизме значительно утратило свои позиции с окончанием холодной войны, поскольку угроза масштабного ядерного геноцида уже не имеет политических оснований. Однако ядерное оружие все еще существует в таких количествах, что его достаточно для того, чтобы неоднократно уничтожить все живое на планете. Кроме того, Норвегия сама является членом альянса, твердо стоящего на позиции законности владения ядерным оружием⁸, а также его использования в военной доктрине. Возможность для дальнейшего развития этого вида вооружений, а также его ограниченного использования не исчезла. Независимо от какой-либо из существующих точек зрения на роль ядерного оружия во времена «холодной войны» — а здесь тоже есть место для разногласий, — все организации и государства, желающие ограничить разрушительные последствия войн, должны добиваться более строгих условий для развития, распространения и использования как ядерного, так и других видов оружия массового поражения. Деятельность ООН по выявлению возможных источников ядерного, биологического и химического оружия в Ираке зимой и весной 2003 г., до объявления иракской войны, представляла собой важный шаг в этом направлении, и имела широкое одобрение

и поддержку. Срыв этой работы, продолжавшейся и тогда, когда война все же была развязана, вызывает беспокойство. Будем надеяться, что США и другие ведущие страны НАТО не прекратят поддержку этой деятельности под эгидой ООН и не утратят к ней интереса. Напротив, надо приложить все усилия, чтобы при широкой поддержке эти работы продолжались и в других странах, подозреваемых в производстве оружия массового поражения.

Вернемся к пацифизму. Даже для приверженца противоположной точки зрения, который с пеной у рта будет доказывать, что мировое зло иногда заслуживает силовых мер, и который охотно добавит, что хорошая подготовка к войне как раз и является самым лучшим средством избежать применения насилия для противодействия злу, многие формы пацифизма могут быть убедительным подтверждением права на свое существование. Начиная с мучеников эпохи раннего христианства и заканчивая освободительным движением под руководством Ганди, безоружный мужественный человек всегда производил неизгладимое впечатление. Еще более серьезное значение имеет скрытый призыв пацифистов обратиться к нравственности и попытаться найти другие, невооруженные способы решения конфликтов, попытаться выработать ненасильственный образ мышления и остановить гонку вооружений, шаг за шагом уменьшая их производство. С этой точки зрения пацифизм можно рассматривать как дополнение, а не противоположность по отношению к точке зрения, оправдывающей применение оружия в отдельных случаях. Пацифизм – это идеал, а идея справедливой войны – прискорбная уступка ужасным реалиям современного мира.

В завершение подчеркнем, что пацифизм отнюдь не пассивен. Легко представить себе пацифиста в виде пассивного, безучастного наблюдателя, старающегося держаться в стороне от мировых конфликтов. Пацифизм как в сознании, так и на практике, напротив, весьма деятельная позиция. Большинство пацифистов активно принимают участие в любых формах ненасильственного протеста и видят в этом суть борьбы со злом. Так, например, протест против авторитарного режима выражается в виде стачек, отказа от повиновения и других гражданских форм протеста, продолжение которых в течение длительного времени делает дальнейшее проведение авторитарной политики невозможным. Нам знаком протест католической церкви против нацистской программы эв-

таназии в годы Второй мировой войны, ставший примером отчасти успешной попытки ненасильственного сопротивления мощной неограниченной власти⁹. Примеры подобного рода служат доказательством возможности и эффективности ненасильственного протеста и уж во всяком случае свидетельствуют об активности такой позиции.

Можем ли мы в таком случае считать пацифизм приемлемой позицией? Есть немало людей, считающих, что с моральной точки зрения пацифизм – *единственно* приемлемая позиция. Мои же сомнения привели меня к другой точке зрения. Я поддерживаю отношения и работаю вместе (сталкиваюсь по долгу службы) с таким количеством пацифистов, что готов признать – от этой позиции нельзя просто отмахнуться как от трусливой или утопичной. Ее основная проблема заключается в следующем: если бы все люди были пацифистами, наступил бы мир во всем мире. Но если даже пацифисты были бы в большинстве, то оставшаяся часть, хоть и очень малая, в своей борьбе за власть, престиж или идеологическое влияние держала бы весь остальной мир в качестве заложников. Я считаю, что реальное существование зла и необходимость защитить себя от него заставляют нас рассматривать использование военной силы в качестве одного из возможных вариантов.

Реализм

Непривычный к языку обществоведов человек наверняка сочтет определение «реализм» необычным. В философии, литературе, повседневной речи это понятие используется иначе, чем в международной политике. Чтобы отделить этот «реализм» от других, назовем его «политическим реализмом», несмотря на то, что в книге мы часто будем использовать слово «реализм» без уточняющих определений¹⁰.

Политический реализм, как и пацифизм, имеет множество вариантов. Изначально мы можем определить его как учение о том, что международная политика вообще и война, в частности, не подчиняются законам морали. Согласно этой точке зрения, под внешней политикой государства понимается защита собственных интересов, а безопасность и власть – ее основополагающие понятия.

Несмотря на то что подобные «реалистические» воззрения мы можем найти еще у греческого историка Фукидида в V веке до н.э.

и позднее у Николо Макиавелли в эпоху Возрождения, первым, кто заложил теоретические основы реализма, был, скорее всего, Томас Гоббс. Он писал в «Левиафане» (1651 г.), что государства в отношении друг друга живут в «естественном состоянии», когда нет судьи, могущего определить, что есть правильно, а что – нет. Поэтому главным критерием того, как следует поступать, являются интересы отдельного государства¹¹. Истоки реализма следует искать во времена Гоббса еще и потому, что именно тогда происходило становление современной государственности. Конец Тридцатилетней войны в 1648 г., так называемый Вестфальский мир, ознаменовал наступление эры европейской (а затем и общемировой) системы суверенных государств. В этой системе отдельное государство рассматривается как самостоятельная единица, несущая полную ответственность за собственное благополучие. Именно это положение лежит в основе современного политического реализма.

Хотя реалисты разделяют сферы действия морали и международной политики, трудно найти такого реалиста, который был бы убежден в том, что нормы морали действительно не играют *абсолютно никакой роли* в решении вопросов войны и мира. В таком случае понятие морали должно толковаться весьма узко. Если, например, понимать мораль только лишь как «постоянное самопожертвование» — образцом такого идеального поведения была жизнь матери Терезы, — в таком случае реализм останется единственно приемлемой моделью для внешней политики. Но никто не согласится с тем, что государство должно жертвовать собой и поступать во вред себе во всех своих проявлениях. А если считать, что в категорию моральных поступков входят также и действия, в определенной степени совершаемые под влиянием собственного интереса и учитывающие не только собственные права, но и права других, то тогда трудно предположить, что вопросы войны и мира могут находиться совершенно вне морали. В теории такое, наверное, возможно, но на практике вряд ли.

Неоднозначность реализма заключается в том, что он выражается как в дескриптивных (описательных), так и нормативных (законодательных) формах. То обстоятельство, что учение, изначально выступающее против вмешательства морали во внешнюю политику, может быть нормативным, т.е. предписывать, как всё *должно* быть, выглядит противоречащим само себе. Многие ре-

алисты также четко придерживаются нормативной линии в том плане, что они защищают наиболее приемлемые с их точки зрения нормы поведения. Они убеждены, что реализм – самая *лучшая* позиция.

В наше время «законное» и «моральное» не всегда равнозначные понятия. Можно стойко защищать нормы, продиктованные исключительно собственными интересами, и быть, таким образом, как «законником», так и неэтичным или аморальным человеком (в этой связи мы используем эти понятия для описания друг друга¹²). Николо Макиавелли был явным «законником» — он говорил о том, как монарх или республика *должны* себя вести, — но не в смысле этики и морали. Он выступал за *необходимость* расширения и укрепления власти, как правило, при этом без оглядки на моральные принципы.

Выглядит поразительным что многие реалисты защищают свои взгляды, опираясь и на мораль, и на закон. Ведущие представители реализма XX века, такие, как Ханс Моргентау и Кеннет Уолтц, доказывали, что их мировоззрение, в некоторой степени основанное на борьбе за власть и собственные интересы, может содействовать – если ему будут следовать – созданию внешней политики, способной предотвратить ненужное кровопролитие и идеализм «крестовых походов». Реалистичный мир, с их точки зрения, — это более безопасный и стабильный мир. Если целью является достижение мира, то надо идти за *реалистами*, а не за идеалистами-моралистами¹³. Все это демонстрирует неоднородность реализма. Мыслители, подобные Моргентау и Уолтцу, представляют реализм как лучший путь к достижению мира¹⁴. Реализм Макиавелли, напротив, как и реализм грека Фукидида, представленный в его истории Пелопоннесской войны, направлен на укрепление собственной власти и защиту собственных интересов, а никак не на достижение мира.

На этой основе мы можем обозначить многообразие форм реализма. Во-первых, мы имеем реализм вне морали, который принимает за должное, что люди и государства руководствуются в первую очередь собственными интересами. С этим ничего нельзя сделать, это ни хорошо, ни плохо, такова природа человека и политики. Таковы были аргументы афинян в Пелопоннесской войне. Они не были виноваты в том, что расширяли свою империю, — так ведут себя могущественные государства. Мы здесь не говорим о

том, как государства или правители должны себя вести, но констатируем то, что происходит в действительности, и приспособляем к этому как политику, так и мораль.

Более «законническая» версия абсолютного, неморального реализма исходит из того, что задачей и *обязанностью* любого политического лидера является защита собственной власти или собственного народа. Если для этого требуется эгоистичная и воинственная внешняя политика, что ж, возразить нечего. С этой точки зрения цели политики также не имеют ничего общего с моралью, поэтому и устанавливать нормы морали в качестве образца или ориентира чьей-либо политики не следует.

Надо подчеркнуть, что это вовсе не означает, что нельзя проводить политику, которая в глазах других (или согласно моральным нормам или теории) является правильной с точки зрения морали. Если в политике – внешней или внутренней – достигаются высокие цели из-за того, что эта политика считается позитивной и справедливой, именно к такому образцу и следует стремиться. Относиться к другому государству так, чтобы это отношение соответствовало моральным нормам (например, выполнять условия соглашений или иметь хорошие дипломатические отношения) только потому, что это выгодно для имиджа, совсем не то же самое, если делать это, исходя из моральных соображений или заботы о другой стороне¹⁵. Гитлеровская Германия оправдывала свое нападение на Норвегию 9 апреля 1941 г. защитой норвежского нейтралитета от британской агрессии. Несмотря на то что борьба с британцами за Норвегию была вполне реальной, мы видим совершенно наглядный пример реалистичной (исходящей из собственных интересов) политики, ведущейся на основе национал-социалистической идеологии, прикрытой словами о морали и международном праве в расчете на положительное восприятие со стороны норвежских властей и населения. (Не будем забывать о том, что немецкий и британский «интерес» к Норвегии изначально различался в своей основе.)

Что этические соображения и собственные интересы могут часто совпадать и даже способствовать друг другу, это уже другой разговор. Норвежская политика помощи развивающимся странам может послужить наглядным примером комбинации собственных интересов и альтруизма (жертвенности). Некоторые, конечно, будут утверждать, что собственный интерес зачастую вытесняет на-

стоящий альтруизм, в то время как другие, напротив, считают, что альтруизм не позволяет учитывать собственные интересы. Многочисленные дискуссии о том, в какой степени норвежская внешняя политика должна быть реалистичной или идеалистичной, показывают, что на этот вопрос трудно найти окончательный ответ¹⁶.

Реализм существует и в других, более ограниченных вариантах – когда считается, что реалистичный взгляд на вещи приемлем для определенных условий, но отнюдь не универсален. Такой вариант реализма в контексте темы нашей книги мы можем назвать реализмом *ad bellum*. *Ius ad bellum* (право на войну) – учение о том, *когда* правомерно прибегать к войне, в то время как *ius in bello* (военное право) – учение о том, *какие действия* правомерны во время войны. На основании различия между этими двумя категориями с латинскими наименованиями определяются главные направления в учении о справедливой войне. Мы более тщательно рассмотрим каждое из этих направлений в следующих главах. Сейчас мы определим их как две формы реализма, которые следует описать¹⁷.

То, что я называю реализмом *ad bellum*, исходит из того, что *причины возникновения войны находятся вне рамок морали*. Если мы будем считать это дескриптивной (рекомендательной) теорией, можно или подтвердить эту точку зрения тем, что государства по определению неспособны руководствоваться моральными соображениями в своих действиях, или считать, что государства по своему желанию вполне могут действовать, исходя из моральных соображений, однако на практике этого не делают. В любом случае результат будет одинаков: государства (или подобные им действующие лица) при решении вопроса о войне и мире руководствуются собственными интересами. Нормативный вариант этой же теории предусматривает, что государства и их главы *должны* при принятии важных решений руководствоваться собственными интересами.

Я называю эту теорию реализмом *ad bellum* для того, чтобы направить внимание на его внутренние побудительные мотивы. Это реализм, подразумевающий, что государства исходят из собственных интересов, *когда необходимо принять важные решения на международном уровне*, особенно когда решается вопрос о необходимости войны. Речь идет о мотивации стратегических решений, а не о способах ведения войны.

Этот вид реализма (реализм *ad bellum*) необязательно сопровождается так называемым реализмом *in bello* («реализмом военного времени» или «реализмом средств»), который будет подробно описан ниже. Можно действительно считать, что на практике, объявляя войну, государства руководствуются собственными интересами (или, с нормативной точки зрения, должны делать это), но в то же время исходить из того, что способы ведения войны не должны выходить за рамки, определенные международным правом и этическими нормами. Многие офицеры служат хорошим примером описываемого нами подхода. Они считают своей обязанностью защищать государство, которому они служат, отдавать соответствующие приказы и изыскивать эффективные способы борьбы (если необходимо – военных действий) для своего государства. Это обязанность, которая, в большей или меньшей степени, находится за пределами действия принятых в государстве моральных норм; это то, что мы можем назвать реализмом *ad bellum*. В то же время они вполне могут считать (исходя из этических принципов профессии или военной чести), что способы ведения военных действий не должны противоречить нормам морали, как-то: мирное население не должно становиться объектом нападения, следует не допускать изнасилований, грабежей и пыток и т.п.

Реалист *in bello*, напротив, будет считать правомерными любые средства для достижения собственной цели до тех пор, пока эти средства повышают вероятность достижения искомой цели. Если использование пыток или ковровых бомбардировок способствует достижению поставленной цели в данной войне, такой реалист не найдет аргументов против их применения. Когда цель поставлена, для ее достижения должны использоваться самые эффективные средства. Этому при желании можно найти (псевдо)моральное оправдание, а именно, что ужасы войны следует прекратить как можно скорее. Исходя из примерно таких соображений в 1945 г. было принято решение о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки – акции, которая сама по себе противоречила как нормам международного права, так и нормам военной этики.

Теоретически варианты реализма *in bello* и *ad bellum* не взаимосвязаны. Можно вполне полагать, что для того, чтобы начать войну (или подобные ей акции, как-то: санкции или блокады), нужно иметь моральные основания, но, когда конфликт уже разгорелся и цели его признаны справедливыми, не следует чинить

препятствий тому, что делается для его разрешения на практике. Один из вариантов такого мировоззрения послужил основой западной позиции во время «холодной войны». Большинство ведущих американских политиков считали, что они ведут борьбу за лучшую и более справедливую форму правления и их победа над коммунизмом будет иметь моральное значение. В то же время они были убеждены в том, что средства, используемые для достижения окончательной победы или, на худой конец, нейтрализации советского коммунизма, вполне могут оказаться «на грани» допустимого по сравнению с тем, чего обычно ожидают от государств, придерживающихся высоких моральных принципов, в данном случае от США или других стран НАТО. В этой связи мы можем вспомнить поддержку авторитарных режимов по всему миру (в частности, в Латинской Америке) и даже экстремистских движений (моджахеды в Афганистане) или государств-диктатур (Ирак при Саддаме Хусейне) с целью обеспечить себе победу в «большой войне», в том числе в «холодной». Такое поведение аморально *in bello*, в то время как в отношении главной цели, т.е. *ad bellum*, оно вполне морально и идеалистично. Подобный стиль мышления мы можем отчасти наблюдать среди американских неоконсерваторов, составляющих большинство в окружении Джорджа У. Буша. Мы видим серьезную моральную озабоченность в отношении поведения террористических государств и диктаторов, — так называемых «опасных режимов»¹⁸. В то же время мы наблюдаем определенный цинизм в отношении выбора средств, используемых ради достижения этой высокой моральной цели — их нейтрализации.

Я думаю, однако, что основополагающее «реалистичное» отношение к внешней политике и войне обычно сводит эти две формы реализма воедино. Действительно, если изначально считать, что мораль не имеет первоочередного влияния на межгосударственные отношения, трудно объяснить, почему она тем не менее должна иметь в этой сфере некие ограниченные функции. Правильнее всего в таком случае воспринимать эти два «реализма» как независимые точки зрения, поскольку они отражают совершенно разные взгляды, которых может придерживаться реалист. Однако на практике характер позиции реалиста определяется ее положением в шкале между реализмом и пацифизмом. Чем больше значения при принятии решений придается моральным соображениям, тем меньше оснований считать такого человека реалистом.

В начале предыдущего абзаца я употребил термин «реалистичный» в кавычках. Тем самым я хочу обратить внимание на то, что будет, наверное, сильнейшим аргументом против чистого реализма: этот «реализм» вовсе не реалистичен! Можно быть вполне убежденным в том, что государства и государственные деятели часто руководствуются исключительно собственными интересами и лукавят, когда пытаются дать своей политике моральное обоснование, однако *нельзя* сказать, что при формировании внешней политики и принятии решений об объявлении войны моральным соображениям не уделяется никакого внимания. Любой анализ внешнеполитической деятельности покажет, что на практике моральные принципы играют в ней центральную роль, например, в демократических государствах, где именно этические идеалы побуждают к дискуссиям о характере межгосударственных отношений. Даже в авторитарных государствах на формирование политики влияют не только собственные интересы в узком понимании этого слова. Как политические идеи, так и религиозные учения оказывают самостоятельное влияние на мотивацию действий, и именно этот характер мотивации многим реалистам трудно втиснуть в рамки своих убеждений. Иначе говоря, реализм как дескриптивная теория не так уж и реалистичен.

Другое дело, если у реализма сильная *нормативная* позиция. Можно считать, что государствам, руководствующимся собственными интересами и считающим, что и другие делают то же самое, лучше играть в шахматы и таким образом избежать войны (в качестве примера приведем времена «холодной войны»). Также можно утверждать, что отсутствие идеализма способствует предотвращению идеологических войн, в которых противнику силой навязываются собственные убеждения (крестовые походы в Средние века, распространение ислама или борьба за победу марксизма в недавнем прошлом). Иначе говоря, страны, руководствующиеся собственными интересами, вряд ли станут развязывать разрушительные войны, чего не скажешь об идеалистически настроенных государствах. (Так, например, именно с этой точки зрения многие реалисты скептически отнеслись к войне США против Ирака в 2003 г.)

Такие рассуждения заставляют нас думать о том, что государственный эгоизм неагрессивен и может быть разумным образом отделен от идеалов, однако и это мнение не особенно приемлемо.

Эгоистичное государство, более могущественное по сравнению (например) с богатым ресурсами соседом, неизбежно сочтет себя заинтересованным в получении контроля над этими ресурсами. Почему государственный эгоизм должен мирно существовать в пределах отдельного государства, если нет нормативных границ в виде международного права и морали, мягко говоря, непонятно.

Кроме того, осознание собственных интересов часто вырастает на определенных идеалах или получает идеологическую окраску. Распространение собственных убеждений или защита союзников, придерживающихся того же мировоззрения, для многих людей составляет если не полностью, то частично основу для собственных интересов. При ближайшем рассмотрении оказывается, что и воюющие государства, почти все без исключения, точно также демонстрируют сложное сочетание собственного интереса и идеалов, в котором (даже в отношении тех, кто принимает решения) трудно отделить одно от другого¹⁹.

Эти рассуждения заставляют подвергнуть сомнению нормативные утверждения реалистов о том, что их относительно узкая нацеленность на собственные интересы в перспективе ведет к меньшей опасности конфликтов и войн. Возможным исключением является, однако, «холодная война». Мировой терроризм можно сдержать, если создать так называемый «биполярный мир» (т.е. мир с двумя центрами власти), в котором, как многие считают, большой конфликт маловероятен, поскольку действующие лица достаточно ответственны и разумны, чтобы удержаться от соблазна привести в действие свой взаиморазрушающий потенциал. Классиком этого направления мысли стал Кеннет Уолтц. Он многих привел к мысли о том, что угрозу представляет мир, в котором существует или одна сверхдержава, или множество различных центров власти. При таком порядке конфликты происходят постоянно то тут, то там, нет привычных альянсов, отсутствует внутреннее равновесие сил. Многие считают, что в настоящее время мы имеем некую смесь «многополярного» и «монополярного» мира, т.е. мир с множеством центров власти при наличии одного, превосходящего их всех полюса силы, а именно США.

Стал ли мир безопаснее после окончания «холодной войны»? Согласно концепции Уолтца, ответ будет скорее отрицательным. При всем том количественные показатели свидетельствуют, что в наше время количество вооруженных конфликтов уменьшилось

по сравнению с последним десятилетием «холодной войны»²⁰. Пик вооруженных конфликтов пришелся на начало 90-х²¹, однако со временем их число постепенно уменьшилось. В 2005 г. в мире был зарегистрирован 31 вооруженный конфликт, большинство – гражданские войны. (Несмотря на то, что в ряде конфликтов друг другу противостояли вооруженные силы разных государств, причины и суть таких конфликтов позволяют считать их фактически гражданскими войнами. Иначе говоря, традиционные войны между государствами – сегодня редкое явление.) Это означает, что после окончания «холодной войны» налицо позитивные тенденции в отношении уменьшения как количества войн, так и количества жертв. Так, за последние 15 лет произошло гораздо меньше военных конфликтов, чем за последние 15 лет «холодной войны». Однако, хотя тенденции к снижению числа вооруженных конфликтов налицо, чему способствуют эффективные переговоры и заключение мирных договоров, эти цифры все еще остаются значительными, как и угроза возникновения новых очагов в некоторых регионах.

Мы использовали эти сухие цифры, за которыми кроется множество страданий, *не для того*, чтобы делать однозначные выводы. Завершение соперничества США и Советского Союза означало также ликвидацию связанных с ним конфликтов. Однако общее снижение числа конфликтов имело и другие причины, например устранение противоречий, связанных с колониальной зависимостью. (По данным некоторых статистиков, две из каждых трех войн в период с 1950 по 1980 г. были связаны с колониальными вопросами.) Кроме того, повысилась эффективность миротворческой работы с помощью ООН, Всемирного банка и ряда общественных организаций.

Однако полностью отбрасывать концепцию Уолтца не следует. Он делает упор на возможность полной предсказуемости и контроля над ситуацией в «биполярном» мире по сравнению с «многополярным». Речь идет также о различии ситуаций: одно дело мир, в котором две сверхдержавы поддерживают равновесие, и другое — мир со множеством центров власти, которых становится все больше, в сочетании с наличием единственной настоящей сверхдержавы. Как указывает Уолтц, действительно, террористы и негосударственные деятели со своей тайной и довольно масштабной сетью, вкупе с гражданскими войнами, происходящими

без вмешательства сверхдержав, представляют угрозу безопасности в иной форме, нежели это было во времена «холодной войны». Кроме того, преимуществом сдерживания терроризма, по мнению Уолтца, является то, что в этой ситуации большая война невыгодна для сверхдержав. «Многополярный мир», не имеющий такой предсказуемой военной и политической структуры, способен создать более масштабную угрозу.

Наверное, еще рано делать окончательные выводы о распространении войны и мира в период после «холодной войны». В то же время нельзя сказать, что ситуация во времена «холодной войны» была стабильнее и безопаснее. Это не соответствует действительности, по крайней мере в отношении периода с середины 70-х до начала 90-х годов прошлого века, наиболее богатого вооруженными конфликтами. Но мы не можем также утверждать, что сейчас нам удалось создать новый, более стабильный мировой порядок. Многие до сих пор испытывают отсутствие власти и правопорядка, а изменения, происходящие в мире, складываются не в их пользу. Все это создает предпосылки для недовольства и конфликтов. Чем сильнее недовольство, чем глубже оно проникает в идеологию и становится частью ее насильственных проявлений, чем дольше ему не противопоставляется конструктивная деятельность, снимающая напряжение, тем сильнее опасность террористических действий и идеологически обоснованной ненависти, направленной против мира богатых (в первую очередь, против США) и угроза дальнейшему развитию позитивных процессов. Мы достигли больших успехов в борьбе за мир, но работы все еще много.

Между крайностей

Я принимаю за данность, что наша цель — предотвратить войну или в крайнем случае уменьшить ее отрицательные последствия. В таком случае и пацифизм, и реализм сталкиваются с явными проблемами. Пацифистов можно спросить: а что было бы, если бы никто не оказал сопротивления Гитлеру? Реалистов можно озадачить вопросом: все ли во время войны законно и всегда ли законно прибегать к оружию, когда война отвечает интересам государства?

Учение о «справедливой войне», составляющее главную идею нашей книги, образует как бы средний путь между этими представленными позициями. Обе рассмотренные нами позиции оказали на него свое влияние, в чем читатель постепенно убедится, когда мы представим основные идеи и ценности учения о «справедливой войне». Располагаясь между крайних точек, мы следуем классическому примеру, а именно учению Аристотеля о добродетелях. Настоящая добродетель, согласно Аристотелю, находится всегда посередине между крайними ее проявлениями²². Найти правильный средний путь, умеренный по отношению к обоим крайностям, но оптимальный по отношению к добру, должны и мы, особенно когда речь идет о такой серьезной проблеме, как война. Мы не будем стремиться к сомнительному компромиссу, но постараемся найти моральный путь сквозь джунгли безнравственности и страданий.

Примечания

- ¹ Coppieters & Fotion, 2002. P. xiii.
- ² См.: Аристотель. *Никомахова этика*. Кн. V.
- ³ Эти рассуждения можно понимать в контексте «этики долга» (в отличие от «этики последствий»), однако их можно также понимать как так называемые *добродетельно-этические* рассуждения, также имеющие дело с характером отношений. Я вернусь к этим этическим категориям в конце книги.
- ⁴ Подробнее о соотношении пацифизма и учения о «справедливой войне» см.: Miller 1991. Гл. 4, и Amstutz. 1999. Гл. 5. Интересные размышления по поводу политического реализма можно найти у Walzer, 1977. Гл. 1; Orend, 2000a. Гл. 3; Pangle & Ahrensdoerf, 1999. Гл. 7, 8 и Donnelly, 2000.
- ⁵ См.: Wehr, 1994 – сборник статей о многоплановости и многоликости пацифизма. См.: Næss, 2000 о норвежской трактовке идей и жизнедеятельности Ганди.
- ⁶ Интересную дискуссию о взглядах на войну в израильской армии см.: Linn, 2002.
- ⁷ Holmes, 1989 является хорошим примером этой формы пацифизма.
- ⁸ Этот вопрос много раз обсуждался юристами в области международного права. «Ядерные» державы, несомненно, поспособствовали тому, что так и не было принято явного запрета на использование ядерного оружия. В рекомендательной резолюции Международного суда в Гааге (1996 г.) говорится тем не менее, что угроза использования ядерного оружия и его использование во всех случаях будут противоречить нор-

мам международного права. Международно-правовые дебаты по вопросам ядерных вооружений хорошо рассмотрены у Dahl, 2003. Я вкратце вернусь к этому вопросу в гл. 4.

- ⁹ См. статью Гюнтера Леви «Стерилизация и эвтаназия в нацистской Германии» (Gleditsch, 1965: 85-93).
- ¹⁰ Другое широко используемое название политического реализма – немецкий термин «реальная политика» (Realpolitik).
- ¹¹ См.: *Левиафан*, знаменитую гл. 13. (Относящиеся к теме выдержки из Гоббса, как, впрочем, и других мыслителей, можно найти в сборнике: Brown, 2002 и Reichberg m.fl., 2006. См. также: Tollefsen и др. о месте идей Гоббса в современной политической мысли.) Одно из самых ранних, но очень ясных и сильных определений политического реализма можно найти у Фукидида в пересказе диалога между афинянами и мелианами во время Пелопоннесской войны (также воспроизведено Brown, 2002 и Reichberg m.fl., 2006). О многих авторах, упоминаемых в этой книге, интересно рассказывается в недавно изданном «справочнике» по важнейшим работам западных философов (Gracia, 2003).
- ¹² Как уже сказано в предисловии, я использую определения «этика» и «мораль» в общем смысле как синонимы, за исключением гл. 6, где я ссылаюсь на широко распространенное в философском языке различие между этими понятиями, т.е. «этика» понимается как предмет, а «мораль» — преимущественно как личное отношение.
- ¹³ См.: Pangle&Ahrendorf, 1999. гл. 7 и 8 с прилагаемыми ссылками на этих классиков современного реализма, в т.ч. Morgenthau, 1978 и Waltz, 1959.
- ¹⁴ В этом они следуют за Томасом Гоббсом, который считает, что мир, как моральное добро, должен быть целью политиков. Гоббс считает, однако, что люди могут заставить себя вести определенным образом, способствующим установлению мира, только в отношениях внутри государства, но не в межгосударственных отношениях.
- ¹⁵ Разница между этими двумя формами «абсолютного» реализма – чисто описательным и чисто нормативным – соответствует во многих отношениях различию между фукидидовым представлением афинян в своей истории Пелопоннесской войны и учением Гоббса о мире как всеобщей цели в его политической философии. Гоббс утверждает, что сохранение мира является *обязанностью* правителей, в то время как афиняне ничего не говорят о том, что следует делать, скорее, они ведут речь о том, чего люди по своей натуре избежать не могут.
- ¹⁶ Периодические дискуссии между Нильсом Мортеном Удгордом из газеты «Афтенпостен» («реалистом») и Яном Эгеландом, бывшим статс-секретарем и генеральным секретарем норвежского Красного креста («идеалистом»), стали в Норвегии классическими в разряде «эгоизм

- альтруизм». Завершая свои очень интересные встречи, оба заявляют, что они на самом деле выступают за баланс между этими позициями и при более глубоком рассмотрении являются единомышленниками.
- ¹⁷ Я подчеркиваю, что это моя собственная градация реализма, а также мое понимание и употребление *ad bellum/in bello* терминологии.
- ¹⁸ Вдохновителем этой терминологии стал немецко-американский философ и государствовед Лео Штраусс (1899–1973). На основе учения античных философов и особенно Платона он возобновил дискуссию о «хороших» и «плохих» способах управления государством, или, по терминологии Штраусса, «хороших» и «плохих» режимах. Платоновская заинтересованность в моральной правомерности режима правления противопоставляется Штрауссом и его многочисленными последователями (в том числе бывшим американским министром обороны Полом Вулфовицем) модернистскому релятивизму и нежеланию либералистов выносить моральные суждения. Штрауссовская критика модернизма отлично рассмотрена Ferry, 1990 и Ferry & Renault, 1992.
- ¹⁹ Мы не хотим отрицать, что моральные нормы совершенно открыто и сознательно полагаются в основу ряда внешнеполитических решений, в том числе и решений о войне. У McElroy, 1992 есть подборка примеров некоторых внешнеполитических решений США, которые были приняты непосредственно под влиянием моральных оценок и норм. Другой интересный объект для изучения в аспекте интересов государства и морали – норвежское посредничество в мирных переговорах. Dobinson & Dale, 2000 показывают, каким образом нравственные идеалы и их влияние, а также другие мотивы отразились в основах норвежской миротворческой политики.
- ²⁰ Данные взяты у Gleditsch, 2002 и Harborn m.fl., 2006. Здесь имеются в виду вооруженные столкновения между двумя и более группировками, из которых по крайней мере одна – правительство или государство, а также гражданские и межгосударственные войны, за исключением внутренних конфликтов без вмешательства властей. Эти данные были получены в результате проекта «Данные о конфликтах» в Университете Уппсала, который недавно, в сотрудничестве с Институтом мира, был расширен с целью охвата более продолжительного временного периода. Свежие данные регулярно публикуются в журнале *Journal of Peace Research*, см.: www.prio.no/jpr/datasets (статистика и данные, на которых были основаны эти статьи). По Уппсальскому проекту см.: www.pcg.uu.se, а также www.crisisgroup.org (интересная информация и тенденции на основе практически тех же данных). По сравнению с американским проектом «Показатели войны» (*Correlates of War, COW* см.: cow2.ia.psu.edu), данные уппсальского проекта получены на основе рассмотрения инцидентов, обычно не классифицируемых как вооруженный конфликт (т.е.

имеются в виду конфликты, в ходе которых в течение года погибает 25 и более человек). По классификации COW регистрируются конфликты, в которых в ходе военных действий погибает минимум 1000 человек. Недостатком этой классификации является то, что в ней не учитываются так называемые «вялотекущие конфликты», как, например, продолжающиеся конфликты с паузами между периодами наивысшей активности. Есть обзоры, оперирующие гораздо большим количеством вооруженных конфликтов, например, где учитываются конфликты, где уже не ведется активных действий, но которые нельзя считать формально завершенными, или где учитываются внутренние вооруженные конфликты (например, конфликты между преступными группировками), в которых не участвуют правительства и государства.

²¹ Этот рост тесно связан с увеличением числа независимых государств. Данные, которые мы здесь берем за основу, не учитывают внутренние конфликты в зависимых странах или конфликты между такими странами. (Это означает также, что в этих исследованиях не принимается во внимание уровень конфликтов в мире до распада колониальной системы.) Если исправить этот неточный источник, то мы увидим очевидное снижение числа вооруженных конфликтов после окончания холодной войны. См.: Gleditsch, 2002, таблица 2. P. 602.

²² Так представлена, например, доброта – как средний путь между жадностью и расточительностью. См. Аристотель. *Никомахова этика*. Кн. II–IV.

ГЛАВА 2

Есть ли смысл в понятии «справедливая война»

Может ли война вообще быть «справедливой»?

Если мы называем справедливыми действия, при которых ни одна из задействованных сторон не несет неоправданных потерь или когда все они получают по заслугам в соответствии с общепринятыми нормам справедливости, вряд ли можно говорить о «справедливой войне». Однако если мы предполагаем существование *справедливых причин для объявления войны и более или менее справедливых способов ведения войны*, тогда у этого определения появляется смысл.

Можно прямо критиковать само определение, исходя из того, что в нем изначально присутствует противоречие между существительным и прилагательным. В той же мере, как понятия «красивое убийство», «правомерное воровство» или «благородная неверность» представляют собой взаимоисключающие сочетания, можно опротестовать само определение характера войны, заключающееся в употреблении прилагательного «справедливая».

В данном случае имеет значение принципиальное отношение человека и общества к войне как к явлению. Чем сильнее склонность к пацифизму (см. главу 1), тем сильнее выражено мнение о том, что война неправильна сама по себе, поскольку это действие или ситуация, которая по определению является нравственным злом. Однако можно в принципе придерживаться этого мнения и тем не менее не быть абсолютным пацифистом, т.е. можно считать, что война сама по себе зло, но допускать исключения, когда государство или группа людей не имеют иного выбора, кроме как взяться за оружие. (В том же ключе можно рассуждать, что воровать плохо, однако, когда умирающий от голода человек крадет еду, он имеет на это право.) Можно также считать, что сама по себе

война не является злом – она становится злом тогда, когда ведется определенным способом или объявляется в силу «неправильных» причин. В любом случае война – это вид деятельности, в котором изначально присутствует огромный риск совершить «неправильные» действия. Покажем это более наглядно на примере предпринимательства. Вряд ли многие будут утверждать, что иметь свое дело и зарабатывать на этом деньги плохо само по себе, однако многие согласятся с тем, что предпринимателя подстерегают разнообразными искушения, и опасность совершить моральную ошибку очень велика. Поэтому необходимы строгие правила и законы, чтобы бизнес мог быть «справедливым»¹.

То, о чем мы здесь говорили, указывает на неоднородность взглядов критиков войны и, вероятно, общества в целом. И хотя различия проявляются больше в теории, чем на практике, сам по себе этот факт достоин внимания. Если считать, что война по сути своей аморальна и является лишь крайним средством, применяемым в исключительных случаях, тогда трудно будет признать право на существование профессий солдата и офицера, профессий в целом, вполне законных и достойных уважения. С такой точки зрения создание армии и ее строительство будут рассматриваться как нечто недоброе и нежелательное. Тот же, кто, напротив, считает, что война сама по себе вполне законна, если есть на то уважительные причины, будет скорее полагать, что подготовка к войне и служба в армии – вполне уважаемое занятие, что-то вроде пожарной охраны, чье существование целиком зависит от наличия такого зла, как пожары (без коих все с удовольствием бы обошлось), но которая в то же время выполняет в обществе вполне естественную задачу – старается свести к минимуму разрушительные последствия бедствия.

Если встать на эту последнюю точку зрения, то легко отказаться от приверженности принципу неприятия военной силы, которая в данном случае становится одним из узаконенных способов выяснения отношений, а вовсе не крайней мерой. Американский военный этик Мартин Кук подчеркивал, что развитие высокоточного самонаводящегося оружия на протяжении последнего десятилетия ведет нас еще дальше по этому пути. Но если принятие решения об использовании такого оружия становится сравнительно простым и легким делом, то снижается и общий порог допустимости насилия. Война на самом деле станет, как говорил в

XIX веке знаменитый немецкий военный теоретик Карл фон Клаузевиц, «политикой с другими средствами»².

Я не стану окончательно определять свою собственную точку зрения на данный вопрос, но считаю важным обозначить позиции сторон в этом споре, создающих основу для дальнейшей дискуссии. Бывший премьер-министр Норвегии, Кьелль Магне Бундевик, в немалой степени способствовавший участию норвежского контингента в миротворческих операциях, неоднократно заявлял, что он придерживается наиболее критичной позиции по отношению к возможности применения вооруженной силы, т.е. той позиции, согласно которой война всегда является злом, а участие в ней возможно лишь в случае самой крайней необходимости. Тем не менее он не высказывал негативного отношения к армии как к таковой. Американская католическая церковь выражает такую же позицию во многих своих документах³. В то же время администрация Буша демонстрирует более лояльное отношение к использованию оружия в качестве средства разрешения затяжных конфликтов. Можно сказать, что Владимир Путин, несмотря на негативное отношение к войне в Ираке, во многом продемонстрировал сходство с точкой зрения Буша, а именно – относительно позитивный взгляд на возможности войны при разумном подходе.

Позвольте мне заметить следующее, прежде чем мы отправимся дальше. Если читатель при встрече с теорией «справедливой войны» постоянно испытывает дискомфорт при сопоставлении понятий «справедливость» и «война», это и полезно, и понятно. Ни международное право, ни нормы морали не дают нам оснований для безразличного отношения к ужасам войны. Настороженность и моральная обеспокоенность должны присутствовать всегда. Я считаю, что теория «справедливой войны», как и международное право, нацелена на ограничение разрушительной мощи войны, а не на ее легализацию.

Что означает справедливость в войне?

По Аристотелю справедливость, как уже было отмечено, означает, что каждый получает по заслугам, причем в относительно одинаковых ситуациях следует одинаково и поступать. Если я занял у кого-то 200 крон, то правильно и справедливо будет их вернуть.

Если я нарушил закон, то правильно и справедливо с моей стороны будет либо понести наказание, либо исправить содеянное. Если я много работаю, то правильно и справедливо будет, если мне это возместят. С этой точки зрения понятие справедливости вмещает в себя значительную долю рассудительности. Общие правила не могут охватить все случаи и всех людей. Моей шестилетней дочери следует дать нагоняй и преподать хороший урок, если я увижу, что она крадет из маминой сумочки, и этого достаточно, а взрослый человек, делающий то же самое на улице, должен понести другое, более серьезное наказание. Игруют роль и сложившиеся представления. Говоря о войне, нам легче принять использование террористических методов демократическим государством (например, США или Израиль), чем те же самые действия со стороны какого-нибудь диктатора. Мы ожидаем большей справедливости от тех, кто сам ее проповедует⁴.

Найдется ли тогда в истории такая война, которая была «справедливой»? Здесь следует помнить о различиях между *ius ad bellum* и *ius in bello*, упомянутых в гл. 1 и подробно рассмотренных ниже. *Ius ad bellum* говорит о том, когда правомерно начинать войну, в то время как *ius in bello* регламентирует правомерность действий во время войны. Найти такую войну, все действия в которой совершены по правилам *ius in bello*, практически невозможно. Тем не менее войну, начатую с учетом критериев *ius ad bellum*, можно себе представить. Таким образом, мы чаще сталкиваемся с войнами, справедливыми в *большей или меньшей степени*, чем с абсолютно справедливыми. Однако назвать борьбу союзных сил во время Второй мировой войны «справедливой войной» вполне допустимо. Некоторые миротворческие акции, как, например, первая часть совместной акции США и ООН в Сомали в 1992/1993 гг., также можно признать соответствующими критериям *ius in bello*⁵.

Конечно, мы предвосхищаем ход событий, когда пытаемся ответить на вопрос о справедливости войны прежде, чем подробно рассмотрим различные критерии. Тем не менее у большинства из нас присутствует интуитивное ощущение, что некоторые войны, несмотря ни на что, более справедливы, чем другие. На чем основаны эти ощущения, совершенно не зависящие от хорошо замаскированных критериев теории справедливой войны и теоретических рассуждений?

Я полагаю, что в любом случае можно отметить как важные и наиболее распространенные следующие «независимые» суждения (назовем их ощущениями).

- Война, которая ведется с целью усиления собственной власти и влияния, более сомнительна с этической точки зрения, чем война с целью защиты.
- Также изначально оправданная оборонительная война становится сомнительной с точки зрения этики, если она ведется особо жестокими способами или развязана исключительно из побуждений мести.
- Война без четко определенной цели, продолжающаяся на протяжении долгого времени без перспектив к окончанию, сомнительна с этической точки зрения и со временем становится еще более сомнительной.
- Война, которой можно было избежать, сомнительна с этической точки зрения.
- Война, которую собственный народ или большинство других стран считает несправедливой или незаконной, сомнительна с этической точки зрения.

Определение «сомнительный с этической точки зрения» используется здесь для обозначения нашей более или менее непосредственной реакции на поставленную проблему. Реакция, конечно, не совсем непосредственная. Как правило, она возникает на основе хорошо взвешенных убеждений, сформированных культурой, традициями и воспитанием. Когда мы сталкиваемся с чем-то «этически сомнительным» в этом смысле, то испытываем моральный дискомфорт – чувствуем, что происшедшее так или иначе противоречит важным для нас принципам. Конечно, «чистой», независимой от контекста или культуры реакции не бывает. Реакция норвежца на события 2002 г. отличается от такой же непосредственной реакции грека на подобные события 2500 лет назад, равно как одни и те же события будут по-разному восприняты древним китайцем и китайцем – нашим современником. Тем не менее поразмышлять о таких наиболее распространенных суждениях полезно. Если наши теоретические рассуждения, например о справедливой войне, противоречат нашим основополагающим принципам и убеждениям, то либо теорию следует пересмотреть, либо мы принимаем как должное то, что вовсе таковым не является.

Философ Джон Роулс (Rawls) в очень интересной манере рассматривает отношение между общепринятыми (хотя и хорошо взвешенными) убеждениями и морально-философскими принципами, и рекомендует процесс, который должен привести к так называемому *рефлексивному равновесию*, т.е. когда мы не отталкиваемся от какой-либо теории, но пытаемся ввести ее в диалог с основополагающими, широко распространенными убеждениями – и наоборот⁶. Пытаясь сопоставить основополагающие моральные принципы и этические теории, честно разобраться в происходящих конфликтах и найти пути их решения, мы можем в результате столкнуться с ситуацией, когда наши обычные убеждения в большей или меньшей степени совпадают с теоретическими положениями. Тогда мы достигаем «равновесия». Недостатком этого способа мышления является то (и Роулс, конечно, об этом знает), что наши общепринятые моральные принципы *могут быть* глубоко аморальными. Среди белых американцев-южан в 50-е годы XIX века преобладало интуитивное предубеждение против лиц африканского происхождения. Таким образом, принцип равноправия сталкивается с расистскими предубеждениями. Считать «рефлексивное равновесие» идеалом в такой ситуации нецелесообразно. Поэтому предполагается, что в основе должны лежать некоторые базовые принципы, например ценность человеческой жизни и равноправие — Роулс рассматривает эти аспекты под рубриками «естественные обязанности» («natural duties») и «естественная справедливость» («natural justice»). С точки зрения этики мы можем сказать, что эти принципы должны управлять как приемлемыми убеждениями, так и философскими теориями. Это в равной степени относится и к дискуссии о справедливой войне: если человек не признает ценность жизни любого человека и основополагающую важность защиты всего живого и сохранения мира, то его позиция значительно отличается от той, которую мы связываем с представлениями о справедливой войне и которой придерживаемся в нашей книге.

Упомянутые выше ощущения во многом связаны с реакцией на жестокость военных действий. Считается, что с войной связаны аморальные действия, страдания и ожесточение людей, поэтому необходимы веские основания для ее легализации. Более того, если есть другие возможности разрешения сложившейся ситуации с меньшими людскими потерями, войны следует избегать.

Последнее из перечисленных мной ощущений также имеет большое значение, и, я думаю, оно широко распространено. Речь идет о необходимости учитывать убеждения других. Если человек убежден, что воздушная атака против соседней страны – единственный морально оправданный способ спасти множество человеческих жизней, все равно это останется проблемой, если все (или многие) его союзники (люди или страны, чье мнение обычно учитывается) будут решительно против этой операции. Их позиция может быть основана на боязни дальнейших последствий таких действий или ситуации, в которой окажется после бомбежек мирное население. В международной политике этому есть специальное, внеэтическое, обоснование, а именно, что репутация во многом влияет на любую политическую и даже экономическую позицию. Нельзя игнорировать мнение других. Современное международное право, в том числе система ООН, предпринимают попытки институционализации влияния чужого мнения, в значительной мере для того, чтобы предотвращать войны. В администрации Буша идут серьезные внутренние дискуссии о том, в какой степени единодушие остального мира важно для такой супердержавы, как США, или же это роскошь, без которой США вполне могут обойтись. Вне всякого сомнения, эти разногласия положили начало дискуссии, имевшей место до нападения на Ирак, в том числе в связи с вопросом о роли ООН⁷.

Право и этика⁸

Итак, мы естественным образом пришли к краткому рассмотрению взаимоотношений между правом и этикой. Понятие «справедливость» часто используется в юридическом контексте, а военное международное право как раз ставит целью осуществление принципов справедливости во время войны с помощью собственного юридического аппарата. Хотя нормы международного права не являются темой этой книги, мы не можем полностью обойти их вниманием, равно как и их взаимосвязи с этическими нормами.

Под международным правом подразумевается относительно расплывчатая (хотя ни в коем случае и не абсолютно аморфная) совокупность юридических трактатов, соглашений и норм естественного права. Та его часть, которая специально посвящена военным вопросам, называется военным международным правом⁹.

Большинство юристов считают, что международное право не имеет такой же четко определенной силы, как государственное право, однако оно имеет большое значение для регулирования поведения государств, и во многих случаях его нормы имеют силу *де-факто*. В международном масштабе политическую, моральную и юридическую силу имеют такие документы, как Устав ООН, Женевские конвенции, договоры о разоружении и т.п. Эту силу подкрепляет деятельность международных судов и трибуналов.

Юридические документы и нормы естественного права не являются всеобъемлющими. Предполагается, что они основаны на этических принципах. Особенно это касается военного международного права, которое в основном строится на принципе предотвращения необоснованного вреда. Тем не менее международное право само по себе ничего не говорит о том, *почему* мы должны действовать в соответствии с его нормами; оно не может решить проблемы, находящиеся вне сферы его компетенции (сознательно или неосознанно ограниченной), или там, где оно носит чисто процедурный характер (т.е. говорит о том, каким образом следует производить действия, а не о том, что именно следует делать). На последнее обстоятельство настойчиво обращала внимание профессор Янне Хааланд Матлари в своих статьях для газет «Афтенпостен» и «Ворт Ланд». Одна из наиболее цитируемых норм международного права, которая предписывает Совету безопасности ООН давать мандат на проведение военных акций, не попадающих в категорию сугубо оборонительных, сама по себе не содержит никакой этической оценки. Бывает, что Совет безопасности выдает мандат на проведение совершенно аморальной операции. Случается и такое, что в высшей степени этическая акция не получает мандат Совета безопасности из политических соображений (именно так многие наблюдатели расценивали акцию в Косово в 1999 г.)¹⁰.

Международное право, особенно Женевские конвенции и дополнителные протоколы к ним, содержит важные предписания о поведении в ходе войны с учетом законности целей, применяемого оружия и правомерности действий. Однако более глубокое этическое обоснование этих норм, к которым можно отнести, например, вопрос, почему нельзя затрагивать гражданские объекты, требует серьезного и динамичного этического анализа. Без этого международное право легко может превратиться в пустые слова.

Иначе говоря, хотя международное право и должно находиться в самой сердцевине высокоморальной международной и военной политики, оно не является всеобъемлющим. К тому же оно постоянно развивается. Необходимость проведения миротворческих акций в чрезвычайных ситуациях (как, например, в Руанде, Сомали или Конго) ставит новые задачи, требующие поиска решений в рамках международного права, и тут как раз требуется настоящий этический анализ.

Что такое война?

А что происходит с самим понятием «война»? После начала войны в Косово в марте 1999 г. многие политики пытались утверждать, что Норвегия с технической точки зрения в состоянии войны не находилась. По их словам, мы принимали участие в военной операции, отличающейся от войны в обычном смысле этого слова. Но если это так и с точки зрения некоторых специалистов по международному праву политики имели формальное право отдавать приказы на участие в таких действиях, используемая ими аргументация не убеждает. Что же мы наблюдали в Косово, если не войну: бомбардировщики, перестрелки и трупы?

Я слышал, что некоторые специалисты в области международного права говорили о том, что понятие «война» уже не может использоваться в отношении морально оправданных действий, поскольку Устав ООН на деле войну запрещает. Но как тогда быть с самообороной, спрашиваю я. Да, отвечают мне, в таких случаях действительно часто приходится иметь дело с войной, но эту войну развязали не те, кто обороняется. Война сама по себе, таким образом, неприемлема с моральной точки зрения, хотя действия одной из сторон можно оправдать. Как тогда быть с военными акциями, санкционированными Советом безопасности ООН, спрошу я снова. Не будут ли они формой потенциально справедливой войны? Нет, услышу я в ответ, это не война, скорее – вид ограниченного использования военной силы в рамках международного права. Война в обычном, традиционном понимании этого слова не объявляется.

Как моралист, я пытаюсь понять эту формулировку, но прихожу к выводу, что далеко я не уйду. Наверное, потому, что войной не

всегда можно назвать борьбу вооруженных групп людей, или потому, что эти действия происходят в мелких масштабах, без формального объявления или не соответствуют другим международно-правовым или политическим определениям. По деятельности моего собственного института (Международный институт исследований проблем мира), в том числе по основательным попыткам Нильса Петтера Гледича и его коллег классифицировать понятие войны, я знаю, что определить содержание понятия «война» совсем непросто. Многочисленные и разнообразные гражданские войны еще больше усложняют ситуацию¹¹.

В этой книге я тем не менее придерживаюсь такого толкования понятия «война», которое в целом обозначает вооруженный конфликт сторон, где обычно (но не всегда) одной из сторон является государство. Я также не провожу четких границ между понятиями «вооруженные акции», «использование военной силы» и «война». Тех, кого интересует специальный анализ этой проблематики с точки зрения международного права, я отсылаю к подробному учебнику международного военного права Арне Вилли Даля (Dahl)¹². Он использует термин «вооруженные конфликты» как общее понятие, которое, в свою очередь, можно разделить на более конкретные виды. В контексте международных отношений можно сказать, что война – наиболее распространенная форма вооруженных конфликтов. Однако отдельные конфликты носят слишком локальный характер, для того чтобы использовать понятие «война» для их обозначения. У нас есть также миротворческие акции, как, например, миротворческие операции под эгидой ООН, в которых вооруженные силы играют определенную роль, но их нельзя назвать войной в обычном понимании этого слова. Внутренние вооруженные конфликты мы называем гражданской войной, однако существуют (например) и силовые конфликты между отдельными группировками, и называть их гражданской войной совсем уже нецелесообразно¹³.

Трудно точно определить, где проходит граница «войны». Это понятие имеет некоторую риторическую двойственность, которая, с одной стороны, притягивает политиков, с другой стороны, заставляет их относиться к этому термину с осторожностью. С одной стороны, это слово выражает решительность и стремление к победе, к преодолению. В этой связи используются понятия «война против бедности» и «война против наркотиков». С другой

стороны, многие государственные лидеры хотели бы оградить свой народ от войны в обычном, «вооруженном» понимании этого слова. Поэтому возникают проблемы: считать ли участием в войне предоставление ограниченного контингента для военной операции, происходящей далеко за пределами собственной страны, возможно требующей некоторых человеческих жертв (в любом случае с одной стороны) и предположительно кратковременной. Этот подход опасен тем, что он приводит к созданию «новояза» (который хорошо описан у Джорджа Оруэлла в «1984») – корректной, идеологически обоснованной манеры описания реальных событий без употребления некоторых понятий. Такой соблазн присутствует особенно во время войны. Так, например, в США война в Корее официально называлась «политической акцией». Во время войны во Вьетнаме нужно было хорошо следить за языком при описании бомбардировок – следовало говорить о «поражении цели», о «нейтрализации» определенных «элементов», несмотря на то, что на практике жестоким бомбардировкам подвергались целые деревни.

Подобное приукрашивание вряд ли будет способствовать честной дискуссии об этике войны. Поэтому в настоящей книге мы будем вести о войне открытый разговор – ведь именно об ужасах войны мы и размышляем.

Вечный мир или справедливая война?

Я уже отмечал, что теорию справедливой войны можно поместить между пацифизмом и реализмом. Такая позиция представляется наиболее естественной. Расстояние до крайних точек достаточно велико, и многие утверждают, что между пацифизмом и реализмом существует как минимум еще одна теория. Речь идет о «теории вечного мира», которая уходит корнями в XIV век (ее самым сильным выражением стала «Монархия» Данте). Важнейшая фаза ее концептуального развития приходится на вторую половину XVIII века и связана с работой Иммануила Канта «О вечном мире» (Zum Ewigen Frieden)¹⁴.

В чем смысл теории вечного мира? В двух словах, она отличается от пацифизма тем, что не отрицает использование военной силы, однако проповедует абсолютное разоружение как цель. Ин-

интересно, что эта теория одновременно и более оптимистична, и более пессимистична по сравнению с теорией справедливой войны.

Поговорим сначала об оптимизме. Справедливая война – идея, которая изначально возникла на основе довольно пессимистичного взгляда на историю. По мнению блаженного Августина (V век) война – неотъемлемая часть этого мира, и будет таковой пока этот мир существует¹⁵. Люди в конце концов таковы, что война всегда будет для них возможностью: соблазном, которому грешники не могут противостоять, и в то же время способом защитить себя от зла для всех тех, кто борется в мире за добро. Здесь приверженцы теории вечного мира более оптимистичны, чем сторонники теории справедливой войны. Они представляют себе такой мировой порядок, при котором война будет лишней. Это должно случиться с помощью институтов: у Данте – мировой монархии, у Канта – мирного альянса республик, поэтому совершенствовать человеческую мораль необязательно. Нужно менять институты и процедуры, чтобы с их помощью люди могли быть направляемы ко все более высоким ступеням мира. Для Канта это процесс развития здравого смысла. Здравый смысл побуждает нас искать мира, чтобы избежать всех ужасов войны. И то, к чему призывает нас здравый смысл, возможно, если для этого будет сделано все необходимое.

В то же время эта позиция несет в себе долю пессимизма. Теория справедливой войны тем не менее признает, что силы войны можно укротить – с помощью морально-философской системы, которая постепенно сможет сделать войну более цивилизованной. Сторонники теории вечного мира смотрят на войну намного пессимистичнее. С их точки зрения, война – это выражение эгоизма и анархии. Поэтому, чтобы навести порядок в межгосударственных и международных отношениях, нужно ликвидировать войну как таковую.

В современной дискуссии присутствуют обе точки зрения. Хотя теория справедливой войны и ее критерии известны гораздо шире, большая часть организаций системы ООН на практике строится на основе теории вечного мира. Основная идея заключается в создании институтов и процессов, которые постепенно приведут к бесполезности войны как средства проявления силы. Так, например, мы видим, что администрация Буша (и многие другие неоконсервативные силы в США) склоняется к более пессимис-

тичному взгляду на ООН и к более оптимистичному взгляду на войну. Там, где ООН побуждает к терпеливым переговорам и комплексным несиловым мерам решения проблем, Джордж Буш и его сотрудники, особенно оборонное ведомство, предпочитают действовать в соответствии с точкой зрения на войну как на неизбежное и одновременно законное средство. Здесь следует добавить, что большинство государственных лидеров, говорящих о войне, — даже те, кто представляет воинственные супердержавы, включая Джорджа Буша, — придерживаются долгосрочной перспективы мирного сосуществования. Таким образом, мы видим, что надежда на длительный мир на Земле находит отклик и имеет силу.

Примечания

- ¹ Интересное применение системы справедливой войны в международной предпринимательской этике см. у Vomann-Larsen, 2003.
- ² Об этом говорил Мартин Кук в своей любопытной лекции в Высшей военной школе в Осло 20 октября 2001 г. См. также: Walzer, 1977: 22–25, 79, где рассматривается точка зрения Клаузевица на войну, основанная на его знаменитом произведении «О войне», изданном посмертно в 1832 г. См.: Reichberg, 2002a, где приводится интересная дискуссия о понятиях «презумпция против войны» и «презумпция против несправедливости», на которые я фактически ссылался в вышеизложенном. (Сам я придерживаюсь той же точки зрения, что и в Syse, 2003.) Смысл в том, что изначально можно быть противником войны («презумпция против войны») и разрешать использование военной силы лишь в случае крайней необходимости. Можно также исходить из неприятия несправедливости («презумпция против несправедливости») и считать войну одним из многих совершенно законных способов борьбы с несправедливостью, если она (война) ведется в определенных рамках и согласно определенным правилам. С последней точки зрения война сама по себе в наименьшей степени считается злом.
- ³ См.: National Conference of Catholic Bishops, 1983. Миллер (Miller, 1991) придерживается достаточно близкой точки зрения.
- ⁴ Это, однако, может иметь обратный эффект. Учитывая наше определение государств как демократических и диктаторских (мы не утверждаем, что это единственно возможные категории!), мы видим, что демократические государства преследуют в своей политике иные цели. Поэтому мы легко можем смотреть сквозь пальцы на нарушение резолюций ООН со стороны таких государств (например, Израиль), чем

со стороны диктатур (Ирак). Это наиболее частое обвинение, которое приходится слышать, и его необходимо воспринимать всерьез.

⁵ Такие аргументы см.: Regan, 1996.

⁶ Rawls, 1971:20–21, 48–51.

⁷ Woodward, 2002.

⁸ Этот и нижеследующий абзацы основаны частично на материалах статьи из журнала «Minerva» (Syse, 2002)

⁹ «Говорится, что международное право – малая часть юриспруденции, а международное военное право – малая часть международного права» (Dahl, 2003:6).

¹⁰ См.: Independent International Commission on Kosovo, 2000, в частности, Р.4.

¹¹ См.: Gleditsch, 2002, а также ежегодные обновления в журнале «Journal of Peace Research». См. также мои замечания о распространении войн в главе 1.

¹² См.: Dahl, 2003, особенно Р. 6

¹³ Арне Вилли Даль указывает, что международное военное право следует на самом деле называть «международное право в вооруженных конфликтах», поскольку его нормы применяются и в вооруженных конфликтах, которых нельзя назвать войной (Dahl, 2003. Р. 37). В то же время существует ряд нюансов между нормами, применяющимися к внутренним вооруженным конфликтам, сейчас интенсивно развиваются (см. Р.18).

¹⁴ Хорошее разъяснение теории вечного мира и ее основных положений можно найти: Johnson, 1987 и Reichberg, 2002b.

¹⁵ Я рассмотрел взгляды бл. Августина на историю в Syse, 2000 со ссылками на двух современных приверженцев пессимистичного взгляда бл. Августина на этот мир, а именно Эрика Воегелина (Eric Voegelin) и Эрнеста Фортина (Ernest Fortin).

ГЛАВА 3

IUS AD BELLUM. О том, когда война правомерна

Выражения *ius ad bellum* (право на войну) и *ius in bello* (военное право) своим латинским видом создают впечатление, что мы имеем дело с понятиями средневекового схоластического происхождения. Тем не менее эти выражения гораздо моложе – по мнению Роберта Колба, они появились в 30-е годы прошлого века в среде философов-правоведов, которые хотели упорядочить правила ведения войны и питали тщетную надежду на то, что большие войны, наконец, будут ликвидированы¹. Тематическое же наполнение этих категорий гораздо старше и отражает два основных направления военной этики.

Следует также упомянуть *ius post bellum* (право по итогам войны) – принцип справедливости *после* войны, о котором часто забывают в дискуссиях на тему войны и морали. Мы вернемся к этой теме в конце следующей главы.

Список критериев, сложившихся соответственно в рамках *ius ad bellum* и *ius in bello*, рассматриваемый нами сегодня, частично представляет собой продукт античной и средневековой мысли по проблемам справедливости в войне, частично – обобщение европейских идей раннего Нового времени с его реформацией, религиозными войнами, контактами с индейцами Южной Америки и ростом национализма как основополагающими событиями и частично синтез морально-философских идей последних четырехсот лет, претерпевший соответствующие изменения в процессе растущей глобализации мира.

Многие из критериев теории справедливой войны воплотились в нормах международного военного права, но нам следует отметить, что международно-правовой (юридический) аппарат отражает проблематику *ius in bello* в большей степени, чем вопросы, связанные с тем, когда правомерно начинать войну (*ius ad bellum*).

В этом нет ничего странного. Международное право возникло в кильватере процесса образования суверенных государств. Государственный суверенитет, в свою очередь, является результатом решительного наступления на Европу плюрализма и многообразия мировоззрений (несмотря на то, что период Средневековья, учитывая значительное исламское и иудейское влияние, был на практике более плюралистичным, чем считают политические теории). Всеобщее согласие в отношении общей системы морали и общей идеи добра в Европе определенно осталось в прошлом. Теперь отдельные государства должны сами выбирать религию и, как считают многие, соответственно избирать моральные и этические идеалы.

Право начинать войну из иных, чем оборонительные, побуждений с этой точки зрения отстоять трудно. Высокие амбиции Средневековья, равно как и борьба с несправедливостью (в рамках теории справедливой войны) и борьба за религиозные идеалы (Крестовые походы), не нашли никакого отражения в международно-правовом аппарате. Напротив, правила ведения войны (когда она уже началась) вызывают гораздо больший интерес, особенно с середины XIX в. и позже. Это явление довольно характерно для современного мира: когда исчезает единое мнение об основополагающем базисе, основное внимание начинают уделять процедурам и правилам, стремясь таким образом сохранить мир. За этим явно просматривается весьма благородная идея: если мы больше не можем быть едины в вопросе о том, почему люди имеют достоинство, мы в любом случае можем найти способы это достоинство защитить. Именно к этому стремится современный либерализм, опираясь на таких мыслителей, как Джон Локк и Иммануил Кант.

В таком случае имеет ли концепция *ad bellum* вообще какой-либо смысл в современных условиях? Или, поскольку международное право запрещает любую войну, кроме оборонительной, нам следует уделять внимание исключительно правилам, по которым следует вести возможную войну?

Не будем спешить с положительным ответом на последний вопрос. Во-первых, та возможность применения военной силы, которую современное международное право дает Совету безопасности ООН, сейчас более актуальна и проблематична, чем когда-либо, что мы и наблюдаем в дискуссиях по поводу Косово и Ирака. Необходимость в определении моральных рамок для

обсуждения этой проблемы совершенно очевидна. Во-вторых, многочисленные гражданские войны и гуманитарные трагедии нашего времени вместе с пристальным вниманием средств массовой информации представляют все возрастающий соблазн вмешательства, в том числе и силового, для могущественных в военном отношении государств и альянсов. Все способствует тому, что проблематика *ad bellum* вновь стала актуальной. И, наконец, многие из критериев *ad bellum* имеют значение и для способов ведения войны, о чем мы поговорим в начале следующей главы. Мы также увидим, что многие философы — с 1648 г. и до наших дней — фактически писали о *ius ad bellum*, выходящем за строгие рамки самообороны².

Тем не менее не будем забывать о слабых сторонах этой концепции, основу которых составляют уже знакомые нам рассуждения о справедливых причинах и правильных намерениях. Воюющие стороны в этом мире всегда будут утверждать, что имеют достаточные основания и достойные намерения. Указывать на этот прискорбный факт — привилегия не только современного либерализма. Эта идея хорошо известна еще со времен древнейшего из сторонников теории справедливой войны бл. Августина (в более позднее время к ней привлёк внимание американец Поль Рамсей): Отличительным качеством земных государств и империй является не столько справедливость, сколько общность³. Людей собирает вместе то, что они считают общим, но по своей греховности и ограниченной мудрости они редко видят разницу между тем, что они созидают на земле, и вечной справедливостью, которую невозможно воплотить в этой жизни. По этой причине, подчеркивает Пол Рамсей, все военно-этические суждения о справедливости и добрых намерениях должны подчиняться абсолютному правилу о справедливом отношении к другим людям.

С такой точки зрения было бы лучше поставить вперед критерии *in bello*, особенно правила использования оружия и отношения к мирному населению. Эти правила, в отличие от критериев *ad bellum*, не столь зависят от идеологии и мировоззрения и не требуют такой же мыслительной работы.

Несмотря на это важное обстоятельство, я строго придерживаюсь мнения о том, что для обсуждения проблематики *ad bellum* необходимы критические рамки. Такие рамки, безусловно, всегда будут формироваться на основе и под влиянием культурных

предпосылок, однако это не исключает необходимости работать с ними!

С логической точки зрения *ad bellum* стоит впереди *in bello*, поэтому так мы и начнем, а к *in bello* вернемся в следующей главе.

Далее мы рассмотрим следующие критерии *ad bellum*:

- законная власть;
- справедливые причины;
- добрые намерения;
- пропорциональность;
- последняя возможность;
- рациональная вероятность успеха.

На протяжении долгой жизни этой теории выдвигались и другие критерии, некоторые из них будут затронуты рассмотрены в конце этой главы. Однако именно эти шесть пунктов имеют основополагающее значение.

Я думаю, читателю будет полезно рассматривать эти критерии как проблемные вопросы, которые следует задавать любой стороне, планирующей начать или уже ведущей военные действия. Тогда мы сможем подчеркнуть действительную сущность этих критериев: заставить власть предрешающих и всех, относящих себя к ним, хорошенько подумать об основополагающих моральных предпосылках этого самого трудного решения, которое когда-либо приходится принимать главе государства, — решения о начале войны. Полагаю, что те из нас, кто ежедневно читает газеты или обсуждает военные действия по всему миру, быстро обнаружат, что основополагающие проблемы военной этики прямо или косвенно выражаются в критериях теории справедливой войны, и эти критерии могут оказаться очень полезными для тех, кто хочет разобраться в вопросах правомерности и морали в существующих военных конфликтах. В то же время нельзя сказать, что эти критерии представляют собой матрицу, которую достаточно лишь наложить на картину конкретных военных действий. Если же мы воспримем эти критерии прежде всего как проблемные вопросы, которые следует рассматривать в зависимости от контекста, то мы поймем, что имеющиеся у нас ответы далеко не окончательные.

Законная власть

В часто цитируемом обзоре критериев справедливой войны Фома Аквинского (Сумма теологий, части II-II, вопрос 40) первым упоминается критерий законной власти⁴. То, что именно этот критерий ставится на первое место, может выглядеть эгоистично: справедливые цели войны, должно быть, важнее, чем законная власть?

В Средние века с присущей им сложной феодальной системой и отсутствием четких и однозначных государственных образований принцип законности власти имел очень важное значение. Страх перед кровавыми междоусобицами и семейными войнами делал основательный анализ законности власти вполне обоснованным.

Осмелюсь утверждать, что этот критерий важен до сих пор. Решение взяться за оружие настолько важное и сложное, а соблазн столь велик, что полномочия о принятии решения применить военную силу должны возлагаться с большой осторожностью. В связи с большим количеством гражданских войн в сегодняшнем мире абсолютно необходимо создать условия дискуссии о том, какие группировки имеют или должны иметь полномочия, необходимые для получения права на объявления войны.

Критерий законной власти имеет два элемента: *процедурный* (касающийся способов и методов действия) и *материальный*.

Разберем сначала процедурный. Столь важные решения, о которых мы здесь ведем речь, должны облекаться в предсказуемые и проверенные опытом действия. Не должно быть сомнений в источнике власти; кроме того, необходимо учесть возможную потребность впоследствии объяснить, каким образом решение было принято. На языке армии это называется «следовать служебным указаниям», т.е. действовать в соответствии с заранее установленным способом и порядком принятия решений. Недостаточная пунктуальность в соблюдении установленного порядка может иметь серьезные последствия. Не надо иметь богатое воображение, чтобы догадаться, о каких именно последствиях идет речь. Представьте себе министра обороны и главнокомандующего армией, которые принимают решение о начале военных действий без приказа на то со стороны премьер-министра, короля или президента и без одобрения парламента. Какие бы благородные цели они бы ни преследовали, такой ситуации определенно хотелось бы избежать.

Военный переворот с последующими военными действиями (против собственного народа или другой страны) является архетипом такой ситуации. Кровавые события в Нигерии в 60-е годы, пиком которых стала гражданская война в Биафре, — хороший тому пример. Ситуация развивалась таким образом, что гражданская власть постепенно утратила свой авторитет. Управление страной перешло к противоборствующим военным группировкам, которые привели страну и регион к еще большему конфликту и кровопролитию и в итоге к настоящей войне. В той ситуации не нашлось гражданских институтов власти, которые могли бы принять (или предотвратить) решения, которые в результате привели к войне.

Чтобы избежать подобного смешения гражданской и военной власти, большинство современных демократических конституций передают полномочия на применение военной силы политикам — либо исполнительной власти, причем часто вкуче с обязательством согласовать решение с законодательными органами, либо напрямую самому законодательному собранию. В Норвегии король (т.е. правительство) имеет право объявлять войну для защиты страны, а также заключать мир, однако в параграфе 26 Конституции страны оговорено, что договоры «особой важности» должны получить одобрение Стортинга. Конечно, объявление войны не договор, однако это положение показывает, что серьезные внешнеполитические решения следует принимать только при одобрении Стортинга. Законодательная власть контролирует также средства, поступающие в распоряжение военного ведомства. В странах с парламентарным устройством, как в Норвегии, считается естественным, что королю и правительству необходимо заручиться поддержкой Стортинга в вопросах, имеющих отношение к ведению войны и использованию вооруженных сил.

Давайте рассмотрим поближе в этой связи роль законодательной власти. Благодаря тесной связи с народом именно эта ветвь государственной власти осуществляет «заботу о благополучии народа» (к этому выражению я вернусь позднее) — несмотря на то, что в демократических конституциях эти функции определены как прерогатива исполнительной власти. К тому же законодательные собрания обычно формируются так, чтобы обеспечить широкое и многостороннее обсуждение военных вопросов. Если такие дискуссии из-за нехватки времени невозможны, то необходимые меры в соответствии с ситуацией, конечно, принимает исполни-

тельная власть. Однако сопутствующие консультации и одобрение законодательного собрания в большинстве случаев имеют важное значение.

Соперничество исполнительной и законодательной власти в таких вопросах особенно ярко проявлялось в США, где Президент – в качестве Верховного Главнокомандующего – много раз (особенно явно – во Вьетнаме) мобилизовывал американские войска без открытого на то согласия со стороны Конгресса. Это серьезный шаг, поскольку право объявления войны, согласно Конституции, принадлежит в США Конгрессу, а не Президенту. Кроме того, как следствие вовлечения в войну во Вьетнаме, в 1973 г. Конгресс принял Закон о военных полномочиях, который строго обязал Президента проводить консультации с Конгрессом в случае необходимости использования вооруженных сил, а также оговорил сроки получения формального одобрения акции Конгрессом. Целью этого закона (вступившего в силу, несмотря на вето Президента Никсона), является гарантированное соблюдение конституционного права законодательной власти на объявление войны.

Согласно теории справедливой войны, да и современных представлений о демократии, очень важно, чтобы *решение об использовании вооруженной силы не исходило от военных*. Иначе говоря, военное ведомство должно быть лишь инструментом политических решений, но не быть разновидностью самостоятельной политической власти. Это прямая противоположность военной диктатуре – тесной и личной связи между военной и политической властью (особенно если политический лидер занимает свой пост, оставаясь военным). В системе военной диктатуры нет промежуточного, рефлексивного звена, которое, независимо от желания военных (даже находясь под их влиянием) могло бы оценить ситуацию и решить, действительно ли необходимо использование вооруженных сил.

Все это приводит нас к *материальной* стороне критерия власти. Согласно классической теории, известной нам еще от Аристотеля, плохие и хорошие режимы различаются тем, что одни служат интересам правителей, другие – общему благу⁵.

С моральной точки зрения законной является та власть, которая служит общему благу, и, следовательно, заботится о тех слоях общества, которые не принимают непосредственно участия в принятии политических решений.

В классической греческой философии забота о таких группах, например о женщинах и рабах, означала нечто другое, чем то, что мы вкладываем в это понятие сейчас. Тогда считалось, что лучшей участью для этих социальных групп является руководство ими со стороны, как предполагалось, более разумной части общества. Основополагающая идея главенства общественных интересов над интересами отдельных групп, однако, подразумевала в те времена то же самое, что и современные идеи о добротном правлении, хотя в нашем цивилизованном сообществе, особенно в последние сто лет, считается, что ценность каждого индивида достойна уважения не только в философских и богословских теориях, но и в политической реальности.

Решение об использовании вооруженных сил на благо государства – типичный пример действия, которое с точки зрения этики подразумевает заботу об общественном благе и учитывает его последствия (человеческие и материальные) для целого народа. Если такое решение принимает властный институт с ограниченными полномочиями, узкими интересами и/или ограниченной представительностью, то он вряд ли будет заботиться о благе всего народа, его безопасности и благополучии. Конечно, забота об общем благе всегда может оказаться лишь красивым словом. Но если это обязательство берет на себя институт, который имеет высшие политические полномочия и по своему политическому статусу служит обществу, то это является определенным механизмом, сдерживающим возможные злоупотребления вооруженными силами.

В рамках проблемы законности власти возникает ряд вопросов. Давайте рассмотрим важнейшие из них.

Во-первых, означает ли всеобщее благо лишь благо какого-то одного народа или здесь подразумевается забота о всеобщем благе в широком смысле слова, включая народ страны-противника, а также потенциально затронутую третью сторону?

Теория справедливой войны и международное право подразумевают, что каждая политическая власть прежде всего заботится о безопасности собственного народа. Невозможно, чтобы каждый глава государства нес полноценную ответственность за всеобщий мир и безопасность. И очевидно, что во время войны в первую очередь защищаются интересы собственного народа. Именно это обстоятельство вызывает наибольшие опасения у противников

войны, поскольку всегда найдутся противоположные интересы и противоборствующие стороны и никто не будет интересоваться, о чем думает противник, чего хочет и в чем нуждается.

Тем не менее теории справедливой войны не чужда мысль о понимании «всеобщего блага» в широком смысле слова, что выражается: а) в представлении о том, что война, чтобы быть справедливой, должна стремиться к *справедливому* для обеих сторон *миру*; б) в подчеркивании того, что мотивом действий никогда не должна быть ненависть или месть в отношении противоположной стороны и в) в стремлении оградить от поражения мирное население противника. Такая перспектива расширяет сферу заботы о благе и выводит ее за рамки собственного государства, нации или народа. Мы к этому еще вернемся, особенно при рассмотрении критерия о «добрых намерениях» (в этой главе) и «дифференцированного подхода» (в следующей главе).

Широкий взгляд на «всеобщее благо» становится еще более очевидным в свете одного из основных критериев любой справедливой войны: противоположная сторона должна иметь *несправедливые* основания для ведения войны, иначе братья за оружие неправомерно. (Трудно представить себе войну, справедливую во всех отношениях для обеих сторон. Если никто не совершает неправомерных действий, с точки зрения теории справедливой войны, морально оправданная война невозможна.) Вместо того чтобы дать основания для очернения противника, как это обычно происходит на практике, это положение скорее должно побуждать к осторожности и уважению по отношению к населению противоборствующей стороны. Кроме того, мы знаем, что несправедливые и жестокие войны обычно ведут авторитарные режимы, которые, на самом деле, допускают вопиющую несправедливость по отношению к собственному народу, вовлекая его в войну – вспомним, например, огромную несправедливость, допущенную Гитлером по отношению к немецкому народу (что не освобождает среднестатистического немца от ответственности). Поэтому с этической точки зрения в справедливой войне желательно заботиться о благе и этого народа.

С другой стороны: достаточно ли иметь юридическую и политическую власть, если нет необходимых *знаний* или *компетенции*? Совершенно очевидно, что многие решения об использовании вооруженных сил основывались на слабом знании ситуации. Конеч-

но, рассуждая «задним умом», что, собственно, мы в большинстве случаев (и достаточно честно) и делаем в этой книге, с тех, кто принимал решение, можно требовать больше, чем это казалось целесообразным в свое время. Тем не менее вся прелюдия Первой мировой войны производит устрашающее впечатление: за все это время никто реально не задумался о будущих последствиях этой войны. Человечество вступило в наиболее разрушительную войну того времени, основываясь на призрачных надеждах, удовлетворяя амбиции сверхдержав и плохо представляя себе взаимосвязи между большими и малыми государствами. Это, однако, не означает, что те, кто тогда принимал решения, сомневались в своей правоте или им в то время казалось, что основания для объявления войны были недостаточными. Вопрос о распределении влияния в Европе был в равной степени важным и справедливым мотивом для обеих сторон. Однако реального и честного размышления о характере войны и ее результатах, судя по всему, не было. Война во Вьетнаме – сходный пример формально правомерного военного вмешательства, однако рассмотрение ситуации под другим углом обнаружило бы ряд серьезных проблем прежде, чем возможность обратного хода была утрачена. Собственные размышления Джона Ф. Кеннеди по поводу Юго-Восточной Азии показывают, что о возможных последствиях крупномасштабного вмешательства в регионе знали довольно давно. Однако политические и военные события, часть ответственности за которые лежит и на Кеннеди лично, тем не менее привели к войне, за которую пришлось заплатить дорогую цену⁶.

В последние годы богатую почву для размышлений дает война в Косово 1999 г. Здесь было много сомнений по поводу законности власти, к чему мы скоро вернемся. Кроме того, ситуация сложилась так, что среди военных преобладало скептическое отношение к этой войне, в то время как политики были настроены весьма решительно. В результате – война. Вопрос в том, в какой степени прислушивались к военным экспертам и в какой степени были обдуманы последствия применения военной силы.

Это приводит нас к важному выводу: политическая власть обязана прислушиваться к военным и другим специалистам, знающим ситуацию. Игнорирование военной и научной экспертизы при внимании только к определенным взглядам и принятие важных решений под их влиянием привело не к одной большой трагедии в военной истории. По прошествии времени легко выдвинуть

массу аргументов против зимнего похода гитлеровской армии на Москву, однако в свое время циничный и уверенный в победе диктатор из Берлина их проигнорировал⁷. Четкие и ясные советы предполагают, однако, что и со стороны военных будет проявлено желание к открытости и честности в политическом диалоге. В этой связи последние тенденции в Норвегии по развитию интеллектуально активных кругов – среди прочего, формирование групп типа аналитических ассоциаций, а также повышение образовательного уровня – имеют большое значение⁸.

В-третьих. Если третья сторона, которая не является непосредственным участником, вмешается в конфликт, кто имеет власть определить, когда и как это следует делать? В средневековой философской мысли именно в этой части вопрос о законности власти был особенно актуален⁹. Считалось, что самооборона не предъявляет требований к законности власти: тот, на кого напали, вполне может защищаться независимо от того, есть ли у него формальные полномочия на это. Тем не менее следует отметить, что тот, кто обороняется, не обязательно делает это с полным моральным на то правом! Мы можем вспомнить нападение на Ирак со стороны США и Великобритании весной 2003 г. В этой ситуации иракские войска оказались в удивительном, двойственном с этической точки зрения положении. С одной стороны, они имели моральное и юридическое право защищаться. С другой стороны, они представляли незаконный с моральной и, по мнению многих, с юридической точки зрения режим, который не заслуживал права на существование. Были ли законными оборонительные действия саддамовского режима? Были ли эти действия в большей степени законными по причине сомнительной законности вторжения США с точки зрения международного права? Я не забуду сообщение в новостях о столкновении у Евфрата, когда американцы оправдывали свое решение об открытии огня тем, что противоположная сторона «выстрелила первой». Что следовало ожидать от того, кто нападает? В этом оправдании – «они ведь выстрелили первыми» – подразумевается, что они не должны были стрелять. Но можно ли было ожидать от иракских войск, что они ослушались бы приказа об изгнании захватчиков? Что они не должны были защищать свою страну? Я лишь упоминаю об этой проблеме, но не собираюсь здесь поднимать вопросы о самообороне. Обычно это право не оспаривается¹⁰.

При вступлении в войну стороны, которая сама не подверглась нападению, проблема власти встает особенно остро. Здесь следует четко определить, кто реально может вмешаться, а также выдвинуть требование, чтобы эта или эти стороны предпринимали такие действия исключительно исходя из правомерных целей или намерений (например, чтобы это делалось не с целью захватить территорию или упрочить собственное влияние) и правомерными способами (см. *ius in bello*). В средневековой Европе, когда еще не существовало устойчивых государственных образований и суверенитета в том смысле, который мы знаем с Нового времени, было труднее, чем сейчас, определить внутри каждого политического образования отдельную личность или общественный институт, наделенные полномочиями объявлять войну. Тем не менее по этому вопросу возникли серьезные политические и юридические концепции. Идея «заботы об общем благе» как моральное ядро законной власти играла важную роль. Тот, кто мог нападать, должен был иметь такое положение и компетенцию, которые бы подтвердили его способность довести дело до конца, имея справедливые основания для такого действительно крайнего шага. Кроме этого, считалось, что справедливым правом использования вооруженных сил обладает тот, *кто не имеет над собой никакой земной власти*, т.е. высшая политическая власть. В делах, имевших непосредственное отношение к религии, такими полномочиями наделялся папа (или, в православной традиции, патриархи; причем считалось, что римский понтифик обладает таким же статусом, как и все остальные, что, естественно, не нравилось Риму). В Крестовых походах действовал именно такой порядок.

Однако, если рассматривать вовлечение религии в военные действия, мы сталкиваемся с двумя проблемами. Во-первых, с ранних времен христианства в большинстве стран запрещалось участие священников в военных действиях. Им надо было хранить чистоту, необходимую для спасения души и проповеди, поэтому им не полагалось брать в руки оружие. Это привело к тому, что священство часто оставалось далеко в стороне от фактических военных действий, а большинство церковных служителей практически ничего не знали о военной политике, тактике и стратегии. Во-вторых, на протяжении Средневековья войны становились все

более и более светскими: их основу составляла борьба за территориальное господство между князьями и императорами, а религиозные вопросы отошли на задний план. В результате власть папы, епископов и церкви в целом постепенно была сведена к моральным аспектам – они могли лишь разъяснять, почему и как можно вести войну, в то время как реальная политическая власть стала считаться прерогативой светских правителей¹¹.

Мы видим, насколько сложна проблема законности власти, особенно если мы не ведем речь об обычной самообороне. Речь идет о том, кто фактически имеет моральное и политическое право приносить кого-либо в жертву и отнимать жизнь у людей, не имея надобности обороняться самому. Поэтому неудивительно, что европейские юристы, богословы и философы, оправившись от кровавых религиозных и гражданских войн XVI–XVII вв., отказались от идеи о праве верховного правителя объявлять наступательную войну (в широком смысле определяемую как использование вооруженной силы без надобности обороны) и свели вопрос к самообороне. Конечно, можно подчеркнуть, что изменение не столь и велико. Пока отдельный правитель сам определяет, а) что служит интересам государства и б) когда ему фактически угрожают, последствия могут не сильно отличаться от каких-либо форм наступательных действий. Определение самообороны является достаточно широким и включает в себя, среди прочего, так называемое превентивное нападение (которое мы рассмотрим в гл. 5). Однако идея о моральном праве и полномочиях на то, чтобы нападать с целью помощи другим государствам, спасения страдающего населения, защиты религиозных убеждений или материальных средств, постепенно исчезает из западной военно-этической мысли. Важным переломным моментом стал Вестфальский мир 1648 г. Теперь уже речь идет преимущественно не о моральном праве, а о *compétence de guerre* – «военных полномочиях» в переводе с французского, которые формально имеет каждый глава государства в форме высшей власти в пределах своей территории. На место морали и религии приходят юридический процесс и государственная власть.

Следует отметить, что подобный процесс трансформации не имел места в исламских странах, и «священная война» (джихад) как возможная версия справедливой войны все еще остается частью политического богословия, в то время как на Западе от этого

давно отказались, одновременно расширяя плюрализм и секуляризацию, а с другой стороны, меняя течение религиозной мысли. Об этом мы поговорим позже.

Хотя защита религиозных убеждений в той или иной степени перестала быть мотивом для начала войны, общий вопрос о «справедливом нападении» все еще остается на повестке дня, как и вопрос о полномочиях, необходимых для применения оружия в тех случаях, когда угрожают или нападают не на отдельное государство с «компетентным в военном отношении» руководителем. Джон Стюарт Милль (Mill) в середине XIX века, поднимая вопрос о вмешательстве в чужие конфликты и его моральных аспектах, подчеркивает, что государственный суверенитет и самоопределение следует защищать, однако существуют исключения, когда реальное самоопределение и целостность народа страдают в такой степени, что третья сторона не может спокойно наблюдать за этим со стороны¹². О каких случаях мы ведем речь, будет сказано позднее. Вопрос сейчас заключается в том, кто определяет, что сложилась именно такая ситуация? И кто реально может вмешаться?

Если мы поищем параллели в повседневной жизни, все выглядит довольно просто. Если я вижу, что совершается преступление, например изнасилование, и я имею возможность вмешаться и помочь пострадавшей стороне, но прохожу мимо, не предпринимая никаких действий, — «это не мое дело», — ясно, что мой поступок заслуживает порицания. Тот, кто находится рядом, трезво оценивает ситуацию как серьезную и имеет адекватные силы для вмешательства, очевидно, обязан вмешаться.

А если серьезное нарушение прав человека наблюдается в другом государстве? Ситуация не совсем аналогична описанной нами ситуации на уровне межличностных отношений, поскольку война отчасти является крайним средством и поскольку зачастую бывает довольно трудно оценить ситуацию в другой стране с необходимой долей уверенности. (Под этим утверждением могли бы подписаться руководители США и Великобритании, принимая во внимания серьезные проблемы, с которыми им пришлось столкнуться, чтобы доказать наличие производства и хранения оружия массового поражения в Ираке!) Однако, если не обращать на это внимания, очевидно, что морально обоснованный повод для военного вмешательства вполне может иметь место, даже если на тебя не нападали. Мы обсудим это позже, при рассмотрении «справед-

ливых оснований». Наш ключевой вопрос сейчас – *кто принимает окончательное решение об этом?*

Именно на этот вопрос нормы международного права о защите суверенитета, начиная с Вестфальского мира 1648 г. и кончая Уставом ООН, не дают адекватного ответа. Более свободная в выборе средств и открыто интервенционистская политика эпохи Средневековья также не решила проблему, все это время правом войны «за доброе дело», т.е. исходя из моральных побуждений, злоупотребляли (ср. оценку Крестовых походов в более позднее время). Кроме того, стало трудно говорить о праве ведения войны в защиту «добра» в мире, в котором стало намного больше плюрализма, чем до Реформации. Ведь уже не было согласия в том, что же считать «добром»!

На первый взгляд кажется, что и Устав ООН не предлагает какого-либо решения этой проблемы: государственный суверенитет защищается как основополагающий принцип, никакое право на вмешательство в дела других стран для отдельных государств не регламентируется. Чтобы обострить внимание к проблеме, некоторые авторы подчеркивают, что Устав ООН защищает права отдельных государств на лишение жизни собственного народа¹³.

Статьи 1 и 42 Устава дают, однако, возможность ООН как организации санкционировать вмешательство в дела других государств с помощью военной силы, а именно в случаях, когда представляется угроза международному миру и безопасности и восстановление мира другими средствами, кроме применения вооруженных сил, невозможно. На принятие такого важного решения дает санкцию СБ ООН. В свете теории справедливой войны СБ ООН, как высший орган ООН по защите целостности и безопасности народов, заботится о «всеобщем благе» в глобальном масштабе.

Так ли это на самом деле? Является ли Совет безопасности такой честной и открытой организацией, чтобы быть наделенным столь широкими полномочиями? Как и другие общественные и политические институты, Совет безопасности также может действовать с позиции силы и не учитывать интересы слабой стороны в конфликте. Порядок, при котором ведущие державы мира имеют право вето, обостряет эту проблему: США, Китай, Россия, Франция и Великобритания имеют право заблокировать резолюцию Совета безопасности, наложив на нее вето. Кроме того, пока понятие «защита мира и безопасности во всем мире» не получит более

четкого определения, реальных моральных рамок, ограничивающих деятельность Совета безопасности, не будет. Иначе говоря, Совет безопасности имеет широкие полномочия и в то же время является частью системы политической власти. Здесь совершенно явно просматривается проблема легитимности.

Тем не менее широко распространено мнение о том, что ООН – это организация, обладающая на сегодняшний день наивысшим моральным авторитетом глобального характера в международной политике (кроме того, эта организация добилась многого, несмотря на многочисленные трудности и препятствия, вызванные международной политикой послевоенного времени). И поскольку, несмотря ни на что, потребность в таком моральном авторитете существует, многие будут считать своим долгом поддерживать ООН и объединяться вокруг этой организации. Эта идея широко распространена в современной Европе, а также во многих регионах остального мира. Тем не менее многие политические круги США оспаривают эту точку зрения, они предпочитают видеть США – как суверенное государство, сверхдержаву и оплот демократии – в качестве более высокого морального авторитета, чем ООН.

Некоторые мыслители Средневековья питали надежду, что постоянный мир можно обеспечить с помощью признаваемого во всем мире авторитета, – эту идею Данте и Марсилиус Падуанский выразили в XIV в. и с тех пор она постоянно всплывала на поверхность (см. идеал «вечного мира», о котором мы говорили в главе 2). В свое время мы связывали большие надежды с Лигой наций, авторитет которой, как оказалось, был недостаточен, а затем с Организацией Объединенных Наций. И в первом, и во втором случаях целью было создание всемирной организации по мирному разрешению конфликтов, которая бы в то же время обладала полномочиями использовать силу для обеспечения мира¹⁴.

В свете обсуждаемой нами трудной проблемы, а именно кто имеет полномочия начинать войну, можно, конечно, утверждать, что такие полномочия трудно передать *какому бы то ни было* органу, независимо от его представительности или морального статуса, поскольку властью всегда могут злоупотреблять. С другой стороны, *отсутствие* такого авторитетного органа кажется в равной степени проблематичным. Что было бы, если бы заранее стало известно о преступлениях против человечества в нацистской Германии, или в Советском Союзе, или, соответственно, в Китае,

и с помощью силового вмешательства с санкции международно признанного органа можно было бы спасти миллионы людей от верной смерти? Что было бы, если бы к сигналам о готовящемся геноциде в Руанде отнеслись с большим вниманием, или несколькими годами позже обратили бы внимание на гражданскую войну в Конго? Не было бы военное вмешательство актуальным? Что если никто не имел бы «законных полномочий» на осуществление такого вмешательства и *по этой причине* ничего бы не произошло? Считается обычным делом обвинять «мировое сообщество» (в лице ООН как его главного организационного представителя) в бездействии, в то время как нужда и войны терзают мир. Не следует ли тогда создать эффективный и легитимный авторитетный институт – предпочтительно в рамках ООН, который мог бы на практике осуществлять военное вмешательство?

Мы имеем гораздо больше вопросов, чем ответов. Кроме того, перед нами возникает так называемая проблема морального упадка. Меньшинство не согласится с тем, что эффективное военное вмешательство в Руанде в 1993 г. было полезным. Однако сама возможность такой интервенции – фактически институционализация силового вмешательства в гражданские войны, чреватые геноцидом, – может породить такую политику, при которой быстро и слишком часто начнут прибегать к оружию. Того ли мы хотим? Что является проблемой – слишком редкое или слишком частое вмешательство?

Другая проблема заключается в том, что ООН, как всемирная организация, получает свои полномочия от государств, которые в ней состоят. Иной возможности придать законность этой организации на сегодняшний день не существует. Это означает, что государства и группы государств могут тормозить процесс эффективного вмешательства в конфликты. Это относится далеко не только к государствам, обладающим правом вето. Короче говоря, ООН – организация с массой проблем и очевидных недостатков. Когда большинство европейских государств, включая Норвегию, тем не менее выбирают доверие к ООН, это происходит потому, что жизнь показывает, что другой организации или государства, обладающего таким моральным весом и авторитетом как ООН, не существует. В далеко не совершенном мире несовершенная ООН лучше, чем всевластие отдельных государств. Тот факт, что эту точку зрения поддерживают скорее малые государства, чем боль-

шие и могущественные, вернее сказать сверхдержавы, не является ни для кого сюрпризом.

Мы вновь вернемся ко многим из рассмотренных нами вопросов, в том числе и к проблеме интервенции. Сейчас мы остановимся на том, что принцип «законности власти» за все время существования теории справедливой войны считался одним из основополагающих принципов военной этики. Это кажется целесообразным, несмотря на все связанные с этим принципом сложности, в том числе и в свете проблемы вмешательства в конфликты стороны, которая сама не подверглась нападению. Даже в гражданских войнах, которые составляют около 90% сегодняшних военных конфликтов в мире, требуется наличие реальных полномочий и власти, если не юридической, то хотя бы моральной. Когда малочисленные группировки рвут власть на части и применяют насилие, игнорируя заботу об общественном благе, здесь нарушается именно принцип законности власти. Поэтому соблюдение этого принципа – важный показатель при оценке войны. Наблюдателям за военными действиями следует всегда критически относиться к авторитету и власти, которыми обладают политические и военные лидеры сторон, вовлеченных в конфликт. Есть ли у них необходимые полномочия и легитимность для того, чтобы браться за оружие?

Справедливые причины

Могут ли существовать справедливые основания для такого крайнего шага, как применение оружия? Наиболее очевидный ответ – *самооборона*. Тот, на кого нападают, имеет право защищаться. Но, как мы уже отметили ранее, мы не можем принять этот ответ без оговорок. Действия какого-либо тирана, т.е. единовластного незаконного правителя, вряд ли будут справедливыми только потому, что он защищается. Великобритания и Франция объявили Гитлеру войну в сентябре 1939 г. Он не напал на эти страны, а Польша с формальной точки зрения не являлась британским или французским союзником – строго говоря, была объявлена наступательная война в том смысле, что нападения со стороны Германии не было. Имел ли Гитлер тогда «право» на самооборону? То, что он, как многие другие политические лидеры, де факто принял вызов и по этой причине не может расцениваться как единствен-

ный нарушитель международного права, – одно дело. Гораздо более сомнительно, чтобы он имел на своей стороне моральное право. Многие скажут, что закон в 1939 г. однозначно был на стороне союзников, а Гитлер (конечно) был настоящим агрессором. Такой ход мысли имеет много общего с ситуацией в отношении Саддама Хусейна и Ирака весной 2003 г. Даже те, кто считал возглавляемое США нападение незаконным, вряд ли признают, что по этой причине все моральные права – на стороне саддамовского режима. Имели ли его войска законное право защищать страну, какое имеет, согласно статье 51 Устава ООН, любая сторона, подвергшаяся нападению, – это совершенно другой вопрос, по поводу которого мы не будем здесь выносить окончательного приговора. (Обратите внимание на наши предшествующие замечания в разделе о «законной власти».)

Никто из мыслителей в рамках теории справедливой войны не отрицал, что государство или другое политическое образование изначально имеет право на оборону. Один из первых приверженцев теории бл. Августин считал, что самооборона сама по себе – дело неблагородное. Только *защищая других*, можно проявить настоящее мужество и любовь. Самооборона с применением силы допускается лишь потому, что ее невозможно запретить, – человеческий закон, как Августин пишет в первой книге «О свободном выборе», просто-напросто требует этого, несмотря на то, что закон вечной жизни (божественный закон) гласит, что лучше отдать свою жизнь, чем отнять жизнь другого, даже преступника¹⁵.

Эта аргументация относится в первую очередь к межличностным отношениям. Когда справедливый правитель (Августин, конечно, сомневается в том, что таковые существуют!) защищает свой народ, он делает это для блага общества, а не ради своей выгоды. Поэтому самооборона в военном отношении вполне законна. Тем не менее отметим, что и у Августина присутствуют сомнения на этот счет: настоящая добродетель проявляется тогда, когда защищают тех, кто сам себя не способен защитить. Эта традиция уходит корнями к христианским мученикам и даже к Сократу: лучше терпеть несправедливость, чем совершить несправедливый поступок, преступив закон, или из эгоистических побуждений лишить жизни других людей.

Кроме самообороны, средневековые теоретики обычно называют еще как минимум три крайние причины справедливой

войны: 1) интервенция с целью помощи тем, кто подвергся несправедливому нападению; 2) наказание тех, кто несправедливым образом напал на других или на собственный народ; 3) война из религиозных побуждений¹⁶.

Последняя категория кажется нам сейчас неактуальной, однако в эпоху христианского Средневековья она играла очень важную роль, особенно в качестве мотива Крестовых походов (с 1095 г. до начала XIV в., в зависимости от того, что считать Крестовым походом). Эта категория оспаривалась и в то время, по крайней мере теоретически. Согласно новозаветному апостольскому учению, меч не должен служить государству, и Августин, как и многие теоретики более позднего времени, говорил также, что и религия должна распространяться в первую очередь с помощью проповеди и устного обращения, в то время как меч должен обеспечивать охрану мира в этом мире. Тем не менее Августину пришлось признать – в политических реалиях того времени как епископу – борьбу с еретиками настолько важной для сохранения мира, что он одобрил войну за правую веру как справедливую, хотя и нежелательную¹⁷.

В то время как церковное право, сформировавшееся в XII–XIII вв., санкционировало практику, которая постепенно получила дальнейшее развитие – а именно возможность церкви призывать к войне и принимать участие в военных действиях с целью защиты веры, – политические мыслители светской направленности (Данте, Уильям Оккам и Марсилиус Падуанский, а позднее Эразм Роттердамский) относились с изрядной долей скепсиса к слиянию церковной и военно-государственной власти. Они опасались злоупотреблений военной силой и ее негативного влияния на эффективную и справедливую политику, а также на церковь. Многие из этих мыслителей черпали вдохновение в работах Аристотеля о политике, ставших известными в латинском мире в XIII в. Все это привело к возникновению вполне светской науки о политике, которая занималась политическими принципами, не ссылаясь непосредственно на религиозную иерархию и власть. То, что эта наука возникла в недрах христианства, на самом деле не удивительно, поскольку христианство как таковое не имело собственной политической философии, отраженной в его основополагающем письменном откровении – Новом Завете. Таким образом, с помощью Аристотеля средневековые христианские мыслители восполнили недостающее звено¹⁸.

Немного позднее, в XVII вв. ряд испанских богословов, в том числе Франсиско де Виттория и Франсиско Суарес, подвергли критике испанскую экспансию в Новый Свет и заявили, что война за религию не может быть справедливой, до тех пор пока различие в религиозных убеждениях само по себе не угрожает миру на земле.

Виттория и Суарес в своей аргументации основывались, в том числе, на идее «естественного права» в том виде, как эта идея была сформулирована тремя столетиями раньше Фомой Аквинским¹⁹. Согласно этой идее, наша жизнь, помимо человеческих (гражданских) законов, регулируется, соответственно, «божественными законами» (Библией) и «естественными законами». Последние относятся ко всем людям, независимо от откровения, и благодаря им все люди, в том числе и не-христиане, могут жить в мире и гармонии. (Это те самые законы, которые «написаны в сердцах», как сказал апостол Павел во второй главе «Послания к римлянам», и которые более или менее соответствуют десяти общечеловеческим заповедям, т.е. вторым скрижалям.) Эта идея может казаться старомодной, но она в некоем менее метафизическом виде жива и по сей день, например, в идее о правах человека, которыми обладают все люди в силу того, что они люди. В XVI в. идея о естественных правах использовалась для защиты американских индейцев: и у них, с точки зрения естественного права, было законное общество, посягать на которое с целью распространения своей религии испанцы не имели права. Религию следует распространять миссионерским путем, она не должна быть поводом к войне. По прошествии лет мы видим, что подобная критика обрамляла многие столетия христианских войн до XVI в., таких, как Крестовые походы и кровавые войны, с целью возвращения испанских материковых территорий, завоеванных мусульманами²⁰.

В связи с религиозной подоплекой войн отметим две крайние позиции.

Во-первых, этот феномен в христианском мире абсолютно не исчез, хотя официально (в той или иной степени) религиозные войны как правомерные действия были упразднены в XVI–XVII вв. Мысль об обладании самой идеей добра и в силу этого правом на ведение войны против других, этой идеей не обладающих, до сих пор сохраняется в массовом сознании многих стран и народов, в том числе в виде различных форм империализма. Светский

вариант этой идеи выразился в марксизме и нацизме, в то время как риторические варианты о «Боге и отечестве», используемые противоборствующими сторонами в большинстве современных войн, доказывают, что религиозные основания до сих пор живы если и не как причина самой войны, то минимум как обоснование справедливости собственной борьбы. Точно также идеалистические настроения о распространении цивилизации и демократии военным способом представляют собой своего рода пережиток идеи «священной войны». В какой степени эти исключения носят негативный характер, трудно сказать. Сама кровопролитная война во имя любви, о которой говорили, например, во время отвоевания Испании у арабов, или во имя преследования евреев или еретиков, вряд ли может расцениваться положительно, особенно в свете основополагающего этического принципа христианства – обязанности любить ближнего и врагов. Такие события являются одной из наиболее позорных страниц в истории нашей цивилизации и современные богословы и церковные иерархи всего мира выражают по этому поводу глубокое раскаяние (хотя антисемитизм и другие формы расизма, к сожалению, все еще кое-где цветут пышным цветом, и даже среди христиан, например, там, где патриотизм поддерживается за счет мифов и ложных представлений, направленных против целых групп или наций). Тем не менее трудно отказаться от использования военных средств с целью распространения идеологии (а не власти) как от *неправомерного при любых обстоятельствах* действия. Например, вряд ли нецелесообразно считать войну с нацизмом как войну за идеал одного рода против другого идеала. В данном случае идея играет в высшей степени главную роль. Однако эти идеи – скорее общие идеи о человеческих правах и ценностях, чем узко-конфессиональные или политико-идеологические идеи.

С другой стороны, некоторая часть мусульманского мира сохранила учение о священной войне. Как отмечают Джон Келсей (Kelsay) и Джеймс Тернет Джонсон (Johnson), классическое учение о джихаде («сопротивлении» или священной войне) отдает предпочтение «сердечному», «языковому» или «ручному» джихаду перед джихадом «меча». Все это подразумевает моральное совершенствование, проповедь и добрые дела по велению Бога как высшие дела по сравнению с насильственной борьбой с неверными. Кроме того, ранняя мусульманская традиция первых столетий

после Мухаммеда гласит, что джихад «меча» может применяться только внутри собственной общины против мусульман, которые поднимают бунт против ислама или отпадают от правильного учения и тем самым создают угрозу и против немусульман, которые а) находятся за пределами исламской территории (в так называемом «доме войны» *dal al-harb*, а не в «доме мира» *dar al-islam*) и б) создают реальную угрозу исламу. Таким образом, нельзя нападать на кого попало и где попало только потому, что отсутствует правильная религиозная принадлежность. Кроме того, правомерный джихад должен исходить из действительно религиозных побуждений и быть санкционирован признанным авторитетом. По поводу отношения к этому авторитету существуют значительные различия между суннитами и шиитами. Однако от авторитетного лица, которое может объявить военный джихад против неверных, требуется, независимо от традиции, чтобы он был соборным халифом или имамом, каковым, например, Осама бен Ладен не является, если мы будем проверять его на соответствие требованиям к религиозному лидеру, который в качестве наследника Пророка фактически может объявить войну против неверных.

Мы не будем здесь подробно распространяться об исламе и религиозной войне. Мы лишь отметим, что политика и религия со времен Мухаммеда в исламе теснее связаны, чем в христианстве. В исламе закон был дан людям через откровение и традицию. В христианстве вера играет более важную роль, чем закон, а политическая и юридическая организация общества, таким образом, подчиняется, а иногда и совершенно не зависит от правильной веры. Какое из этих направлений лучше может предотвратить насильственное применение религии, трудно сказать. На сегодняшний день ислам в большей степени склонен к использованию насилия в религиозных целях, однако в Средние века христианство иногда проявляло большую нетерпимость, поскольку все в мире было подчинено борьбе за правую веру. В последней главе я освещу этот вопрос более подробно.

Остановимся на том, что и в исламе содержится ряд положений, нацеленных на ограничение бесполезной и бессмысленной воинственности. Торкель Брекке, ссылаясь на Маджида Хаддури (эксперта по войне и исламу), говорит, что есть смысл говорить о своего рода учении о справедливой войне и в рамках ислама и что к тому же оно имеет множество параллелей с христианским

подходом²¹. Тем не менее, признание возможности религиозной войны в исламской традиции представляет серьезную проблему в современном мире. Вместе с тем речь не идет о том, что взрывники-самоубийцы и теракты – часть правильного понимания военной этики, изложенной в основополагающих исламских текстах. Большинство исламских богословов, напротив, скажут, что такие методы противоречат исламскому мировоззрению.

Два других основания, упомянутые выше, интервенция и наказание, в последние годы снова возникли на повестке дня военных дискуссий. Рассмотрим сначала интервенцию. В средневековой мысли в рамках теории справедливой войны существовало несколько порогов, препятствовавших вмешательству в конфликты. Играло такую роль порога и то обстоятельство, что моральные, а не юридические аргументы составляли основу теории справедливой войны. Суверенитет как самостоятельный и весомый аргумент впервые появляется у испанского иезуита Франсиско Суареса в начале XVII в., а несколькими годами позже – у нидерландского протестанта Гуго Гроция. Это происходит одновременно с процессом постепенного появления национальных государств в Европе и замещения ими перекрывающих друг друга феодальных иерархий, княжеств и более или менее обширных империй.

Проблема интервенции со становлением национальных государств, тем не менее не исчезла. Во-первых, интересы многих современных государств выходят за рамки их территорий, что дает весомые политические, экономические или военные основания вмешиваться в чужие конфликты. Во-вторых, большое значение могут иметь моральные причины, как мы уже говорили в разделе, посвященном законности власти. Если совершается насилие над народом – а в некоторых случаях оно может принимать исключительно драматичные формы, такие, как этнические зачистки, геноцид или голодомор, – а местные власти не могут или не хотят вмешаться, не следует ли спасти страдающих, если необходимо, и с помощью оружия?

Таким образом, мы подошли к тому, что называется «гуманитарной интервенцией»²². Мысль сама по себе довольно стара. Для бл. Августина еще в V в. н.э. взяться за оружие в защиту *другого* представлялось более благородным делом, чем самозащита. Борьба со злом, по его мнению, – это и есть настоящая причина применять оружие. Кто при этом является источником зла – само по себе

значения не имеет. Имеют ли право государства, видя страдания людей от чуждой им власти, оставаться в стороне и лишь наблюдать за происходящим?

Важной проблемой, которую мы уже обсудили ранее, является вопрос, кто должен принимать решение, когда возникает такая ситуация. Другой вопрос заключается в том, как фактически распознать ситуацию, при которой требуется гуманитарная интервенция. Существуют ли четкие критерии? Не раз высказывалось пожелание о необходимости разработки таких критериев²³. Мы можем предложить следующие:

- должны быть выявлены явные признаки того, что существующий режим планирует или уже готов к осуществлению геноцида (определяемого как организованное уничтожение национальной, религиозной, этнической или другой подобной группы) или жестокого крупномасштабного насилия какого-либо другого рода. Эти «признаки» должны получить достоверное подтверждение, которое однозначно воспринимается за пределами страны, о которой идет речь;
- наличие масштабных катастроф – особенно это касается голодомора, – когда местные власти не хотят сообщать о них или не пытаются принимать меры для их облегчения и, более того, когда создаются препятствия для оказания посторонней помощи. В таких случаях обычно требуется именно чрезвычайная помощь, а не военная интервенция. Однако если гуманитарная помощь встречает вооруженное сопротивление или ее оказание невозможно по причине гражданской войны, вероятно необходима вооруженная вмешательство;
- в случае с «несостоявшимися государствами», т.е. применительно к тем странам, где отсутствует действенное политическое управление и идет кровопролитная гражданская война, которую невозможно остановить без вмешательства извне.

Все это – строгие критерии, подразумевающие, что следует рассматривать и отдавать предпочтение другим, невоенным формам вмешательства, если с их помощью возможно решить проблему.

Автор считает, что мы имеем дело с проблемой, простой в теории, но весьма сложной на практике. С одной стороны, вмеша-

тельство сильной стороны в защиту слабой – с этической точки зрения почти обязанность, если сильная сторона имеет такую возможность. Особенностью положения в нашей части мира является то, что после окончания «холодной войны» сохранилась военная организация НАТО, имеющая в своем распоряжении крупные военные силы и единое руководство, которые не привязаны к обычной, национальной самообороне. И кроме решения новых, требующих большей гибкости задач, связанных, в частности, с борьбой против террора (к которой мы вернемся в пятой главе), эти силы целесообразно использовать в тех гуманитарных акциях, где они могут принести пользу. Войны в Афганистане и Ираке потребовали серьезных затрат, в результате чего возможность гуманитарного использования вооруженных сил сейчас, в середине десятилетия, меньше, чем когда бы то ни было.

С другой стороны, военные акции по своей сути отличаются от всего того, что принято понимать под обычными действиями при осуществлении внешней (и внутренней) политики. Их последствия трудно предвидеть, они требуют серьезных экономических и человеческих усилий, они создают, как правило, глубокий и долговременный раскол между людьми. То, что на бумаге должно было помочь прекратить этнические чистки Слободана Милошевича в Косово, ликвидировать тираническое правление Саддама Хусейна в Ираке или изменить бесчеловечный и одновременно беспомощный режим Ким Чен Ира в Северной Корее, оказалось на практике делом совершенно другого свойства. Причин тому много. Во-первых, любое вооруженное нападение, независимо от его мотивов, не просто сделать благородным и альтруистическим, поскольку его инициаторы как бы то ни было имеют ясное представление, что придется убивать. Во-вторых, неизвестно, в какой мере гражданское население нейтральных третьих стран будет склонно участвовать в отдаленных конфликтах ради людей, с которыми их ничего не связывает. В третьих, военные акции такого рода создают правовые проблемы, так как мы живем в мире, основу которого составляет (по крайней мере на словах) участие всех стран в налагающей равную ответственность международно-правовой системе суверенных государств. В четвертых, возникает проблема принятия решения о том, кто имеет законные полномочия на вторжение, о чем мы уже говорили выше.

Я снова попробую провести параллель с повседневной жизнью, хотя это и небесспорная аналогия. Очень легко сказать, что требуется вмешательство, когда имеет место любого рода жестокое обращение с детьми. Каждый сочтет это само собой разумеющимся. Но тому, кто снимает жилье и интересуется тем, что происходит в соседней квартире, вмешаться непросто. Знаю ли я, что действительно происходит там? Мое ли это дело – вмешиваться в чужие дела? Что, если придется применить насилие? Имею ли я право на это? Должен ли я позвонить в полицию? Что, если полиция скажет, что у нее самой нет оснований вмешиваться?

Именно такова одна из серьезнейших проблем международного сообщества: *на каком основании военная сила может быть использована в «чужих» конфликтах?* Предполагалось, что ООН сможет тем или иным способом решить эту проблему. Предполагалось, что чрезвычайные ситуации должны разрешаться с помощью международного института, имеющего широкую поддержку, – желательнее избегая, но в крайнем случае и прибегая к военной силе. Одна из возможностей, которая так никогда и не была реализована, состоит в том, что ООН сама должна управлять своими миротворческими силами. Другая возможность, которая и используется на практике, заключается в том, что Генеральный секретарь ООН, Совет безопасности или Генеральная Ассамблея могут просить страны–члены организации о помощи посредством принятия решений в соответствии с заранее определенными направлениями деятельности ООН (в случае с использованием вооруженных сил обычно имеется в виду решение большинства членов Совета безопасности без наложения вето имеющими на это право державами).

Если мы чему-то и научились за последние годы, так это тому, что данная система далеко не безупречна и не пользуется должным уважением со стороны могущественнейших держав мира, особенно США.

Означает ли это, что от мысли о гуманитарном вмешательстве следует отказаться? Не проще ли опираться на государственную систему с ее недостатками и ошибками, а разрешение гуманитарных кризисов производить с помощью дипломатии, давления, санкций и гуманитарной помощи и никогда с помощью оружия? Я присоединяюсь к Михаилу Игнатьеву, который в переписке с Робертом Скидельски, опубликованной в журнале «Перспектив» за 1999 г., выступает против отказа от необходимости гуманитарной

интервенции в экстренных случаях²⁴. Там, где Скидельски настаивает на том, что это превосходство силы над правом, Игнатъев отвечает, что не видит другого выхода, кроме как *«всегда иметь открытой возможность военного вмешательства со стороны международного сообщества, когда люди подвергаются вопиющей несправедливости»*. То, что термины «военное вторжение», «международное сообщество» и «вопиющая несправедливость» требуют разъяснения, а разногласия по поводу их содержания никогда не исчезнут, дает нам так же мало прав отказаться от этой возможности, как и сказать, что мы не будем вмешиваться и применять при необходимости силу против издевательств над детьми только потому, что это происходит не в нашей квартире.

В заключение несколько слов о наказании как о справедливом основании. Современная военная этика и международное право отказались от средневековой идеи о наказании как самостоятельном, справедливом поводе взяться за оружие. Но мысль о том, что наказание имеет большое значение и в международной сфере, однако, опять стала актуальной. Военные трибуналы последних шестидесяти лет, а теперь и Международный военный трибунал, свидетельствуют о возрастающем желании мирового сообщества привлечь к ответственности за военные преступления государственных и военных руководителей. Такая процедура намного больше соответствует принципам теории справедливой войны, чем использование войны как таковой в качестве штрафной санкции. Впрочем такой вид наказания пока охватывает гораздо более широкий круг, чем те, кто, строго говоря, это наказание заслужил. Чтобы захватить этих военных преступников, однако, иногда может потребоваться и ограниченное применение вооруженных сил. Как долго будет длиться желание следовать этим курсом, еще неясно. Время покажет, какую силу получит Международный военный трибунал. При продолжающемся противодействии США он может оказаться ослабленным из-за распыления ресурсов, а в каких-то случаях его полномочия для поиска особо важных военных преступников будут выглядеть абсолютно нереальными.

Справедливые намерения

Как считает большинство теоретиков справедливой войны, самостоятельным и важным принципом является наличие справедли-

вой причины для ведения войны, а не только обладание для этого законной властью. Воитель во имя справедливости должен иметь справедливые намерения.

Что это означает? Как минимум, две вещи. Во-первых, речь идет о цели действия. В рамках теории справедливой войны целью войны должен быть *справедливый мир*. Война может быть справедливой только тогда, когда она принимает во внимание интересы и ведет к миру людей по обе стороны конфликта. Одной из главных гуманитарных проблем войн всех времен является как раз цинизм и равнодушие по отношению к противоположной стороне, особенно если свое дело считается «правым» или «святым». Тогда противник по определению становится тотальным врагом и должен быть уничтожен. Теория справедливой войны со времен Августина предусматривает совершенно другое отношение к врагу. Здесь враг – временное понятие; те, кто сражается на стороне врага, – люди такие же грешные и такие же достойные, как и мы сами. Хотя от этой теории на практике часто отступают – так делали в Средние века и в более позднее время, в нашей культуре до XVI в., в отношении нехристианских народов редко признавали те же права, что и за христианами, – эта идея не становится менее важной для основ теории «справедливой войны». Восстановление мира в сообществе стран, насколько это возможно, теоретически является основной целью; при этом сообщество стран – мир понятие всегда относительное, и прежде всего речь идет об отношениях двух (или более) сторон. Отношения, при которых одна из сторон подавляет другую и совершает против нее насильственные действия, не являются достижением мира в исконном смысле этого слова. Высшие намерения справедливой войны должны быть еще более амбициозными – нужно стремиться к реальному межчеловеческому замирению, насколько это достижимо в этом греховном и несовершенном мире, как говорил об этом Августин.

Все это приводит нас к другому (возможно, второстепенному) значению понятия «намерения», которое также имеет отношение к тому, что мы называем *ius in bello*, т.е. военным правом. В данном случае речь в большей степени идет о мировоззрении, чем мотивации²⁵. Греческое и христианское морально-философское понятие «добродетель» становится здесь особенно значимым. Добродетель – это свойство характера, которое дает возможность творить добрые дела. Быть «добродетельным» означает иметь те

человеческие качества, которые делают возможным совершение правильных поступков.

В современном многообразном мире со множеством мировоззрений и разногласий по поводу того, что считать «добродетельной жизнью», добродетели как морально-философской категории придают (в западной культуре) меньше значения. Вместо этого в качестве моральных индикаторов выдвигаются всеобщие обязанности и благоприятные последствия, что вроде бы позволяет избежать «болезненной процедуры обследования сердца и почек», или, выражаясь точнее, избежать оценки таких «личных» вещей, как черты характера, мотивы и настроение²⁶. Иначе как можно обойти важность формирования характера и настроения для этики? То, что мы часто называем этикой добродетели, снова возвращает нас к философии морали²⁷.

Какое отношение все это имеет к войне? Самое прямое. Философы, разработавшие теорию справедливой войны, мыслили в основном в рамках этики добродетели. Для них проблема добродетели составляла самую важную часть проблемы правильного поступка. Мы видим это в том числе и в их работах о войне. Военные действия, по мнению, например, Августина, Фомы Аквинского и Франсиско де Виттория (мыслители названы в хронологическом порядке эпох Средневековья, которые они представляли: начала, расцвета и конца), — не должны совершаться из побуждений мести, ненависти, жадности, желания разрушать или властвовать. Все это — недостойные, греховные мотивы как сами по себе, так и по своим последствиям. Если война может быть позволена, то она должна вестись из побуждений любви, в том числе и к врагу.

Возможно ли это? Не является ли эта мысль наивной от начала до конца? Если мы вспомним некоторые самые страшные события как времен Средневековья, так и наших дней, случившиеся по приказу людей, которые должны быть хорошо знакомы с требованием «справедливости намерений», могут возникнуть сомнения. Лишение врагов человеческого достоинства было во все времена важнейшим оружием в руках тех, кто отдавал приказы о войне, и христианская культура не является исключением. Тем не менее я хочу отметить, что требование «справедливости намерений» является важным и содержательным. Особенно емкое значение имеют два его компонента: 1) уважение к противоположной стороне, исходя из того, что и она имеет свои права в войне, независимо от

ее причин; 2) сознание того, что народ, против которого ведется война, не идентичен со злом, которое надо устранить. На практике, принимая во внимание эти положения, мы видим большую разницу между войнами. Тотальная война (например, «этническая чистка» или особо жестокие религиозные войны) обычно в своей основе отличается от войн, которые ведутся между армиями и имеют ограниченные цели, например, отражение агрессора или отвоение ограниченной территории.

«Справедливые намерения» говорят как о целях войны, так и о ее мотивах. По многим аспектам этот критерий перекликается с критерием «справедливых оснований» в том плане, что причины начала войны (например, отражение нападения) часто примерно совпадают с ее намерениями (желание изгнать захватчика с собственной территории, чтобы продолжать дальше жить в мире). Если же нам представляется целесообразным различить эти критерии, то это происходит потому, что критерий справедливых оснований требует ретроспективного взгляда на события и ставит вопрос: *что же такое произошло*, что может оправдать применение оружия? Критерий справедливых намерений предполагает в большей степени взгляд в будущее и задает вопрос: а чего мы хотим добиться, но одновременно побуждает как бы взглянуть «внутрь себя» и задаться вопросом: *«кто мы и какие намерения мы имеем, начиная эту войну»?*

Эти критерии очень удачно дополняют друг друга. Если бы мы хотели применить их с критической целью, чтобы задать воюющим сторонам вопросы, центральные, по нашему мнению, с этической точки зрения, оба аспекта будут целесообразными, как вопрос о причине, так и вопрос о намерениях. Мы можем вспомнить близкий нам пример о возобновлении Россией военных действий в Чечне в 1999 г., которое фактически было вызвано многочисленными ужасающими терактами против мирных объектов в Москве и других городах, ответственность за которые с большой степенью уверенности возлагалась на чеченские сепаратистские группировки. (По этому поводу существуют серьезные разногласия, но мы ради нашей аргументации будем считать, что именно так и обстояло дело.) В таком случае использование российскими властями военных средств для самообороны выглядит целесообразным (хотя и в несколько другом виде, чем обычная оборона по Уставу ООН, поскольку все события происходили внутри собственных

границ суверенного государства — России). Таким образом, критерий справедливой причины был выполнен. Но давайте скажем, что настоящим намерением, с которым производились очень жестокие военные действия, было намерение напугать чеченский народ, заставить его отказаться от любых мыслей об отделении и в действительности нанести автономной Чеченской республике такой урон, чтобы она не смогла больше представлять из себя полномочный фактор региональной и общероссийской политики и не стремилась к самостоятельности. В данном случае мы наблюдаем несоответствие между причиной и намерениями, а также то, что намерения выходят за рамки достижения справедливого мира для обеих сторон. Таким образом, мы видим, что критерий намерений имеет как критический инструмент самостоятельную ценность.

Однако к моему рассуждению возникают два замечания. Во-первых, имеют ли намерения значение, когда мы все равно оцениваем *поступки*? Имеет ли какое-либо значение то, что кто-то *собирается* сделать?

В этом замечании о роли намерений, однако, не утверждает-ся, что чьи-то цели или намерения не имеют никакого значения. Вопрос о том, в какой степени война ведется с выраженной целью укрепить собственное влияние или же с целью действительно прийти к адекватному мирному решению для обеих сторон, имеет явное практическое значение. Содержание критического вопроса относится в большей степени к субъективной мотивации или настроению. Играют ли какую-либо роль внутренние чувства или мысли — на что настроен Осам бен Ладен, или Саддам Хусейн, или Тони Блэр, или Джорж Буш? Допустим, что одна воюющая сторона убивает тысячу мирных жителей в войне; при этом данная сторона испытывает к противоположной стороне самые добрые чувства, борется за достижение мира, а ущерб гражданским целям наносится непреднамеренно (к последнему обстоятельству мы вернемся в следующей главе). Давайте скажем, что другая воюющая сторона в подобной ситуации полна ненависти, хочет уничтожить противника и *сознательно и намеренно* убивает пятьсот мирных жителей. Давайте предположим, что мы фактически ведем речь об одной и той же военной ситуации в разных обстоятельствах. Смысл примера в том, что первый сценарий, где «намерения» добрые, требует в два раза больше человеческих жертв, чем второй! Целесообразно ли в таком случае говорить, что намерения

– в значении мотивов и настроений – имеют этическое значение? Не важнее ли максимально снизить количество жертв, чем вести войну с благородными и добрыми намерениями?

Я вижу смысл в этом замечании, однако считаю, что оно недостаточно целесообразно, так как, придавая значение мотивации и настроению (или отношению к делу, если использовать другое определение), я не говорю, что они *обязательно* имеют решающее в этическом смысле значение. Ведь этика распространяется не только на отношение к делу. Возвращаясь снова к войне: вторжение Вьетнама в Камбоджу в декабре 1978 г. не имело гуманитарных оснований. Тем не менее это вторжение правомерно называть этически оправданным, если не сказать желательным. Его результатом стал конец преступного режима Пол Пота и, соответственно, жесточайшего геноцида в мире.

Но если мы остановимся на этой стадии, не придавая намерениям, мотивации и отношению к делу какого-либо значения, то мы сами себя лишим одного из важнейших критических инструментов для моральной оценки войны. Разница между сознательным разжиганием вражды, убийством мирных жителей, оккупацией территории или использованием запрещенного оружия и нанесением такого же ущерба, но при честной попытке ограничить разрушения и избежать гражданских жертв с целью достижения справедливого мира, значительна. Но только если следствием сознательных попыток ограничить материальный урон и количество человеческих жертв, со всей вероятностью, будет фактическое содействие уменьшению вреда. Кроме того, согласно основной идее морали и юриспруденции, сознательное причинение вреда – это нечто другое, чем когда вред является неизбежным побочным действием вполне правомерного поступка, просто потому, что сознательное говорит кое-что о сущности субъекта и в меньшей степени о том, чего от него можно ожидать. Это, однако, не означает освобождения от ответственности за собственные действия только потому, что намерения были «чистыми», нельзя сказать: «да, но мы ведь *хотели* добра!». Можно нести ответственность и быть виновным в причинении вреда, независимо от степени благородности мотивов. Однако намерения, мотивация и отношение (я использую здесь эти понятия как синонимы) в высшей степени значимы, если мы хотим предпринять ясную и справедливую оценку действий во время войны.

Я воспользуюсь возможностью вернуться к этой важной и трудной проблеме в дискуссии о «дифференциации» и «двойном эффекте» в следующей главе.

Я уже упоминал о том, что к критерию о намерениях было высказано *два* замечания. Причем второе не менее важное, чем первое. Что, если делается что-то явно доброе и правильное, но в то же время из эгоистических побуждений? Такая постановка вопроса хорошо нам известна из международной политики. Все государства, в том числе (некоторые скажут – в меньшей степени) могущественные США, имеют эгоистические мотивы в своих действиях. Будут ли тогда эти действия однозначно неправомерными?

Мы здесь говорим о многообразии мотивов одного и того же действия. Приведу следующий пример из повседневной жизни, чтобы лучше объяснить, что я имею в виду. Мой друг находится в глубокой депрессии, и ему требуется помощь. Я ему звоню и предлагаю встретиться и хорошенько пообедать. Я это делаю, потому что хочу ему помочь. Однако, если быть честным, выясняется и то, что стоит за этим. Мне очень хочется выйти в город, я долго не был в ресторане и использую этот случай как повод пойти туда, где мне хочется поесть. Благодаря этому мне удается убежать из дома, где жена часто принимает своих подруг, а мне остается только подавать на стол и мыть посуду. Скажем также, что мне, наконец, предоставляется возможность по пути пройти мимо некоторых магазинов, куда мне давно хочется заглянуть. Другими словами, существует целый букет мотивов, которые побуждают меня пригласить унывающего друга в ресторан.

Кажется нецелесообразным говорить о том, что многообразие мотивов само по себе делает поступок неправильным. Наоборот, можно сказать, что хорошие поступки, совершаемые из эгоистических побуждений, с большей долей вероятности будут воплощены в реальность, чем такие же поступки, в которых лично никто не заинтересован²⁸.

Тем не менее здесь кроется реальная проблема. Раз нет ничего плохого в том, что у поступка имеется множество мотивов, может оказаться, что плохо иметь *скрытые* мотивы, или иметь эгоистические побуждения, на практике подавляющие те альтруистические цели, которым я должен был следовать. Предположим, что моему другу вовсе не нужен поход в ресторан. Гораздо

больше ему требуется вечер дома, где он сможет спокойно высказаться. Если определяющими для моего поступка будут эгоистичные мотивы, я все равно захочу идти в ресторан, независимо от того, что лучше для моего друга. Если я вдобавок эти мотивы буду скрывать, то скажу, что желаю своему другу добра, в то время как на самом деле буду поступать исходя из совершенно других побуждений.

Этот пример показывает как важно быть честным по отношению к самому себе и к другим и, следовательно, как важна прозрачность поступков. Когда совершаются действия с далеко идущими последствиями для других людей, каковым действием неизбежно является война, окружающие вполне могут потребовать открытости мотивов, особенно если они оказались решающими для силы и способа действия. Мой пример из повседневной жизни показывает, что вряд ли будет неправильно иметь множество мотивов, но от того, какое относительное значение имеет каждый из них, будет зависеть и то, какой поступок будет совершен. Так в очередной раз подтверждается важность намерений и мотиваций для чьих-либо поступков.

В иракской войне все это явно всплыло наружу. США предъявили примечательно широкий спектр мотивов применения оружия. С одной стороны, войну привязали к борьбе ООН с оружием массового поражения. С другой стороны, сослались на жестокое угнетение иракского народа режимом Саддама Хусейна. Действия США, кроме того, обосновывались необходимостью распространения демократии на Ближнем Востоке. При этом скрытая цель – обеспечение поставок нефти из региона и установление американского контроля над добычей сырья, хотя, конечно, и упоминалась, но больше противниками войны, чем ее инициаторами. Намерение сломать международную террористическую сеть, уничтожив ее основную (или хотя бы потенциального) помощника, а именно Саддама Хусейна, тоже использовалась в качестве обоснования необходимости свержения багдадского режима.

Как справедливые причины и правомерные намерения, все эти положения можно оспорить. Была ли угроза настолько велика, что оправдывала применение оружия? В нашем же контексте особенно интересно спросить, в какой мере такое разнообразие причин и намерений являлось сильной или слабой стороной дела администрации Буша. Можно предположить, что много причин

лучше, чем одна, и это вроде бы свидетельствует о силе. Проблема, однако, заключается в очевидной неясности обстановки. Мы оказались в положении, чреватом большими сомнениями и разногласиями. Как всегда, когда берутся за оружие, возникает ситуация с огромными затратами и, несомненно, далеко идущими последствиями. Тогда на первый план выдвигаются серьезные требования к честности и ясности. Если же намерения и основания далеко не ясны и, возможно, второстепенны, возникает опасность вовлечения себя и других в вооруженный конфликт без явного мандата на это. Здесь приходится говорить не только об этике, но и о способе общения. В сложившейся ситуации США оказались неспособными выразить свои основания и намерения вызывающим доверия способом. Многие считают, что умножение мотивов ведения войны все же скорее усложнило и ухудшило ситуацию, чем прояснило.

Пропорциональность

Мы разобрали три самых важных критерия *ad bellum* достаточно подробно и даже, что не менее важно, рассмотрели ряд наиболее существенных замечаний. Когда я говорю, что эти три критерия самые важные, то имею в виду, что они определяют направление для каждого аргумента *ius ad bellum*. Если не представить основания для принятых на себя полномочий, не объяснить причины действий и свои намерения, которые побуждают взяться за оружие, дальнейшее обсуждение военной этики будет бесплодным.

Существенных критериев на самом деле больше. Мы можем найти упоминания о них уже у таких ранних мыслителей, как у римского государственного деятеля и философа Цицерона и у бл. Августина, но свое особое развитие они получили позднее, у Виттория, Суареса и Гроция в XVI–XVII вв. Этим философам пришлось подробно рассматривать вопросы военной этики в тот период истории, когда столкновение разных мировоззрений и культур стало актуальной проблемой. Тогда возникла потребность в тщательном разъяснении всех обстоятельств, на которые должна обратить внимание воюющая сторона, – объяснение, в идеале приемлемое для обеих сторон конфликта, т.е. конфликта, в котором *нельзя* рассчитывать на то, что вовлеченные стороны придерживаются одинаковой религиозной или философской мо-

рали. Действительно, конфликты с другими народами, особенно с мусульманскими, уже в Средние века приводили к войне. Однако такие конфликты рассматривались в том частично богословском, частично политическом контексте, где вопрос о встрече с «другими» не стоял так остро с этической точки зрения, как это было в случае контактов с теми, кого считали «совершенно другими», – с индейцами. (Надо учитывать, что европейцы в XVI в. в ходе Реформации и последующих религиозных войн пережили драматический конец единства, которое было ранее характерно для больших регионов Европы. Это, кстати, тоже сыграло свою роль в актуализации проблем плюрализма и непохожести.)

Первый из этих «дополнительных критериев» говорит о требовании адекватного соотношения между добром и злом, или, говоря иначе, о пропорциональности. К этому критерию мы фактически вернемся при рассмотрении проблематики *ius in bello*, но тогда речь пойдет о решениях, которые принимаются во время ведения войны. Сейчас мы говорим о начале войны – самом решении о применении военной силы.

Этот критерий имеет минимум две стороны. Во-первых, если зло, которое следует за применением военной силы, такого свойства, что не может адекватно соотноситься с добром, которого хотят достичь, использование оружия недопустимо. В принципе можно считать, что имеются справедливые основания напасть на страну, где нарушаются права человека. В то же время если мы видим, что разрушения будут слишком значительны, а страдания мирного населения слишком велики, то нападение тем не менее становится неправомерным. И в связи с Косово, и с Ираком противники войны часто использовали этот аргумент: разрушения в этой войне будут так велики, считают они, что они никак не адекватны тем целям, которых предполагалось достичь. (Интересно, что и впоследствии в этом не было достигнуто согласия²⁹.)

Во-вторых, должно быть также адекватное соотношение между тем, что вызывает реакцию, и самой реакцией. Небольшое нарушение границы, конечно, тоже может быть истолковано как нападение и в таком случае стать «справедливым основанием» к вооруженному ответу. С другой стороны, сомнительно, что полноценное вооруженное контрнаступление будет адекватным ответом на нарушение границы. (Многие усомнятся в том, была ли война из-за Фолклендских островов в 1982 г. «пропорциональной», при-

нимая во внимание минимальное значение малонаселенных островов для британских интересов и огромные потери, к которым привела эта война. С другой стороны, агрессором была Аргентина, и Великобританию, таким образом, нельзя обвинять в развязывании «непропорциональной» войны.)

Я много раз уже использовал слово «адекватный» и тем самым обозначил основную проблему этого критерия — речь идет об оценке. Ибо что такое «адекватное соотношение» между добром и злом? Что такое «адекватный ответ» на нарушение границы, теракт или сбитый самолет? Стандартного ответа не существует.

Тем не менее значение этого критерия очевидно. Хотя бывает трудно определить, что является пропорциональным, не так трудно увидеть, что таковым *не является*. Это особенно наглядно проявляется, когда небольшие события используются в качестве повода для крупномасштабных военных действий. Недостаток пропорциональности выявляет в таких случаях настоящие намерения, стоящие за применением оружия. Хорошими примерами тому служат Венгрия 1956 г. и Чехословакия 1968 г. Можно, наверное, утверждать, что была угроза Варшавскому договору, и это обусловило советское вторжение. С другой стороны, в действиях венгерских и чехословацких реформаторов не было ничего такого, что угрожало бы населению Советского Союза или что имело такой характер, при котором крупномасштабные военные действия становятся необходимыми. Жестокость методов подавления этих восстаний и установление де факто военной диктатуры (хотя и с гражданским лицом во главе), последовавшее за вторжением, в т.ч. и в Чехословакии, не были адекватны той «опасности», от которой нужно было себя защитить³⁰.

В моральной оценке войны — да и в большинстве моральных оценок вообще — возникает, конечно, проблема, что только по прошествии времени можно увидеть результат чьих-либо действий. Кратковременная война для предотвращения создания опасных альянсов и угрозы силового баланса в Европе казалась летом 1914 г. правильной и пропорциональной. В ноябре 1918 г. эта оценка оказалась уже не такой разумной. Моральное побуждение спасти косовских албанцев от возможного геноцида было довольно сильным в марте 1999 г. В том же году, но позднее, по окончании войны, проблема беженцев оставалась такой же острой, Слободан Милошевич все еще находился у власти, а жес-

токость с началом войны только усилилась. Было ли использование военной силы пропорциональным? С тех пор прошло еще некоторое время, и можно лучше оценить результаты войны. Для Югославии война в Косово, без сомнения, стала последним гвоздем в крышку политического гроба для Милошевича. Однако такая возможность вновь взглянуть на ситуацию по прошествии значительного времени и оценить, «стоила ли того» война, приносит мало пользы в момент, когда нужно решить вопрос об использовании военных средств здесь и сейчас. Исследовать будущее трудно в силу естественных причин, а непредсказуемый ход войны вовсе не облегчает ситуацию. (Это доказывает целесообразность рассмотрения *ius post bellum* — справедливости *после войны* — в качестве отдельной проблемы, см. гл. 4.)

Лучшее, что можно потребовать от политических и военных лидеров в свете этой непростой ситуации, это следующее:

- всегда критически оценивать реальную необходимость использования военной силы;
- не забывать, что война имеет множество долговременных последствий, а не только те, которые видны в данный момент;
- если использовать оружие необходимо, то нужно предпринять тщательный анализ, какие способы применения силы требуются в данном случае, и искать возможности ограничить мощь и продолжительность своих действий, пока есть такая возможность.

Мы не будем сейчас рассматривать связанные с пропорциональностью проблемы, но вернемся к ним довольно скоро — когда будем рассматривать пропорциональность в ситуации, где война уже имеет место быть.

Крайняя мера

Применение военной силы всегда должно быть «крайней мерой». Так гласит одно из часто повторяемых положений учения о военной этике. Как и в случае пропорциональности, мы должны помнить о том, что использование вооруженной силы должно быть необходимым, чтобы стать допустимым.

Выражение «крайняя мера» может быть истолковано двояко — в хронологическом и систематическом понимании. Под хронологическим смыслом понимается, что следует испробовать все другие способы — в рамках целесообразности — прежде, чем оружие будет пущено в ход. Под систематическим пониманием имеется в виду нечто другое: все другие способы должны быть рассмотрены — снова в рамках целесообразности — прежде, чем прибегнуть к оружию.

Существует множество примеров того, что этот критерий может толковаться более или менее хронологично — с переменным успехом, учитывая «задний ум» и не всегда справедливый взгляд. Политика умиротворения второй половины 30-х годов прошлого века по отношению к гитлеровской Германии — наиболее очевидный пример. Тогда настаивали на том, чтобы испробовать дипломатические пути и искусство компромиссов с целью предотвращения разрушений войны. В десятилетие, когда особо требовалось строить, всего лишь через два десятилетия после «Великой войны» — войны, которая должна была положить конец всем войнам (по крайней мере большим), — неудивительно, что у этой политики были сторонники. Однако за нее пришлось заплатить большую цену, и многие считали, что она дала Гитлеру пространство и уверенность, которые позволили ему вести войну в течение более трех лет, прежде чем удача от него всерьез отвернулась, и в течение почти шести лет до окончательного прекращения войны.

Эти мысли сегодня особенно актуальны, если принять во внимание ситуацию на Балканах в 90-е годы. С 1992 по 1995 г. европейские интеллектуалы взывали о недопустимости быть зрителями этнической войны в середине Европы. Нужно было вмешаться, в первую очередь направив свои действия против проюгославского режима Милошевича, но также против столь же авторитарного и воинственного хорватского режима Туджмана. Вместо этого были испробованы другие средства, военное вторжение откладывалось как «крайняя мера», были созданы так называемые зоны безопасности, туда устремились наблюдатели и гуманитарные специалисты. Все они стали беспомощными зрителями жестокости и массовых убийств, самым страшным примером которых стали события в Сребренице в мае 1995 г.³¹ Только тогда впервые зашла речь о применении оружия.

Оба эти примера показывают цену отсрочки. Однако в тот момент все выглядело иначе. Немногие демократические лидеры государств хотят быть инициаторами войны, во всяком случае, когда нет непосредственной угрозы собственной безопасности. Всегда ли есть множество других возможностей?

Наверное, критерий «крайней меры» ставит перед нами наиболее серьезные задачи, а именно необходимость систематической, серьезной оценки альтернативных возможностей. Ирак 2003 г. — наиболее близкий к нам пример. США считали, что другие средства уже давно были испробованы или тщательно обдуманы. Пришло время решительного удара по Саддаму Хусейну. Однако, если целью действительно было выявление и уничтожение оружия массового поражения в сочетании с одновременным давлением на Саддама Хусейна, чтобы он не использовал это оружие и не помогал террористам, желающим это сделать, многое указывает на то, что так называемый след ООН указывал в правильном направлении. Французы настойчивее других говорили, что нельзя одобрить «логику войны», т.е. логику, при которой война представляется неизбежной, и поэтому лучше самим взяться за оружие, когда предоставится такая возможность, чем ждать момента, когда придется это делать.

Смысл состоит в том, что оценка альтернативы использованию оружия, в соответствии с критерием «крайней меры», должна быть *серьезной и основательной*. В случае с Югославией первой половины 90-х годов XX в. кажется, что к невмешательству больше вело несогласие между европейскими государствами, равно как и несогласие между Европой и США, чем ясное понимание того, что давление и дипломатические методы окажут свое воздействие. Если мы вернемся в 1938 г., то похоже, что желание в большей степени, чем реализм, способствовало надежде удержать Гитлера с помощью взаимных договоренностей. Что касается действий США и их союзников весной 2003 г., то очень многие считают, что они, наоборот, не рассмотрели достаточно серьезно альтернативные войне возможности, которые еще имелись, и поэтому нарушили основной принцип критерия о «крайней мере».

В заключение несколько слов о санкциях³². Когда войны нужно избежать, нет такой альтернативы, которая бы предлагалась так же часто, как различные виды санкций, отражающих международную реакцию в форме политической, экономической или культур-

ной изоляции того государства, против которого она направлена. Санкции представляются менее жестоким средством, чем война; они, кроме того, — и это не следует недооценивать — очень простой способ для отдельного потребителя или гражданина проявить свою политическую позицию.

Популярность санкций связана в немалой степени с падением режима апартеида в ЮАР. Международная изоляция и почти всеобщее осуждение привели к значительным изменениям в этой стране. Способствовал делу и бойкот транснациональных компаний, работавших в ЮАР.

Однако к санкциям надо относиться осторожно. Считается, что для достижения необходимого эффекта санкции должны быть масштабными и последовательными. Однако чем шире их масштаб, тем больше они становятся похожими на одно из жесточайших военных средств — блокаду³³. При блокаде прекращается снабжение населения продуктами. Чем меньше исключений и физических брешей в блокаде, тем быстрее распространяются голод, болезни и эпидемии. Ирония заключается в том, что именно власть предрержащие, против которых на самом деле направлена блокада, чувствуют себя в этой ситуации лучше остальных. Они способны себя защитить: в отличие от гражданского населения, у них есть и ресурсы, и резервы, достаточные, чтобы пережить это испытание, по крайней мере в течение какого-то времени. Рядовые граждане, особенно дети и старики, — вот кто пострадает больше всего. Мы помним блокаду Ленинграда во время Второй мировой войны и понимаем, причинами каких жестоких страданий могут стать блокады.

Примерно то же самое происходит и при применении санкций. Даже санкции, достигшие цели, имели драматичные последствия для населения, примером чему является ЮАР. Интересно, что невоенные санкции, такие, как бойкот продуктов, при производстве которых используется детский труд, не рекомендуются организациями, хорошо знающими ситуацию, например международной организацией «Спасите детей». Существуют оправданные опасения, что чаще всего от таких санкций в первую очередь пострадают дети и их семьи, прежде чем удастся что-либо сделать для решения самой проблемы.

Санкции против Ирака в период 1991–2003 гг. многим представляются примером жестких акций, не достигших своей цели³⁴. Это особенно важно в контексте нашей книги. В начале марта

1991 г. американцы закончили военные действия против Ирака. Для этого было много причин, частично этического характера. Главная задача была успешно выполнена, и Ирак был изгнан из Кувейта. Продолжать войну означало решиться на большие потери, в том числе и среди иракского населения, что становилось опасным. В то же время большинство стран-членов ООН хотели, однако, не ослаблять давления на Саддама Хусейна, чтобы добиться ухода его от власти и в перспективе получить режим, уважающий права человека, а также чтобы устранить военную угрозу, которую все еще представлял Саддам Хусейн со своими программами вооружений и авторитарной политикой. Через двенадцать лет оказалось, что санкции унесли намного больше человеческих жизней, чем можно было предположить при продолжении войны против режима Саддама Хусейна в 1991 г. То, что во многом в этом виноват сам Саддам и его циничное использование санкций против собственного народа, дело другое. Пример показывает, во что могут обойтись санкции и что они могут иметь более жестокие последствия, чем война.

С учетом этого дискуссия о «крайней мере» предстает в очень интересном свете. А была ли вооруженная акция против Саддама Хусейна в данном случае «крайней мерой»? Когда в дополнение ко всему многие исследователи сходятся во мнении, что санкции часто не приносят желаемого результата, и тому есть множество эмпирических доказательств, и принимая во внимание многие испробованные формы санкций (в том числе со стороны США), – уместно задать вопрос, а не заслуживают ли санкции столь же серьезного и скептического отношения, которое в данной книге имеет место в отношении войны³⁵.

Несмотря на все вопросы и замечания, высказанные здесь, «крайняя мера» - полноценный и важный критерий, когда нужно дать моральную оценку применению оружия. Когда мы видим в Израиле/Палестине, Индонезии, Чечне, Конго и сотне других мест, как государство или вооруженные группировки обращаются к оружию как к средству достижения своих целей, мы вынуждены спросить, а было ли это на самом деле «крайней мерой», если военную акцию вообще можно считать действенной формой достижения мира или собственных целей, или же это скорее выражение ненависти, оправдание насилия и в немалой степени проявление сильной потребности доказать свою дееспособность. Чем боль-

ше будет тех, кто способен мыслить альтернативно, предлагать ненасильственные методы решений и давать полномочия силам, которые *не хотят* прибегать к оружию, за исключением тех случаев, когда это действительно будет последней возможностью, тем чаще мы увидим, что затяжные конфликты можно решить без кровопролития. Такая страна, как Норвегия, которая в 1814 г. в связи с переходом из датско-норвежской в шведско-норвежскую унию избежала длительного и серьезного конфликта, а в 1905 г. при разрыве унии избежала настоящей войны, очень хорошо знает эту истину. Подобные примеры можно привести и в отношении других стран и регионов – например, большей частью без военных действий обошелся распад Варшавского договора.

Рациональная вероятность успеха

Критерием «рациональная вероятность успеха» мы снова вводим малоосязаемое понятие «рациональный». Снова нам нужно прибегнуть к рассудку. И опять мы не получим окончательного ответа, что вполне может вызвать у читателя чувство некоторого разочарования.

Но, как и в случае с другими критериями, этот критерий не менее важен, хотя его трудно определить. Каждый глава государства, рассматривающий возможность применения оружия, должен хорошо подумать, действительно ли цели достижимы. По прошествии времени видно, что как война США во Вьетнаме, так и советское вторжение в Афганистан были военными авантюрами без шансов на успех. Это не было столь ясно, когда все только начиналось. Вопрос, таким образом, ставится следующий: в какой степени можно говорить о том, что *нужно было* заранее предусмотреть те возможные проблемы, ту трясины, в которую пришлось влезть.

Этот критерий постоянно дает почву для замечаний, высказываемых также в отношении удара союзных сил во главе с США по Афганистану осенью 2001 г. и по Ираку весной 2003 г. Если невозможно решить проблему с помощью оружия, значит, рациональной вероятности успеха нет. Типично, что обе стороны в дискуссии настаивают на том, что впоследствии они оказались правы. Противники войны летом 2003 г. могут указать на то, что угроза террора не исчезла, Осам бен Ладен не пойман, Аль-Каи-

да все еще действует, а политическая обстановка в подвергшихся нападению странах далека от стабильности. США, в свою очередь, могут сослаться на падение режима Талибан, исчезновение Аль-Каиды из (большинства территорий) Афганистана и в немалой степени на изменение режима в Ираке и на захват Саддама Хусейна. Что является успехом, а что — поражением, во многом зависит от того, кто на это смотрит и как определяются цели, ради которых использовалось оружие.

Общеизвестно, что не следует вступать в дорогостоящие проекты, если они не приведут к успеху. Именно это обстоятельство подчеркивается рассматриваемым нами критерием. Ведь применение оружия влечет серьезные затраты, независимо от того, ведем мы речь об ограниченной акции или полномасштабной войне.

Тем не менее могут возникнуть ситуации, в которых *следует* бороться, — ситуации, в которых столь многое поставлено на карту, что само отсутствие рациональной возможности успеха не будет решающим.

Лучший известный мне пример, когда такой вопрос стоит задать, связан с Уинстоном Черчиллем как главным действующим лицом³⁶. Представим себе май 1940 г. и Великобританию, оставшуюся один на один с врагом. США в войне не участвуют, нет никаких признаков, указывающих на то, что они это когда-нибудь сделают. Британские войска на пути к эвакуации с европейского материка, и реальное французское сопротивление кажется все менее вероятным. Советский Союз давно заключил пакт о ненападении с гитлеровской Германией. Черчилль говорит о победе как о своей конечной цели, но на практике не может пообещать своему народу ничего другого, кроме как кровь, усталость, пот и слезы. Многие считают, что ему следует отправиться в Берлин для переговоров с Гитлером. Возможно, он сумеет договориться и сохранить свободу Великобритании? Альтернатива известна: одновременная и дорогостоящая война, с большой вероятностью поражения. Похоже, что «рациональной возможности успеха» практически нет.

Черчилль не поехал в Берлин. Он не сдался. От имени своего народа он принял решение, которое впоследствии можно было бы оценить по-другому, если бы война закончилась иначе. Однако, несмотря на «задний ум» и результаты войны, Черчилль принял такое решение, считая нацизм абсолютным злом. Было лучше бо-

роться не на жизнь, а на смерть, ставя на карту жизнь нации, чем дать возможность злу победить. Черчилль не мог смириться с тем, что недостаточная вероятность победы будет определять, а стоит ли вообще бороться.

Может быть, именно поэтому он с союзниками в конце концов и победил.

Другие критерии

Можно долго перечислять критерии и называть их другими именами. Обширная литература от Цицерона до нашего времени показывает нам богатство нюансов и множество интересных предложений.

Мы упомянем еще два критерия. Один из них говорит об «открытом объявлении войны». Это старинная заповедь еще со времен Римской империи, а может быть, и раньше, согласно которой война должна объявляться формально, так, чтобы противоположная сторона и остальной мир знали, что будет война. В наше время этот критерий утратил свое значение. Граница между тем, что можно назвать войной, и что – только «военная акция» без полноценного статуса войны, очень подвижна³⁷. Большинство войн нашего времени на самом деле внутренние конфликты, они начинаются, за редким исключением, без формального объявления войны, еще чаще без наличия формальных сторон, имеющих полномочия делать такие заявления.

То, что этот критерий уходит по пути забвения, имеет явные негативные стороны. От главы государства, вовлекающего свой народ в войну, ожидается достаточно честности, чтобы открыто заявить об этом именно собственному народу. Однако, что еще важнее, он должен смочь объявить об этом противоположной стороне, чтобы обе стороны, как и остальной мир, знали, в какое политическое и юридическое состояние они вступают. Здесь имеется оттенок «рыцарства», мысль о том, что война – это вид игры со своими правилами, где противоположная сторона уважается как враг, но как «честный» враг, а не такой, которого нужно обмануть, провести, чтобы уничтожить.

Объявление войны имеет еще и международно-правовое значение. Некоторые действия законны только во время войны. Если нет уверенности в том, идет война или нет, нет увереннос-

ти и в том, правомерны ли вообще бомбардировки, открытие огня по солдатам и захват пленных. С точки зрения международного права можно утверждать, что объявление войны, в моральном и юридическом контексте, уже изжило себя. В то время когда война запрещена и только отражение нападения имеет законный статус, уже невозможно объявлять войну и оставаться правым. Однако, как мы уже это видели, Совет безопасности ООН уполномочен санкционировать военные акции, и будет лукавством утверждать, что с технической и юридической точки зрения это не война, а поэтому и не требуется ее формального объявления. (На самом деле решение Совета безопасности фактически исполняет роль объявления войны!) Мы видели, что идеи о гуманитарной интервенции весьма жизнеспособны, и необоронительные, но потенциально справедливые войны, таким образом, возможны. В такой ситуации будет мудро снова вернуть из исторической памяти формальное объявление войны.

Другой постоянно упоминающийся критерий можно назвать «относительной справедливостью». Правомерно ли выделять его как обычный критерий? Сомнительно. Однако мы сталкиваемся по крайней мере с необходимым напоминанием, а именно, что справедливость возможна для обеих сторон и что ни одна из сторон не может обладать полноценной справедливостью³⁸.

Как война может быть справедливой с обеих сторон? Если обе стороны в войне имеют на своей стороне справедливость, тогда состоится ли война вообще? Ведь воюют против того, кто нарушил справедливость. (То, что обе стороны могут поступать несправедливо, вполне возможно, и это как раз самый распространенный случай в военной истории, если мы честно и цинично взглянем на нее.)

Суровая критика испанских войн в Южной Америке со стороны доминиканского монаха Франсиско де Виттория может служить иллюстрацией утверждения о наличии «справедливости с обеих сторон» или «относительной справедливости». Он утверждал, что испанцы могли быть в некотором роде правы, не по причине своей религии, что богослов Виттория не считал справедливым основанием для объявления войны, но по причине необходимости защиты свободы торговли и миссионерской деятельности в условиях вооруженного сопротивления. Проблема была как раз в том, что индейцы также считали себя вправе применять силу против

испанцев. Они ничего не знали об этих европейских принципах. Короче говоря, они не были знакомы с теми обвинениями, которые им предъявлялись, и поэтому не было оснований возлагать на них бремя ответственности по причине этой неосведомленности. Следствием – для Виттории – было то, что испанцам следовало воздерживаться, а возможно, отказаться вообще от вооруженной борьбы, пока эта «относительная справедливость» имела место, поскольку «справедливое дело» испанцев сразу же вызвало очевидно справедливое противодействие со стороны индейцев³⁹.

«Относительную справедливость» можно также считать более общим принципом, который применим по отношению к солдатам и во многом создает основу для правил обращения с военнопленными. Идея заключается в том, что военнопленные на самом деле невиновны. Они участвовали в войне на своей стороне. Это была их обязанность, и с этой точки зрения справедливость есть и на их стороне. Когда их берут в плен, это не потому, что они сделали что-то плохое, но потому, что их следует вывести из борьбы, чтобы собственной стороне было легче победить. Когда война закончится, им нужно вернуть их прежний гражданский статус, если они не подозреваются в военных преступлениях и не должны предстать перед трибуналом. Короче говоря, пленные взяты в плен не потому, что они осуждены за что-то плохое, но потому, что они больше не должны представлять угрозу той стороне, которая взяла их в плен. Независимо от того, насколько несправедливо дело его страны, его собственное участие в войне не является само по себе несправедливым⁴⁰. Здесь мы видим, что критерий «относительной справедливости» включает аспекты как *ad bellum*, так и *in bello*. Таким образом, у нас сложилась естественная возможность перейти к следующей главе – о справедливом поведении в войне⁴¹.

Примечания

¹ Kolb, 1997.

² См.: Reichberg m.fl., 2006, особенно части III и IV. Он собрал множество текстов, демонстрирующих разнообразие взглядов и в период раннего Нового времени.

³ Miller, 1991: 151–152, 165–166; Stevenson, 1987: 115–148. Важнейшие идеи Рамсея о справедливой войне см.: Ramsey, 1961&1968. Он спорный мыслитель, хотя бы потому, что принципиально не отказался от

возможности использования атомного оружия. По мнению Миллера, это входит в противоречие с его обычной точкой зрения на основополагающие обязанности в войне.

⁴ Фома Аквинский (1225–1274) написал свой большой учебник по богословию «Сумма теологий» в 60-х годах XIII в. В течение последних 500 лет в католической церкви этот труд считался самым авторитетным введением в богословие и философию. Тем не менее Фому Аквинского читали с большим интересом и в далеко не католических кругах. Как комментатор Аристотеля, этик, политический философ, метафизик, теоретик науки и богослов, он считается одним из наиболее выдающихся представителей европейской традиции.

⁵ См.: Аристотель. Политика. Кн. IV.

⁶ Интересная точка зрения на истоки Первой мировой войны встречается в кн.: Henig, 1989; то же самое о войне во Вьетнаме см.: Kaiser, 2000.

⁷ Существует много примеров тому, как собственное авторитарное вмешательство Гитлера в военные дела влекло за собой фатальные последствия (Warner, 1988: 118–121).

⁸ Генерал-майор Вернер Кристи (Christie), будучи в отставке, стал одним из наиболее активных приверженцев использования военной компетенции в политических дебатах о применении оружия.

⁹ Reichberg&Syse, 2002.

¹⁰ Интересную полемику по поводу права государств на самооборону см.: Rodin, 2002.

¹¹ Хорошее разъяснение этого вопроса дается в кн.: Johnson, 1997.

¹² Аргументы Милля со ссылкой на его эссе «A Few Words on Non-Intervention» (1859), вновь опубликовано в Mill, 1867 отлично разбираются в кн.: Begby, 2003.

¹³ Интересную дискуссию по этому вопросу см.: Semb, 2000. Она пишет также о проблеме морального упадка, к которой я вернусь ниже.

¹⁴ Это сродни тому, что я в главе 2 назвал идеей «вечного мира».

¹⁵ Выборку из этой и других основных работ Августина, имеющих отношение к вопросу о справедливой войне, можно найти в Augustin, 1994.

¹⁶ Справедливые причины войн в эпоху Средневековья хорошо разобраны в Johnson, 1975, 1981&1984, а также Russel, 1975.

¹⁷ Для многих как принадлежащих к христианским конфессиям, так и находящихся вне их, стало важным осуждать Крестовые походы как форму жестокого и растлевающего империализма. С христианской точки зрения я тоже занимаю осуждающую позицию по отношению и к мотивации, и к формам, и мне (как и многим богословским обозревателям) трудно увидеть в них что-либо приближенное к любви к ближнему и даже к врагам во время ведения войны. Тем не менее многие историки последних лет борются за более нюансированный подход к Крестовым походам. В Madden, 2002 содержится ряд статей, которые показывают,

что многие крестоносцы действовали по изначально благородным побуждениям, а контакты между христианскими оккупантами и мусульманским населением во многих случаях были мирными и очень ограниченными.

- ¹⁸ Интересные мысли об этом можно найти в Fortin, 1987.
- ¹⁹ См. мою работу «Natural Law, Religion and Rights», изданную в виде книги в 2006 г., где разъясняется идея естественного права.
- ²⁰ Отличное введение в проблему религиозных войн в христианстве и исламе можно найти в Johnson, 1997. Полезные идеи можно найти также у Kelsay, 1993 и Brekke, 1999.
- ²¹ Там же. Р. 76.
- ²² Интересное собрание очерков по этическим проблемам гуманитарной интервенции см.: Moog, 1998.
- ²³ Independent International Commission on Kosovo, 2000:10; Nordquist, 1998.
- ²⁴ Ignatieff, 2000: 71–87.
- ²⁵ Различные значения понятия «справедливые намерения» со ссылкой на средневекового мыслителя Александра Гальского в т.ч., см.: Barnes, 1982, особенно Р. 774–775.
- ²⁶ Гуго Гроций как раз по этой причине скептически относился к роли, которую оценка намерений должна играть в рамках теории справедливой войны. См.: Corpieters & Fotion, 2002:64–65. Лучшее на сегодняшний день представление этики добродетелей и ее практических последствий, а также весьма красноречивое описание ее роли в норвежской внешней политике можно найти у Asheim, 1997.
- ²⁷ Особенно известны идеи Алисандра Макингайра. Однако общее увлечение этикой Аристотеля, особенно близостью и заботой как ключевыми этическими понятиями, способствовало отвлечению внимания от абстрактных теорий этики долга и последствий к так называемой этике добродетелей. Ряд текстов по этике добродетелей можно найти в Statman, 1997 и Vetlesen, 1998. Рассмотрение вопросов военной этики с точки зрения этики добродетелей можно найти в Osiel, 1999.
- ²⁸ Эта точка зрения сильно противоречит знаменитому разделению между законностью и моралью Иммануила Канта в «Основах метафизики морали», см. дискуссию: Syse, 2003. См. также о Канте гл. 17 в Tollefsen m.fl., 1998.
- ²⁹ Когда я здесь и в других местах разбираю Косово и Ирак вместе, я не стремлюсь скрыть значительную разницу между этими двумя вооруженными конфликтами. Войну в Косово можно с большой степенью уверенности назвать гуманитарной интервенцией, в то время как в иракской войне основную роль играли другие мотивы. Тем не менее дискуссии об этих двух войнах и этических дилеммах, которые они скрывают, имеют много общего.

- ³⁰ С чисто реалистической точки зрения можно тем не менее утверждать, что действия Советского Союза были пропорциональными. Существованию Варшавского договора в последней инстанции (возможно) грозила опасность. Если задачей Советского Союза было удержать силовой баланс в мире, исползуя Варшавский договор как основной инструмент, то он и должен был вмешаться в ситуацию. Это показывает, насколько трудно обозрим моральный ландшафт, если мы имеем дело с альянсами, основанными на власти и силе.
- ³¹ Сведения о резне в Сребренице и ее контексте можно найти в сборнике очерков Thune&Hansen, 1998.
- ³² Дополнительно по этой проблематике см.: Syse, 2001 с прилагаемыми ссылками на литературу, а также Amstutz, 1999: 145–165. Амштуц рассматривает также дискуссию об эффективности санкций.
- ³³ Дискуссии о блокаде и ее последствиях для гражданского населения см.: Johnson, 1999, 2000.
- ³⁴ Thune, 2001.
- ³⁵ Амштуц (Amstutz, 1999: 154) со ссылками на Хуфбауера, Шотта и Эллиотта доказывает, что целых 75% санкционных мер в период 1973–1989 гг. не повлияли на поведение государств, против которых были направлены. Не следует забывать, что политику санкций следует измерять по тому, насколько хорошо они отражают отстранение и политико-идеологические сигналы. С этой точки зрения санкции были гораздо более эффективными, чем приведенные выше цифры (см. там же).
- ³⁶ Интересно и увлекательно этот вопрос представлен у Lukacs, 1999.
- ³⁷ Суждения об определении войны см. в главе 1.
- ³⁸ Критерий рассматривался в т.ч. у Miller, 1991: 14 и Orend, 2000a: 49.
- ³⁹ См.: Johnson, 1981, особенно P. 94–103 и Pange&Ahrens Dorf, 1999: 88–98 со ссылкой на произведения Виттории De Indis и De iure belli. Произведения Виттории о войне сложные, в них много нюансов, однако его основная мысль вполне ясна: война всегда должна быть «крайней мерой», и ее следует вести осторожно. Здесь, по Виттории, испанцы наделали много грубых ошибок. См. также статью Грегори Рейхберга (Reichberg) о Виттории в Gracia m.fl, 2003: 197–2003.
- ⁴⁰ Основываясь на этом, становится ясно, что пленные США в так называемой войне с терроризмом не будут автоматически считаться военнопленными, поскольку они подозреваются в ведении борьбы вне рамок военных конвенций (и вне регулярных войск). Это не означает, что со стороны США будет морально и политически правильно при обращении с ними нарушать международно-правовые нормы обращения с военнопленными. В то же время трудно рассматривать этих пленных, т.е. тех, кого с достаточной уверенностью можно подозревать в террористической деятельности, как солдат или офицеров, которые не сделали

ничего плохого и которые временно содержатся в лагере для военнопленных до тех пор, пока война не прекратится.

- ⁴¹ В этой главе я не рассматривал вопрос о том, насколько борьба за самоопределение народа, т.е. за право жить в отдельной, собственной стране или иметь самоуправляемую политическую единицу в другой форме, может принадлежать к *ius ad bellum* в качестве самостоятельной, законной причины взяться за оружие. Однако несколько слов по этой теме высказано, особенно в свете проблем Палестины, Косово, Страны басков, Эритреи и ряда других провинций и регионов. Основной упор идеи справедливой войны на защиту против несправедливости позволяет добавить, что политическое самоопределение как таковое с трудом можно рассматривать в качестве причины для использования оружия, поскольку отсутствие самоопределения народа не обязательно означает какой-либо вид дискриминации, побуждающий к силовому ответу (см. критерий «крайней меры»). Групповое самоопределение, напротив, это политический вопрос, который в первую очередь должен решаться невооруженными методами. Споры о политической автономии для определенного народа или группы затрагивают, кроме того, такие трудные темы, как, например, кого считать «народом» или «нацией», какие исторические критерии будут существенными и что такое естественное разграничение территорий суверенных государств. В этой связи обычно бывает трудно выдвинуть требования, справедливость которых будет так неоспорима, что фактически позволит использовать оружие для их удовлетворения на законных основаниях. В том случае, если группа людей не имеет желаемой степени политического самоопределения, вероятно, однако, что она дискриминируется в такой форме, которую трудно терпеть, с нарушением элементарных прав человека и многочисленными страданиями как типичным ее выражением. В таких случаях использование оружия для прекращения этой дискриминации или страданий – возможно, с вмешательством или помощью извне – может быть оправдано согласно принципам справедливой войны. В таком случае самоопределение дискриминируемой стороны будет единственным естественным исходом конфликта. Это тем не менее совсем другое, нежели превращение борьбы за политическое самоопределение для определенных наций или народов *как таковой* в законную причину войны. (Более подробно об этом см.: Waltzer, 1977. Гл. 6 и Otend, 2000a: 104–108).

IUS IN BELLO: Какие действия правомерны во время войны?

«**Н**есчастные раненые, которых поднимают в течение дня, мертвенно бледны и совершенно обессилены ... у некоторых... взгляд отупевший, они точно ничего не понимают, но это кажущееся отупление не мешает им ощущать страдания; иные возбуждены и содрогаются от нервной дрожи; другие, с воспаленными зияющими ранами, точно обезумели от страданий... Пробегая громадную арену вчерашнего боя, на каждом шагу приходится наталкиваться на сцены невообразимого отчаяния и жесточайших страданий»¹.

Так писал Анри Дюнан в своей знаменитой книге о битве у Сольферино в 1859 г., когда 40 000 убитых и раненых остались лежать на поле боя после сражения. Дюнан, один из основателей YMCA (Христианской ассоциации молодых людей), человек высокого общественного духа, был потрясен до глубины души. Независимо от того, на чьей стороне правда, кто победил и кто проиграл, нужно что-то сделать для облегчения страданий раненых!

Книга Дюнана и его активная гуманитарная деятельность способствовали появлению первой Женевской конвенции по обращению с пленными и созданию Красного Креста. Так создавались международные правила ведения войны. Конечно, о том, что война должна вестись по правилам, говорили и раньше. Но только теперь была предпринята серьезная кодификация правил, намного более глубокая, чем кто-либо ранее мог себе представить.

Эти правила ведения войны философы называют *ius in bello*. Большинство людей, услышав о «военной этике» и «международном военном праве», подумает как раз об учении *ius in bello*, т.е. о том, какие действия *во время войны* правильные, а какие – нет.

Вот и мы подходим в нашем систематическом обзоре к событиям, происходящим на поле боя. Мы как бы отстраняемся от действий государственных лидеров и всей системы ООН и обращаемся к поступкам офицеров и солдат, которые, собственно, и принимают конкретные решения на поле битвы.

Тем не менее это не означает, что политики оказываются «вне игры». Вопрос о том, какие виды оружия позволительно применять, – центральный вопрос *in bello*, вопрос очень даже политический, поскольку большая стратегия определяет многое в тактических действиях, и относится к сфере ответственности политиков. И все-таки мы подбираемся к настоящим *военным* делам. Речь идет о способах ведения военных действий и о том, каким образом кто-либо принимает на себя ответственность за сохранность общечеловеческих ценностей и самих жизней в пылу сражения.

Критерии *ad bellum* имеют значение и в вопросах *in bello*, т. е. причины, приведшие к войне, влияют на то, как она ведется. В книгах эта связь обычно не рассматривается, но мне кажется совсем нелишним начать с *ad bellum* критериев, которые имеют значение для предмета рассмотрения в этой главе.

Правовые полномочия в военной иерархии очень важны. На каком уровне должны приниматься решения того или иного характера? В чем заключается реальная власть командиров дивизий, полков, батальонов и рот? Какие решения должны приниматься на более высоком уровне? Ответы на эти вопросы имеют немалое значение с моральной точки зрения. Поскольку нас интересует в конечном счете этическая оценка, то очевидно, что и определенность легитимных полномочий для принятия решений тоже имеет не только практическое, но и моральное значение. Командир даже самого низкого ранга наделен определенным рода ответственностью. И он должен четко ее себе представлять и иметь для этого определенные знания и способности. Неправильный выбор целей или ведение огня по гражданским объектам часто происходят по причине некомпетентности, а еще чаще из-за принятия решения без согласования (и осмысленного одобрения) с вышестоящим командованием. Если взглянуть на вещи шире, то следует напомнить и о значении компетентности на всех других уровнях военной иерархии. Офицеры разведки имеют в действительности намного больше власти, чем они любят признавать. Именно они предоставляют данные о характере и расположении целей. Ошибки в вы-

боре цели нередко обусловлены неточными, устаревшими разведанными (яркий пример – бомбардировка китайского посольства в Белграде весной 1999 г.²). Но вернемся к вопросу о правильности полномочий («компетентности»). Нельзя обойти вниманием значительные полномочия, которые в наше время имеют военные адвокаты и юридические эксперты, призванные определять моральную и юридическую легитимность выбора конкретных целей. Причинение значительного гражданского ущерба в результате действий такой страны, как США, имеет настолько серьезные последствия с точки зрения этики, права и престижа, что делает недопустимой даже малейшую возможность удара по мирным целям в какой-либо большей степени, чем это абсолютно неизбежно³. Но ошибки совершаются, что мы и наблюдаем в Косово, Афганистане и Ираке. Поэтому все более насущной является необходимость существования четко определенной структуры полномочий, принимающих во внимание этические и юридические аспекты таких решений. Тот факт, что кто-то принимает оперативные решения об атаке цели вне связи с этическими и юридическими аспектами, означает, что он не имеет достаточных для военного руководителя законных полномочий.

Под справедливыми намерениями в понимании *in bello* подразумевается наличие настроенности на достижение справедливости, о чем шла речь в главе 3. Этот аспект имеет важнейшее значение в процессе подготовки кадров военнослужащих. Чего мы хотим: создать машины для убийства или получить думающих мужчин и женщин с чистой совестью? Кто лучший солдат – тот, кто жесток и беспощаден, или тот, кто старается причинить как можно меньше вреда при выполнении боевой задачи? Ответ напрашивается сам собой, по крайней мере с этической точки зрения. Нам не нужны машины для убийства, и эта мысль не нова. Августин подчеркивал, что хороший солдат (так же, как и тот, кто отдает ему приказ) не должен испытывать удовольствия от убийства, но, напротив, должен скорбеть по поводу того, что ему приходится воевать⁴. Тем не менее существует множество традиций в рамках военной культуры, даже в демократических обществах, в которых жесткость и даже жестокость почитаются за достоинство, возводятся в ранг идеала. Те, кто знаком с методами подготовки бойцов сил специального назначения, например американских морских пехотинцев, поймут, о чем идет речь. В некоторой степени такая точка

зрения понятна. Война несет с собой такое множество экстремальных ситуаций, что естественный страх и нерешительность нужно преодолевать. Так же, как «летающим лыжникам» нужно преодолеть страх перед трамплином, а альпинистам – перед большой высотой, так и военным нужно преодолеть страх перед ужасами войны. Тем не менее я считаю, и к этому мы вернемся в последней главе, что у правильно настроенного солдата или офицера вряд ли будет преобладать желание убивать или получать удовольствие от насилия. Сама идея справедливой войны зиждется на том, что война – нечто, чего следует избегать, гибель людей – зло, которое нужно свести к предельно возможному минимуму, а достижение мира является единственной правомерной целью войны. В таком свете почитание жестокого, безжалостного солдата само себе противоречит. (Стоит вспомнить американские военные фильмы с их героями, подобными Рэмбо, которые должны защищать и свободу, и гуманность, демонстрируя при этом свою убийственную мускулатуру, чтобы понять, о чем мы ведем речь. Я, однако, знаком лишь с немногими военачальниками, кто предпочел бы Рэмбо другому, более думающему – и такому же бесстрашному – солдату.)

«Достаточная вероятность успеха» также имеет очевидное *in bello* значение. Рассмотрим конкретные принимаемые на месте решения, которые могут повлечь большие человеческие и материальные потери. В этом случае их боевую пользу нужно оценивать очень тщательно. Классический пример – битва за Арnhem осенью 1944 г., описанная в фильме и в книге «A Bridge Too Far» («Далекая переправа»), повлекшая большие человеческие потери и еще большие материальные разрушения, — операция, по мнению многих, не имевшая достаточных шансов на осуществление. Однако союзное руководство не остановило ее, что, как показал последующий анализ, следовало сделать⁵. Многие сражения Первой мировой войны демонстрируют нам ту же картину: продвижение вперед на несколько метров достигалось ценой многих тысяч погибших. Но были ли шансы на успех?

Несмотря на очевидную связь критериев *ad bellum* и вопросов о правильном поведении во время войны, с *ius in bello* мы обычно связываем ряд других критериев. Список будет намного короче, чем *ad bellum*, и состоит обычно только из двух критериев:

пропорциональность,
дифференцирование (или дискриминация).

К последнему пункту относится, кроме того, важная *доктрина двойного эффекта*.

Все эти три пункта, особенно два последних, очень тесно связаны с различиями между гражданскими и военными целями. Поэтому с них мы и начнем⁶.

Военные или гражданские?

Почему мы разграничиваем во время войны гражданские и военные цели? Почему нельзя атаковать гражданские цели? Разве не могут гражданские лица тоже быть «виноватыми», а, следовательно иметь такое же значение для боевых действий, как и солдаты?

Этот вопрос часто задают те, кто сомневается в легитимности военной этики и значении этого пункта. Большие потери среди мирного населения – особенность гражданских войн и других конфликтов с участием нерегулярных или полувоенных формирований. В войнах начала XX в. около 10–15% погибших были мирными жителями. Во время Второй мировой войны это число выросло до более чем 50%. К концу прошлого века доля гражданских жертв стала еще больше и, по некоторым оценкам, составила примерно 75%⁷.

В мою задачу не входит анализ больших гражданских потерь или их причин. Я хочу только подчеркнуть, что различие между гражданскими и военными целями имеет основополагающее моральное значение⁸. Признание этого различия делает возможным ведение войны в некотором роде гуманным способом, без причинения огромных страданий тем, кто на самом деле является самой невинной жертвой войны, – детям. Нам следует включить сюда и большую часть женского населения, которое почти не принимает участия в боевых действиях, но на чью долю выпадает большая часть страданий, и конечно, стариков, инвалидов и многих других категорий лиц. Когда эти люди, не принимающие непосредственного участия в боевых действиях, становятся главными жертвами войны, это значит, что нам угрожает большая опасность!

Идея выделить эту категорию людей в качестве нелегитимной боевой цели появилась еще в Средние века, чему способствовало церковное право и светский кодекс рыцарской чести⁹. Идея за-

ключалась в том, чтобы те, кто отвечает за духовное и физическое здоровье: священники, врачи и производители продуктов питания (крестьяне) вместе с женщинами, детьми, стариками и инвалидами, — не становились прямыми объектами боевых действий. Хотя некоторые философы, богословы и юристы имели разные мнения по этому поводу, а список составлен на основе различных письменных документов, затрагивающих этот вопрос, мы можем в целом отметить, что идея иммунитета для гражданского населения основывается на следующих четырех причинах.

Во-первых, ни одна из этих категорий не представляет непосредственной угрозы для воюющих сторон. Они не принимают участия в боевых действиях и вообще не имеют снаряжения для участия в военных акциях.

Во-вторых, им даже нечем защитить себя. Поэтому воевать с ними несправедливо, и вообще это будет проявлением трусости.

В-третьих, что касается специально отобранных категорий рабочих, то они составляют персонал, оказывающий жизненно важные услуги, которые должны продолжаться, независимо от того, война сейчас или мир, а во время войны — особенно. Идея иммунитета для врачей и неприкосновенность символов Красного Креста и Красного Полумесяца относится как раз к этой категории.

И, последнее по порядку, но не по значению, обе воюющие стороны могут и должны быть едины в необходимости защиты мирного населения. Как только какая-либо из сторон начинает нарушать это правило, она рискует подвергнуть собственное население той же опасности, поскольку нельзя ожидать от другой стороны четкого соблюдения правил военной этики и права, если сам этого не делаешь. В наше время, пожалуй, еще более важным становится следующее обстоятельство: та воюющая сторона, которая нападает на мирных жителей, рискует потерять всяческую международную поддержку и сочувствие и, кроме того, утратит понимание со стороны населения противника, что может стоить весьма дорого. Последнее испытал на себе Адольф Гитлер, когда жестокое отношение его войск к населению в ходе вторжения в Восточную Европу не дало Германии воспользоваться возможностью завоевать симпатии людей, уставших от нескольких лет сталинского террора. Увидев варварский характер немецкого завоевания, люди быстро обратились против него.

Я думаю, что на основе этих четырех положений нетрудно доказать необходимость иммунитета для гражданского населения. Труднее найти хорошие аргументы в пользу правомерности нападения на *солдат*. Право атаковать солдат означает, что солдат утратил право на жизнь. Почему? То, что военные объекты с материальной точки зрения являются законными боевыми целями, – это понятно, как, возможно, такими же законными целями является военное и политическое руководство, непосредственно отвечающее за военные действия. Но по какому праву можно убивать 20-летнего солдата, надевшего униформу по приказу вышестоящего командования?

Майкл Уолтцер утверждает, что, когда человек надевает униформу и становится частью вооруженных сил, с ним происходит перемена. Он отказывается от права не подвергаться физическому нападению – основному праву нашей повседневной гражданской жизни¹⁰. Причина кроется частично в необходимости войны – другого способа ведения войн человечество за время своего существования еще не придумало, частично в обязанности каждого защищать собственную страну. Короче говоря, это необходимая жертва.

Тем не менее нет необходимости умалчивать о кроющейся здесь значительной проблеме. Солдата-добровольца, который с большим усердием и вполне сознавая опасность отдает себя военной службе (вспомним членов Иностранного легиона), можно, наверное, считать *добровольно* отказывающимся от права на жизнь. Но обычные, может быть набранные по призыву солдаты, в которых я целюсь и которых убиваю, потому что мне отдан такой приказ... Почему они утратили право на жизнь? Достаточно ли объяснить это необходимостью войны и долгом защищать свою страну? Не стоит ли за этим что-то еще?

Ответ заключается, при глубоком рассмотрении, в противоположности вышеупомянутому мной первому пункту, а именно в том, что этот солдат фактически представляет угрозу моей жизни так же, как и я представляю угрозу для его жизни. Сравнение со спортивными состязаниями будет очень наглядным, если не сказать тривиальным: на футбольном поле я имею право толкать противника в пределах правил игры. Если я, прогуливаясь по улице Карл Юхан*, стану так же обращаться с прохожими, мой поступок тут же будет оценен как неблагоприятный. Действие в точности то

* Карл Юхан (Karl Johan) – центральная улица Осло. – *Прим. перев.*

же самое, но обстоятельства разные. На футбольном поле другие игроки представляют угрозу моей команде, и я должен сделать все, что в моих силах, чтобы устранить эту угрозу. Когда игра закончена, игрок становится таким же обычным прохожим с улицы Карл Юхан, т.е. человеком, которого я *не имею права* толкать.

Моральная проблема статуса солдата этим не устраняется. Нам по-прежнему трудно смириться с необходимостью убивать своих ровесников, чьей единственной ошибкой является то, что они родились по другую сторону границы. Футболист все-таки добровольно участвует в игре, в то время как солдат редко оказывается на линии фронта по своей свободной воле. С моей точки зрения, это обстоятельство обращает наше внимание на другую возможную моральную обязанность, редко упоминаемую в военных анналах, а именно на обязанность ограничивать *боевые потери и среди вражеских войск* настолько, насколько это согласуется с характером операции и необходимостью защиты мирного населения и собственных военных. Обычно военные доктрины подчеркивают как раз обратную сторону этой обязанности: нужно нанести противнику такой ущерб, чтобы максимально снизить его способность к боевым действиям, поэтому нужно вывести из строя как можно больше солдат противника, либо посредством нанесения физического ущерба (при необходимости убить), либо взять их в плен.

То, что боеспособность противника необходимо снизить, с точки зрения военной логики вполне естественно. Но что нужно *убить* как можно больше солдат – вовсе не так очевидно. Здесь мы сталкиваемся с проблемой баланса между боевой необходимостью и этическим долгом избежать ненужных жертв. Достичь этого баланса нелегко. В тех видах войны, в которые Норвегия может быть вовлечена как союзник США, а именно в боевых действиях в странах, подозреваемых в наличии оружия массового поражения или в поддержке террористов, этический аспект этой проблемы становится особенно очевидным. Речь идет о боевых действиях, в которых противник находится на гораздо более низком уровне технологии и военной подготовки, но его политическое и военное руководство при этом с легкостью готово жертвовать огромным количеством собственных солдат. У них много *людей*, а не оружия высокой точности. В такой ситуации, когда потери одной стороны могут составить, скажем, 100 человек, а другой – многие тысячи

(как это показывают предварительные данные по войне в Ираке в марте–апреле 2003 г.), нужно ли что-то делать для того, чтобы ограничить потери со стороны врага? Нужно ли принять как должное любые масштабы последствий ведения «трусливой» войны, в которой собственным силам фактически серьезная опасность не угрожает, в то время как постоянному боевому воздействию подвергаются и военные, и гражданские представители противника?

Косово дает более наглядный пример. Там не было ни одной (!) обычной боевой потери среди солдат НАТО (хотя многие погибли в результате несчастных случаев или в результате ошибки – так называемой «стрельбы по своим».) Итак, должен ли кто-то отвечать за то, каким образом ведутся боевые действия? Должно ли командование боевых подразделений само быть готовым к большому риску? Я не могу дать какого-либо общего ответа на этот вопрос, но хочу подчеркнуть, что считаю его очень важным. Думаю также, что доверие к Западу как к силе, действующей в «гуманитарных» целях, во многом зависит от соответствия декларируемых намерений по освобождению той или иной страны от дискриминации, террора и диктатуры впечатлению от практических действий Запада.

Нельзя забывать, что некоторые объекты находятся на грани между гражданскими и военными. Это касается, среди прочего, военных заводов и других (в той или иной степени) военных объектов, где работают гражданские лица. В общем и целом этические нормы требуют быть осторожными при включении таких объектов в число непосредственных боевых целей; тем не менее их вполне правомерно подвергать бомбардировке, если на объекте нет гражданских лиц или когда они предварительно извещены об опасности и получили возможность укрыться. Международное право не дает однозначного ответа по этому вопросу – различные конвенции отражают различную практику, хотя в основном в современных конвенциях говорится о том, что законные цели должны иметь *явное* отношение к войне и, конечно, жизнь гражданских лиц следует сохранять, насколько это вообще возможно¹¹.

Мы подступаем тем самым к трудному аспекту как с этической, так и с правовой точки зрения: *а существуют ли вообще гражданские лица, которых можно считать правомерной боевой целью?* Покушения на политических лидеров, например, часто являются эффективным средством в войне. Трудно назвать эти действия не-

этичными, если политические лидеры, за которыми таким образом ведется охота, подобны Адольфу Гитлеру или Саддаму Хусейну. Таковые на практике являются законными боевыми целями. Но тем не менее в обычной ситуации мы не будем относить покушения к обычным военным средствам, оправданным с этической точки зрения. Политики – это гражданские лица, с которыми следует вести борьбу на дипломатической и правовой, а не на военной арене. Однако, рассматривая этот вопрос, мы вступаем в своего рода «серую зону», где нет полной ясности, что на практике хорошо, а что плохо.

Другая «серая зона» – это право гражданских лиц на участие в боевых действиях. Став солдатом, гражданин получает юридическое и моральное право использовать оружие против других. Но как быть с партизанским движением во время оккупации? Партизаны не солдаты, а партизанские группы и отряды не регулярные войска, но подразумевается, что они имеют моральное право на борьбу. Это признает и военное международное право. В оккупированной стране, когда невозможно осуществлять сопротивление только с помощью регулярных войск, гражданские группы сопротивления также могут принимать участие в вооруженной борьбе. На них распространяются те же правила, что и на все другие вооруженные подразделения, даже тогда, когда они проводят акции саботажа. Во внутренних вооруженных конфликтах разобраться с этим намного труднее. Обычно вооруженное сопротивление «незаконно», но в некоторых случаях иностранное государство (в редких случаях правительство, против которого ведется борьба, как это сделало американское правительство по отношению к южным штатам в последней фазе гражданской войны) может признать повстанческое движение и соответственно, его членов законной воюющей стороной¹².

Как уже указывалось, для большинства современных войн характерно пугающее отсутствие уважения к неприкосновенности мирных граждан. На Ближнем Востоке, в Конго, в Чечне, как, впрочем, и в других местах, воюющие стороны, естественно, обязаны различать гражданские и боевые цели. Однако такое различие иногда демонстративно не проводится, а иногда его невозможно провести. Для тех, кто находится в огне боевых действий, данное различие постепенно становится бессмысленным. Безоружный мальчик, швыряющийся камнями, пассажир автобуса, возможно,

со взрывным устройством на поясе, семья, укрывающая взрывников-самоубийц – они кто, гражданские лица или военные?

Тот, кто должен открыть огонь, вроде бы обязан быть уверенным на 100%, что он прав, но в реальности такой «стопроцентной уверенности» почти никогда не бывает, и в результате обе стороны постепенно отходят от основополагающих правил морали, отличающих войну от геноцида. Ответные действия противоположной стороны на сомнительные с моральной точки зрения акции будут становиться все сильнее, каждый случай нарушений спровоцирует еще большее насилие, и в результате именно взаимный страх, а не холодный рассудок и политическая мудрость будет определять действия сторон. Одновременно воюющие стороны превращают собственных солдат в убийц, позволяя им нападать на тех, кто не может себя по-настоящему защитить, или на тех, чье участие в боевых действиях сомнительно.

Мой вывод, принимая во внимание огромные тяготы, выпадающие сегодня на долю гражданского населения во время войны, заключается в том, что международное внимание к защите мирных граждан должно быть гораздо более пристальным, чем сейчас, а военному командованию следует быть более изобретательным, чтобы избежать потерь среди мирного населения. Осознание необходимости защиты гражданских лиц должно возрастать среди всех, кто принимает участие в обучении и подготовке военных кадров. Военная этика и международное право, которые не в состоянии заставить воюющие стороны не превращать мирных граждан в непосредственные боевые цели и тем более неспособны наглядно продемонстрировать основополагающие различия между гражданскими и военными, бесполезны. И никакие ссылки на «серые зоны» тут не помогут.

Пропорциональность

В контексте *in bello* пропорциональность имеет несколько иное значение, чем в связи с *ad bellum*. Мы постоянно говорим об адекватном соотношении между добром и злом. Теперь в центре нашего внимания находятся собственно средства войны.

Дискуссия по поводу принципа пропорциональности отразилась в ограничениях на использование отдельных видов вооруже-

ния. Уже в IX в. церковные круги стремились ограничить разрушения, наносимые войной. Одним из способов было запрещение ведения войны в определенные дни и периоды, другим – запрещение определенных видов оружия. Идея запрета на определенные виды вооружений, однако, не получила такого же распространения, как идея иммунитета мирных граждан. Впрочем, запреты на оружие не были особенно последовательны – некоторые виды оружия запрещались, но другие, в такой же степени разрушительные, по-прежнему использовались. Сама мысль, впрочем, была очень важной: *некоторые виды оружия являются оружием такого типа, от которого обеим сторонам желательно по взаимному согласию отказаться*¹³. Это означало признание одного из важных аспектов военной этики – адекватности целей войны и приносимых ею разрушений. Страдания и смерть можно принять лишь до определенного предела, какими бы добрыми намерениями и целями это ни оправдывалось.

В наше время к этому вопросу вновь вернулись в дискуссиях по поводу ядерного, химического и биологического оружия, инженерных мин и кассетных бомб. Обсуждается как их разрушительная сила, так и отсутствие способности у этих видов вооружения различать законные (военные) и незаконные (гражданские) цели. Очень важно, что процесс по запрещению различных форм кассетных бомб уже начался, учитывая способность этого оружия поражать мирных граждан и особенно детей в силу большого радиуса разброса взрывных устройств, способных находиться в боевой готовности в течение долгого времени. Похожий процесс в 1997 г. привел к заключению соглашения о запрете на применение противопехотных мин. В пользу таких видов вооружения приводят чисто военные аргументы, а также доказательства (особенно преуспели в этом США) *возможности* их избирательного пропорционального использования. И все-таки в интересах будущего в отношении и противопехотных мин, и кассетных бомб следует ввести международный режим, полностью запрещающий использование этих видов вооружения. Так будет и эффективнее, и надежнее. Немногочисленные исключения, созданные для того, чтобы «добрая» сторона могла использовать эти виды оружия «правильным» образом, послужат лишь продолжению необоснованных страданий мирного населения, к которым это оружие неизбежно приводит. Было бы в высшей степени желательно, чтобы США, обладающие

решительным военным превосходством, считали своим долгом добиваться максимального числа подобных ограничений. Это укрепляло бы доверие к США как к активному участнику работы по ограничению гражданских потерь во время войны.

Мы еще вернемся к более подробному разговору о защите гражданских лиц. Но вернемся к пропорциональности. Каково же адекватное соотношение между добром и злом в войне? Насколько серьезный ущерб можно нанести, чтобы продвинуть линию фронта еще на 100 метров вперед, чтобы вновь получить контроль за стратегически важной высотой, чтобы отвоевать город или нанести решающий удар по целой стране? Снова у нас нет однозначных ответов – и снова многое находится в руках военного и политического руководства. Как и в пропорциональности *ad bellum*, мы достаточно легко можем определить военную акцию, которая *не является* пропорциональной. Особенно это связано с некоторыми видами оружия. Ядерное оружие с его огромной разрушительной силой и долгосрочным поражающим действием вряд ли может использоваться пропорционально, особенно потому, что его использование спровоцирует ответное применение соответствующего вида оружия со стороны противника. Менее драматичен, но не менее важен экологический ущерб, причиняемый во время войны. Если война разворачивается на огромных территориях, используемых для производства продуктов питания (или других жизненно важных целей, например, для лесоводства), а после завершения военных действий их еще долго нельзя использовать, то возникает вопрос, а насколько адекватны произведенные разрушения тем целям, которых пытались достичь, начиная войну?¹⁴

Возникает вопрос и о культурных ценностях – они имеют большую ценность и часто невосполнимы, поэтому их следует активно защищать столь долго, сколько возможно¹⁵.

Несмотря на то, что воздействие некоторых видов оружия является по определению непропорциональным – прежде всего это касается ядерного оружия, – большинство стран, оказавшихся в состоянии войны, предпочитают иметь такое оружие либо потому, что оно очень эффективно, либо потому, что оно имеется у противника. Другая возможная аргументация заключается в том, что у подобного оружия *необязательно* отсутствует пропорциональность воздействия. И в зависимости от способов применения можно допустить и инженерные мины, и тактическое (маломощ-

ное) ядерное оружие. Наконец есть немало сторонников той точки зрения, что *применять* такое оружие нехорошо, но угрожать его применением вполне можно. (В этом последнем случае правомерен вопрос: а будет ли действенной угроза без готовности ее выполнить?)

Если рассматривать проблемы того вида вооружений, о котором мы ведем речь (в том числе и оружие массового поражения), в комплексе, то лучшим очевидным решением будет *полное запрещение применения этих видов вооружений в сочетании с полным взаимным контролем*. Проблема, однако, заключается в том, что, когда оружие уже изобретено, его невозможно «вернуть обратно». Если мотивы и действия противника кажутся подозрительными, то разумно будет и самому обзавестись таким оружием (например, ядерным), сколь бы проблематичным ни выглядело обладание им с этической и с юридической точки зрения.

Я буду настаивать на том, что западный альянс ни при каких обстоятельствах не только не должен наращивать свою уже имеющуюся зависимость от ядерного оружия, но что даже исследования по тактическому ядерному оружию с меньшей мощностью следует запретить. Такого рода небольшие устройства предполагается использовать против недоступных бункеров, где хранится оружие массового поражения. Их очень хотят совершенствовать некоторые круги в США. У производителей оружия, разумеется, нет никаких против этого возражений; к тому же всегда можно обосновать разрешение на проведение хотя бы *исследований*. Опасность остановки процесса значительного сокращения ядерных арсеналов России и США в сочетании с серьезной угрозой для окружающей среды и людей, неизбежно возникающей в случае применения этого оружия, намного превосходит вероятную пользу от возможности ими обладать.

Обычно, когда обсуждается вопрос пропорциональности, речь идет о критике злоупотребления силой. Это особенно касается дебатов о ядерном, биологическом и химическом оружии. Можно представить себе противоположное: что усилия слишком *малы* для достижения желаемого результата. В Косово от направления наземных войск отказались в первую очередь потому, что американской администрации показалось это невыгодным с внутриполитической точки зрения. Вместо этого сделали ставку на чисто воздушную войну, предполагая, что вести ее будет легче, а

разрушительные последствия при этом будут менее значительными, чем при применении наземных войск. Многие указывают как раз на то, что при наземных боевых действиях гражданское население пострадало бы меньше, а ужасное насилие в Косово (многие говорят о настоящем геноциде) было бы остановлено намного эффективнее, если бы было желание пожертвовать большим. Здесь можно говорить о недостатке «обратной пропорциональности»: НАТО не использовала боевую силу, необходимую для решения имевшейся проблемы. То, что дипломатический выход из ситуации в начале июня 1999 г. спас НАТО от неудачи с серьезными последствиями и от раскола альянса, уже другое дело, за которое российские и финские руководители переговоров вполне заслуживают большей похвалы, чем натовские стратеги¹⁵.

Дифференцирование

Другой критерий *in bello* часто упоминается под названием «дискриминация» — слово, имеющее настолько негативный оттенок, что многие предпочитают термин «дифференцирование»¹⁶. Речь идет о дифференциации — о различении законных и незаконных боевых целей. Дифференциация гражданских и военных целей является ядром этого вопроса.

Тот, кто лишает жизни мирных жителей сознательно и охотно, совершает умышленное или преднамеренное убийство. Лишение жизни в ходе войны обычно *не считается*, с точки зрения юриспруденции, убийством. Однако тот, кто лишает жизни мирных жителей (или военнопленных, говоря иначе — тех, кто не участвует в боевых действиях) с полным осознанием того, что происходит, фактически совершает убийство, независимо от умысла и преднамеренности.

Это основополагающее правило твердо устанавливает: *во время войны нельзя убивать мирных жителей*. Хотя это правило ежедневно нарушается в вооруженных конфликтах, оно от этого не становится менее важным. Оно, как я уже говорил, собственно и определяет границу, отделяющую войну от геноцида¹⁷. Как только мирные жители становятся законной боевой целью, война перестает быть ограниченной и становится тотальной. Даже союзные силы во время Второй мировой войны — возможно, это были наиболее

справедливые военные силы XX в. – переходили эту границу и стали причиной смерти сотен тысяч людей в немецких городах, подвергшихся устрашительным бомбардировкам, а также в Хиросиме и Нагасаки. Была ли на это чрезвычайная необходимость – «крайняя необходимость», как назвал ее Уинстон Черчилль, которая могла бы это оправдать, окончательно мы здесь не установим. Возможно, как делает Майкл Уолтцер, бомбардировки с целью устрашения в первой фазе войны можно оправдать, исходя из такой концепции чрезвычайной необходимости. Великобритания осталась одна, и другой реальной альтернативы бомбардировке немецких городов, по мнению англичан, не было. Альтернативой могла бы быть пассивность и последующая капитуляция¹⁸. (Уолтцер подчеркивает, что эти аргументы не применимы к устрашающим бомбардировкам в заключительной фазе войны.) Некоторые подчеркнут, что атомную бомбардировку Хиросимы, а может быть, и Нагасаки также можно оправдать с точки зрения чрезвычайной необходимости, в сочетании с последующими этическими рассуждениями по поводу того, что многие сохранили жизнь, так как войне был положен конец. Я, как и Уолтцер, очень сомневаюсь в этом – сомневаюсь в том, что такие действия могут *при некоторых обстоятельствах* быть оправданы, и сомневаюсь в тезисе о том, что не нашлось другого пути к миру с Японией и нужно было требовать безоговорочной капитуляции¹⁸. В то же время мы сталкиваемся с жестокой логикой Второй мировой войны: выбор, перед которым стоял Президент Трумэн, состоял в том, стоит ли прекращать эту страшную жесткую войну или нет. У него было оружие, с помощью которого он мог этого достичь. Потери среди мирного населения уже были достаточно велики, а японцы продемонстрировали в этой войне весьма устрашающую хладнокровную жестокость, в том числе по отношению к гражданским лицам и военнопленным. Возможно, Президенту следовало действовать иначе. Но в тот момент, в августе 1945 г., с этической и политической точки зрения совершить такое действие представлялось, как бы это ни было невероятно, моральным долгом.

Давайте все-таки отложим этот экстренный случай в сторону на некоторое время и обратим наше внимание на самую суть вопроса. Убийство есть убийство, даже на войне. Поэтому гражданские лица не должны становиться целью в боевых действиях, и, насколько возможно, их следует ограждать от вреда.

Здесь возникает самая существенная проблема критерия дифференцирования, о которой мы уже говорили выше. Нужно ли подвергать собственные подразделения большему риску, чтобы лучше защитить мирное население противника? Разногласия по этому поводу значительны как среди политиков, так и среди военных. Серьезность проблемы особенно проявилась во время войны в Косово, когда просили о разрешении вести бомбардировки с высоты более 15 тысяч метров, чтобы избежать ответного удара со стороны сербской противовоздушной обороны. Во многих случаях тогда было труднее точно идентифицировать наземные цели, что, среди прочего, послужило причиной трагической бомбардировки автомобильной колонны с беженцами. Там, где, кроме того, использовались кассетные бомбы, похожие на баночки с колой, снаряды рассеялись гораздо шире, чем было необходимо. В результате маленькие, привлекательные вещички с действием, подобным противопехотной мине, оставались разбросанными на большой территории к кратковременной радости и гораздо более долговременным страданиям невинных играющих детей. *Нужно ли было летать ниже? Нужно ли было в большей степени подвергать риску собственные войска?*

На этот вопрос нелегко ответить, так как любой военачальник, конечно, обязан защищать собственные войска от вражеских атак. С другой стороны, каждый солдат или офицер некоторым образом рискует, выполняя свое задание, — это входит в сущность военной службы. Приказать солдатам и офицерам подвергнуть себя большему риску, чтобы защитить людей, необходимость защищать которых составляет ядро как военной этики, так и международного права, — не бессмысленно. Когда осуществляется акция с участием вооруженных сил, пусть это будет «гуманитарная акция» с целью (хотя бы и частичной) помочь мирным гражданам и преодолеть нужду и дискриминацию, мирные жители все равно окажутся в опасности. В этом свете война в Косово, несмотря на благоприятную мотивацию и относительно малые потери с обеих сторон, выглядит весьма проблематично, потому что мирные жители подверглись опасности от бомбардировщиков, летевших высоко, и потому, что в действие не были введены наземные войска, которые могли бы остановить массовые убийства и настоящий этнический геноцид.

Косово, а также последующие операции — в Афганистане и Ираке, однако, далеки от того, что мы называем «тотальной

войной», — когда каждый человек с противоположной стороны является потенциальным врагом. Война во Вьетнаме представила нам современный, наиболее яркий пример войны, ведомой демократической страной, руководствующейся, как казалось, высокими моральными идеалами, где моральный порог причинения вреда мирным жителям оказался пугающе низок. Из-за страха, ненависти и неясных приказов имело место множество случаев убийства и нанесения увечий мирным гражданам. Резня в деревне Май Лай (Сонгми) в марте 1968 г. — самый страшный пример, однако таких много. Я вернусь к ним в главе 6.

Доктрина двойного эффекта

Все знают, что гражданские лица в войнах так или иначе гибнут в больших или меньших масштабах. Не являются ли мои аргументы о том, что мирное население никогда не должно становиться боевой целью, лишь пустыми словами, не имеющими ни веса, ни смысла?

Идея справедливой войны ответила на этот вопрос, ссылаясь на средневековое схоластическо-философское учение, известное как «доктрина двойного эффекта»¹⁹.

Смысл этой доктрины — назовите его или «принципом», или «учением» — следующий: последствия (или «эффекты») наших действий можно разделить на две главные категории — те, которых мы намереемся добиться, и те, которых мы *не намеревались* добиваться. Мы можем назвать их, соответственно, преднамеренными и непреднамеренными эффектами. («Побочное действие» — другое название последней категории.) Непреднамеренные эффекты можно, в свою очередь, разделить еще на две категории — те, которые мы с долей вероятности можем предвидеть, и те, которые мы предвидеть *не можем*. С последними мы вряд ли что-то можем сделать. За непреднамеренные последствия наших действий, которые мы никоим образом не можем предвидеть, мы все-таки не несем никакой моральной ответственности, хотя мы в дальнейшем и должны ответить за то, чтобы исправить тот вред, который мы (опосредованно) причинили.

На простом примере мы сможем нагляднее показать смысл этой доктрины. Когда я пользуюсь автомобилем, чтобы доехать

утром на работу, мое намерение заключается в том, чтобы приехать на работу вовремя. Это «преднамеренный эффект» (или результат) действия. У этого действия, кроме того, имеется множество непреднамеренных последствий, например то, что я загрязняю воздух, представляю определенную опасность для пешеходов и других людей, как и любой движущийся автомобиль. Если моя машина вырабатывает слишком много выхлопных газов, а я еду по району, где живет много астматиков, мне нелегко будет оправдаться тем, что я не хотел причинять им вред. Конечно, загрязнение всего лишь «побочное действие», но я хорошо знаю, что я являюсь его причиной, и поэтому отвечаю за то, что должен принять по этому поводу все зависящие от меня меры.

Но давайте посмотрим на еще более непосредственную опасность, которую может повлечь за собой моя поездка на автомобиле. Если я не превышаю скорость, соблюдаю все правила дорожного движения и внимателен, но все-таки сбиваю человека, выскочившего на дорогу прямо перед моей машиной, меня трудно в чем-то реально обвинить. Я никоим образом не мог предусмотреть, что это могло случиться, и я сделал все, чтобы избежать причинения вреда. С другой стороны, если я еду со скоростью 60 км/ч в зоне, где скорость не должна превышать 30 км/ч, и случается то же самое или я еду в состоянии опьянения и становлюсь причиной аварии, то меня трудно оправдать. Ведь это уже не «непредсказуемый, непреднамеренный эффект» моей езды, а напротив, нечто, *что я должен был предусмотреть*. То, что я не собирался никого сбивать, не снимает с меня вины.

Это возвращает нас снова к мирному населению и к войне. Если планируется удар по боевым целям без умысла убивать мирных жителей, однако *мирное население находится в непосредственной близости и с большой долей вероятности пострадает*, что тогда я должен делать?

Согласно доктрине двойного эффекта непреднамеренный, но предсказуемый эффект действия – гибель мирных жителей – может быть приемлем, если выполнены следующие строгие условия.

- Действие и его преднамеренный результат(ы) сами по себе легитимны.
- Существует *военная необходимость* в достижении преднамеренного результата; другими словами, речь не идет о

результате (о последствиях), без которого вполне можно обойтись.

- Не существует другого адекватного способа достижения желаемого эффекта с меньшими негативными последствиями или вовсе без них.
- Негативные последствия пропорциональны по отношению к пользе, получаемой в результате этого действия.
- Делается все возможное для ограничения негативных последствий.

Последнее условие опосредованно выражено и в классической версии доктрины, но в качестве отдельного пункта прямо обозначено Майклом Уолтцером. Он называет его «двойным намерением», а именно тот, кто совершает действие, должен не только намереваться достичь желаемого (легитимного) результата, но также открыто стремиться ограничить разрушительные и другие негативные последствия²⁰.

Вместе с двумя критериями *ius in bello* доктрина двойного эффекта значительно приближает нас к пригодной и в то же время реальной моральной основе для защиты мирного населения в ходе войны. Доктрина предписывает, что гражданские лица как таковые не должны становиться боевой целью, и требует вести активный поиск способов ограничения потерь среди мирного населения. На практике, конечно, важную роль играют рассуждение и субъективная оценка. Доктрина оперирует такими понятиями, как «пропорциональность», «необходимость», «делать все возможное»: ими можно злоупотреблять, их можно толковать в пользу только одной стороны. Тем не менее нет ни одной «извиняющей» доктрины, которая бы позволяла воюющей стороне избежать ответственности за потери среди мирного населения. Отметим, что тут не говорится об отсутствии ответственности за негативные последствия. Наоборот, одновременно можно быть и виноватым, и нести ответственность за непреднамеренные жертвы среди мирного населения, если не доказать, что они были необходимы, пропорциональны и сокращены настолько, насколько это было возможно. В дополнение к этому возникает и чистая ответственность. В повседневной жизни мы часто сталкиваемся с тем, что на нас возлагается моральная ответственность за устранение негативного побочного эффекта наших действий, даже в тех случаях, когда мы не могли его предви-

деть. (Например, я помогаю мыть пол на празднике, где я случайно уронил еду на ковер, возможно, предлагаю оплатить услуги химчистки, *хотя я не собирался что-либо пачкать и не мог с большой долей вероятности предусмотреть, что мое поведение повлечет за собой такую неприятность*). Также и воюющая сторона должна взять на себя ответственность за то, чтобы внести свой вклад в послевоенное восстановление, и за компенсации, в том числе в связи с событиями, когда ущерб был нанесен непреднамеренно и даже был непредсказуем. Ведение войны *само по себе* предполагает наличие ответственности, даже когда выполняются все правила военной этики и нормы международного права.

Смысл доктрины двойного эффекта, короче говоря, совсем не заключается в позволении воюющим сторонам с чистой совестью причинять вред мирному населению. Наоборот, она должна способствовать ужесточению требований, предъявляемых к тому, как воюющие стороны относятся к мирным гражданам, одновременно признавая тот прискорбный факт, что война вряд ли может вестись без жертв со стороны мирного населения.

Наиболее известный практический пример «двойного эффекта» — акции в Рjukanе во время Второй мировой войны. По заданию союзного руководства норвежские партизаны, частично сотрудничая с британскими ВВС, провели несколько операций по прекращению производства немцами «тяжелой воды» в Веморке. «Преднамеренный эффект» операций заключался в том, чтобы остановить работу завода в Веморке по причине опасений, что его продукция будет использована для разработки немецкой атомной бомбы.

Последние из этих драматичных операций наглядно демонстрируют действие доктрины двойного эффекта. В феврале 1944 г. производство тяжелой воды должно было переводиться в Германию²¹. По пути железнодорожный паром «Гидро» должен был везти тяжелую воду по озеру Тиншё. Именно этот пункт маршрута выбрали для уничтожения важного немецкого груза, поскольку охрана на пароме была не такой надежной, а глубина озера не позволила бы поднять груз на поверхность. Проблема заключалась в том, что на пароме присутствовали гражданские лица. Тем не менее его решили взорвать. В общей сложности при взрыве погибли 18 человек, большинство из них — норвежские граждане, не имевшие ничего общего с транспортировкой груза. Но участни-

ки операции никого не предупредили, боясь утечки информации. Они даже оправдывали себя, утверждая, что это были беженцы в Германию, спрятавшиеся под палубой парома.

Непреднамеренный эффект здесь был очевиден. Участники операции хорошо знали, что они приговорили невинных людей к верной смерти. Тем не менее они считали, что осуществление операции имело чрезвычайное значение и другого способа ее проведения, кроме как с определенным количеством жертв, не было. Операция, конечно же, не была направлена против гражданских лиц.

Из норвежских фильмов об этой драматичной операции мы помним кадры, когда участники операции видят, что на борт поднимаются мирные граждане, и им приходится утверждать, что они ничего не могут с этим поделать. Один только намек на то, что «не следует подниматься на паром», мог навредить всей операции.

Было ли все это легитимно? И тогда, и по прошествии времени эта операция выглядит правомерной, хотя мы теперь знаем, что немцев в 1944 г. в разработке атомного оружия опередили американцы. Из того, что нам известно, никаких сомнений в военной необходимости и легитимности цели этой операции не возникает. Успех немцев в создании немецкого оружия массового поражения мог бы привести к катастрофе.

Если этот пример весьма нагляден, то множество других случаев гораздо более сомнительны, особенно когда крупные населенные центры становятся мишенью для бомбардировок (как, например, кварталы Багдада во время «охоты» на Саддама Хусейна и его ближайших соратников весной 2003 г.). Какое количество мирных жертв будет «пропорциональным», определить практически невозможно. Но, как сказал Самуэль Джонсон, тот факт, что есть сумерки, не означает невозможность отделения дня от ночи²². Наличие сомнительных случаев не означает невозможности разделения явно легитимных и хотя бы некоторых абсолютно нелегитимных примеров военных операций, повлекших жертвы среди мирного населения.

***Ius post bellum* – как правильно завершить войну?**

Вполне вероятно, что война, начатая по моральным соображениям и вводимая справедливым образом, может иметь такие последс-

твия или такое завершение, которое поставит ее этическую легитимность под сомнение. Поэтому вместе с философами Томасом Погге и Брайаном Орендом вполне можно утверждать, что *ius post bellum* – справедливость после войны – самостоятельная полноценная категория военной этики²³.

Истоком размышлений о послевоенной этике в некоторой степени является критерий о «справедливых намерениях». Целью любой справедливой войны будет достижение мира, условия которого кажутся приемлемыми для обеих (или всех) сторон и который создает основу для будущего мирного сосуществования. Можно сказать, что большинство наиболее катастрофических войн в истории случилось по причине отсутствия *ius post bellum*. Результаты Первой мировой войны породили глубокую неудовлетворенность и недоверие, которыми смогли воспользоваться национал-социалисты. Тогда кропотливой работой по созданию гармонии и взаимного доверия после окончания боевых действий частично пожертвовали ради желания обвинять и держать проигравшую сторону под контролем. В Боснии тоже не хватало послевоенной справедливости. Там, где в соответствии с *ius post bellum* требовалась честная и целенаправленная работа по излечению всех открытых ран войны, поступили иначе и отложили проблемы Косово и ряд основополагающих вопросов, требующих справедливого разрешения, на более позднее время. Положили под сукно. История жестоко отомстила.

Итак, существует *неуверенность* в принципах поведения на завершающей стадии войны. Международное право достаточно четко трактует *ius ad bellum* и *ius in bello*, но как только дело касается регулирования заключительной фазы военных конфликтов, то четкость исчезает. В конце любой войны стороны обычно борются за свое положение и власть, а совершенные военные преступления стараются скрыть всеми возможными и невозможными способами. Тот, кто считается победителем, часто пользуется образовавшимся юридическим и политическим вакуумом, допускает мародерство по отношению к мирным гражданам и берет под стражу политических противников.

Можем представить себе следующую картину. Когда человек болен, бывает, что после фактического излечения болезни требуется реабилитационная терапия. Иногда осложнения после болезни представляют такую же угрозу для организма, как и сама

болезнь. Точно так же угроза миру может сохраняться довольно долго после формального завершения военных действий.

Какие критерии *ius post bellum* можем мы придумать, чтобы попытаться решить эту проблему? Трудность заключается в том, что ситуации в каждом случае абсолютно разные. Будет мало пользы в том, если мы скажем, что хотим вернуть ситуацию в то состояние, в котором она была до войны, поскольку часто именно это состояние и служит причиной войны. Нельзя также устанавливать порядки победителя, поскольку нашей целью является справедливый и стабильный мир для обеих сторон. Часто необходимы переговоры с настоящим и представительным участием обеих (или всех) сторон конфликта. Кроме того, требуется явное присутствие служб охраны порядка, которые могут оградить население от хаоса и беззаконности, часто сопровождающих окончание войны.

На этой основе можно выделить шесть критериев *ius post bellum*:

Справедливая причина. Следует уяснить, что мирный договор, завершающий войну, должен фактически (сразу или в перспективе) содержать меры, устраняющие несправедливость, которая имела место до войны или возникла в ее результате. Иначе говоря, должна быть разумная и удовлетворяющая обе стороны причина для заключения договора, прекращающего войну.

Законные полномочия. Все стороны, которые примут участие в процессе восстановления, обеспечения порядка, справедливости и примирения, должны быть признаны законными как внутри страны, так и за рубежом.

Ясные договоренности. Все вовлеченные в конфликт стороны должны постараться заключить четкие и взаимно связующие договоренности, обеспечивающие невозможность повторного начала боевых действий, в том числе договоренности о состоянии вооружений и разоружении.

Силы обеспечения порядка. В сотрудничестве с воюющими сторонами и международными организациями (чаще всего ООН) следует обеспечить явное присутствие сил обеспечения порядка с целью защиты мирного населения от преступности и насилия, а также охраны собственности и природных ресурсов и обеспечения соблюдения основных прав человека.

Взаимная справедливость. Должны быть начаты процессы по привлечению к суду военных преступников с обеих (или всех)

сторон конфликта. В то же время передел собственности следует производить так, чтобы это устраивало обе (или все) стороны конфликта.

Примирение. Люди, пользующиеся доверием обеих/всех сторон конфликта, должны способствовать процессу примирения и взаимному пониманию.

Все эти пункты – и особенно первый – тесно связаны с критерием «справедливой причины» *ius ad bellum*. Если мы предположим, что одна из сторон вооруженного конфликта имела справедливые основания для ведения войны, мы должны предположить, что достижение цели этого государства или стороны представляет собой нечто, с чем и воюющие стороны, и мировое сообщество смогли бы жить после окончания войны. Все должны прилагать усилия для достижения четких договоренностей, создания сил обеспечения порядка и начала процессов по достижению справедливости и примирения для обеспечения справедливого завершения войны, где агрессия, военные преступления и неправомерные желания (как, например, материальная выгода) не должны поощряться.

Что проигравшая сторона конфликта также нуждается в справедливости – один из главных принципов *ius post bellum*. В отношении Второй мировой войны было бы нецелесообразно ожидать, что немецкий или японский народ предпочел бы принять упразднение права национального самоуправления взамен на постоянную оккупацию, несмотря на многочисленные преступления (*ad bellum* и *in bello*), в которых были виновны политические и военные руководители обеих стран. Требование ликвидации режимов, которые вели войну, и обеспечения создания новой государственной системы с наименьшей степенью вероятности развязывания новой войны – вполне адекватные требования, которые удовлетворили бы население обеих стран в сочетании с материальной помощью, направленной на реальное создание новых государственных систем.

Если США после Второй мировой войны, в немалой степени из-за плана Маршалла, предстают в выгодном свете, то та же самая сверхдержава, по мнению многих, коренным образом отступила от принципов *ius post bellum* во многих латиноамериканских странах во время «холодной войны». Там американцы нередко усатанавливали или поддерживали режимы, пришедшие к власти в

результате государственного переворота или гражданской войны, не пользовавшиеся доверием народа, и где не было никаких признаков реального примирения между ранее конфликтовавшими сторонами.

Одна из наиболее серьезных проблем *ius post bellum* связана с ролью международного сообщества. С одной стороны, важно, чтобы воюющие стороны сами играли основную роль в восстановительном и миротворческом процессе. Нельсон Мандела и Десмонд Туту внесли вклад в установление мира в Южной Африке, которое не могло стать возможным по принуждению извне. С другой стороны, военные преступления могут совершаться обеими сторонами конфликта, и нужно обезопасить себя от применения права победителя. В таких случаях международные трибуналы, как и миротворческие силы с мандатом ООН, должны играть важную роль. Всегда, однако, нужно стремиться к тому, чтобы такое международное участие *было ограничено во времени*, а все бóльшая ответственность за восстановление и внутреннее управление страной и регионом постепенно передавалась бы населению этой страны или региона.

Нужно добавить еще одно: многие из наиболее жестоких последствий войны проявляются, когда война уже завершена. Природные ресурсы, как и материальная инфраструктура, оказываются в бедственном положении, что приводит к серьезным последствиям, ощущаемым месяцы и годы после окончания войны. Во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г. США и их союзники старались придерживаться принципов *ius in bello* в отношении как мирных жителей, так и военнопленных. Бомбардировки гражданской инфраструктуры в Багдаде имели серьезные последствия *после* войны. Да, многочисленных жертв во время бомбардировок, как и непосредственного голода и нужды, не было. Но отсроченным результатом бомбардировок стало ухудшение качества воды и, соответственно, распространение болезней и смерть многих мирных жителей в Ираке. Ситуацию ухудшал режим санкций, установленный после войны. Мы видим, что критерий дифференцирования права *in bello* во время войны соблюдался, однако в контексте *post bellum* им пренебрегли. К сожалению, жестокая правда войны состоит в том, что тяготы последствий войны переживаются после ее завершения, что разбомбленной стране нужны месяцы, годы и десятилетия для восстановления того, что было разрушено в тече-

ние нескольких недель. И это доказывает важность *ius post bellum*. Возможно, сами бомбардировки, имеющие негативные последствия для мирных жителей и после окончания войны, и являются частью *ius in bello*. Но вопрос о том, что нужно сделать для того, чтобы смягчить влияние послевоенных последствий и ограничить ущерб возможных послевоенных санкций, — это уже вопрос послевоенного права *ius post bellum*.

Когда шла работа над этой книгой, имелись все основания для беспокойства по поводу *ius post bellum* в конфликте между Палестиной и Израилем. Как с палестинской, так и с израильской стороны есть силы, не желающие мира — по крайней мере равноправного и справедливого мира. Совершенно очевидно, что эти силы закладывают основы для долгосрочной ненависти и слепой ярости. Если тем не менее удастся прийти к новому соглашению, которое обеспечит стабильное существование двух государств, на пути мирного претворения этого соглашения в жизнь встретится множество препятствий. Короче говоря, почва для *ius post bellum* окажется слишком зыбкой. Именно эта зыбкая почва для настоящего *ius post bellum* привела к срыву Норвежских соглашений. Справедливый мир предполагает, что обе стороны заинтересованы в его сохранении и что делается все возможное для принятия мер, способствующих развитию доверия, взаимопонимания и примирения. Экстремистские группировки с обеих сторон ближневосточного конфликта получили возможность использовать слабость всех прежних соглашений и все худшие стороны противника как предлог для *подрыва* доверия и взаимопонимания.

Чтобы найти долговременное решение, руководящие круги с обеих сторон должны стремиться к будущему миру и активно искать пути, как лучше заложить основы равноправного *ius post bellum*. США и Великобритании довелось весьма болезненным образом испытать это на себе в Ираке. Многие задаются вопросом о том, была ли вообще подготовка ситуации *post bellum* вполне адекватной.

В одном, по крайней мере, мы полностью уверены: общую справедливость военной операции нельзя оценить, не принимая во внимание последствия войны. Как показали нынешние примеры, последствия оказываются гораздо более продолжительными и сложными, чем предполагалось.

Примечания

- ¹ Dunant, 1999: 42–43 (Цит. по: Дюнан А.-Ж. Воспоминание о битве при Сольферино / Пер. с фр. С.Н. Нормана. М., 1995. С. 19–20. – *Прим. перев.*).
- ² Ignatieff, 2000: 103–104.
- ³ Ricks m.fl., 2002.
- ⁴ Это видно из многих текстов бл. Августина. Среди прочего, Августин рассматривает вопрос о том, правильно ли христианину принимать участие в военных делах.
- ⁵ Многие считали, что генералу Монтгомери вообще не следовало начинать эту операцию; к тому же не были приняты во внимание важные данные разведки. См.: Warner, 1988: 243–247.
- ⁶ Я не могу не вспомнить здесь – в связи с соотношением между гражданскими и военными – время собственной службы в армии. Я получил командное военное образование и имею сегодня офицерский чин, но никогда особенно не чувствовал себя слишком *военным*, если читатель понимает, что я здесь имею в виду. Зеленая форма, камуфляж и автомат никогда не были моими близкими друзьями, и, хотя я достаточно хорошо справлялся с тяготами службы, командование постоянно напоминало мне о том, что я – «пиджак». Одна из наиболее распространенных дразнилок в мой адрес, а также в адрес некоторых моих сослуживцев состояла в том, что у нас «домашняя каша на губах не обсохла». Будучи штатским в глубине души, я принимал эти дразнилки с некоторым удовольствием! (Хоть я и говорю об этом, но тем не менее я испытываю глубокое уважение к тем, кто служит в Норвежской армии. Без этого уважения настоящая книга вряд ли была бы написана, или это была бы совсем другая книга.)
- ⁷ Smith, 1997: 14. Очень полезный атлас Дэна Смита недавно вышел в свет в новом издании (Smith 2003).
- ⁸ Джеймс Тернер Джонсон выдвигает сильный аргумент, указывающий в том же направлении (Johnson, 2000).
- ⁹ Рассел (Russel, 1975) и Джонсон (Johnson, 1981) дают хорошие разъяснения в отношении этой средневековой тенденции, а также различных движений, боровшихся за иммунитет гражданских лиц. Они также показывают, что правила ведения войны в основном касались *христиан*. В войнах с неверующими в действие вступали другие, менее строгие правила до тех пор, пока (согласно способу рассуждений об этом) нельзя было достичь общего согласия с неверующими по поводу этих правил. Такое представление выглядит в наших глазах далеко не «христианским». Оно основано на идее, что важнейшие вещи (вечная жизнь и спасение) заслуживают большей определенности и постоянства – как

во время войны, так и во время мира, – чем переменчивые земные дела. На мой взгляд, этой тенденции – относиться без уважения и смирения к «чужим» – в христианской истории находится мало оправданий или их вовсе нет. В теории естественного права Фомы Аквинского в XIII в. и его политическом воплощении у испанских схоластов в XVI в. мы наблюдаем изменения моральной философии, приведшие к перемене взглядов на то, на кого распространяются правила военной этики. Работы Франсиско де Виттория 1520–1520-х годов уже всерьез (и богословски обоснованно) защищают права индейцев.

¹⁰ Waltzer, 1977, гл.3

¹¹ Dahl, 2003: 95–103.

¹² Там же. Р. 69–70 и 250–256. Обычные требования к участникам партизанского движения, чтобы их можно было считать законной воюющей стороной, заключаются в том, чтобы у них было ответственное руководство, постоянные отличительные признаки во внешнем виде, они должны открыто носить оружие и следовать правилам и традициям войны (Р. 69). К спонтанному вооруженному сопротивлению относятся другие, менее строгие правила, однако обязанность исполнять основополагающие законы войны и традиции остается в силе. Следует отметить, что некоторые виды акций саботажа и шпионажа делают необходимым – как для партизанских отрядов, так и для регулярных войск – отклонение от правила об открытых опознавательных знаках и открытом ношении оружия. Эти действия попадают под категорию «военного списка», т.е. действий, которые можно выполнять без обмана по отношению к противнику до тех пор, пока гражданских лиц не используют против их воли и их ставят в известность, пока обе стороны признают, что это законные средства войны, и пока эти операции не направлены против гражданских целей или иным образом не нарушают норм военной этики и международного права.

¹³ Johnson, 1981; среди прочего Р. 127–134.

¹⁴ О нормах международного права по защите окружающей среды см.: Dahl, 2003: 109–111.

¹⁵ См. там же. Р. 175–183, о международно-правовой защите памятников архитектуры и предметов, представляющих культурную ценность.

¹⁶ Я сам выступал в защиту войны в Косово во многих передовых статьях в журнале *Tidens Tegn* весной и летом 1999 г., исходя из оценки конкретной ситуации, сложившейся в марте того же года. Однако эта поддержка была против моей воли. Если бы карты были разыграны другим способом, а к решению косовской проблемы обратились бы раньше, войны, возможно, удалось бы избежать. В связи с ней постоянно возникают серьезные моральные проблемы, особенно по части законности полномочий. Однако нет смысла осуждать эту войну как агрессию НАТО,

так как война в своей основе имела оборонительный и гуманитарный характер.

- ¹⁷ Брайан Оренд (Orend, 2000b:50) указывает, что военная этика, пожалуй, составляет единственный случай, когда дискриминация означает что-то хорошее. Я благодарю коллегу Агнете Шёнсби из Института проблем исследований мира за предложение использовать вместо этого термин «дифференцирование».
- ¹⁸ Этому вопросу посвящен известный очерк Томаса Нэйджела (Thomas Nagel. War and Massacre) 1971 г., переизданный в Nagel 1979:53-74.
- ¹⁹ Waltzer, 1977: 251ff.
- ²⁰ Мое восхищение Президентом Гарри Трумэном не устраняет этого сомнения.
- ²¹ Доктрина много раз используется Фомой Аквинским в «Сумме теологий». Наиболее известная ссылка – часть II-II, кол. 64, ст.7, хотя (как указывал мой коллега Грегори Райхберг) можно задать вопрос, насколько этот пассаж имеет отношение к делу. Скорее всего, дело в большей степени касается соотношения между целью и средством, чем между преднамеренным и непреднамеренным эффектом. Хороший и критичный разбор этого критерия можно найти в очерке Г.Е.М. Анскомба «Война и убийство» 1961 г., вновь изданном в 1981 г. (G.E.M. Anscombe. War and Murder // Anscombe, 1981:51–61).
- ²² Waltzer, 1977:151–159.
- ²³ Рассказы об операциях «тяжелая вода» можно найти у Йомара Брюна, участвовавшего в них в качестве конструктора и руководителя предприятий в Веморе и одного из авторов плана саботажа против деятельности немцев. Он выражает явные сомнения по поводу операции с паромом «Гидро» (Brun, 1985:85–87). Обзор операций можно также найти на www.angelfire.com/co2/Aragon/rjukan.html.
- ²⁴ Anscombe, 1981:59.
- ²⁵ Выражение *ius post bellum* появилось с подачи Томаса Погге под влиянием работ Канта по военной этике. Оно активно используется Брайаном Орендом, особенно в Orend, 2002b:217–263, поэтому многие выводы и критерии в этой связи основаны на его осмыслении этого вопроса.

Глава 5

11 сентября и война с террором. Что мы имеем на сегодняшний день?

В этой книге мы до сих пор разбирали важнейшие элементы военной этики. Все это время нашей целью было ознакомление читателя с понятиями и идеями, которые можно использовать для оценки проблем нашего времени, связанных с войной.

Можно спросить, а *имеет* ли все это реальную ценность сейчас? Идея справедливой войны в основном сформировалась в средневековой Европе во времена, далекие от нас и в политическом, и в философском смысле. Эта идея претерпела изменения в Новое время с появлением суверенных государств, которые стали основными действующими лицами в войнах. Сегодня, однако, мы гораздо чаще имеем дело с гражданскими войнами, нежели с межгосударственными. Тип войны, в которую сегодня может быть вовлечена такая страна, как Норвегия, мало похож на традиционную защиту собственной территории.

Несмотря на все это, я не соглашусь с тем, что обозначенные мною идеи и принципы уже неактуальны. При более глубоком рассмотрении все они касаются одного и того же предмета: как люди реагируют на насилие и ужасы войны и как противодействуют им? Государственные образования, культура и технологии меняются со временем, однако основополагающее человеческое отношение к жизни, насилию и выживанию одинаково во все времена. Жизненно важные вопросы о законности войны или об ее вопиющей несправедливости снова и снова встают перед нами в разных контекстах.

Тем не менее следует признать, что сегодня мы сталкиваемся с новыми, отчасти радикально новыми проблемами. Например, так называемая война против террора предполагает отличающийся от традиционного характер военных действий, а моральные

критерии, о которых мы ведем речь в этой книге, имеют в такой войне весьма важное значение. В то же время возникают и новые аспекты этой проблематики. Эта глава задумана с целью обратить внимание на некоторые из них¹.

Падение башен-близнецов и последующая «война»

Вторник 11 сентября 2001 г. – день, когда башни Международного торгового центра в Нью-Йорке рассыпались в прах. Как долго потомки будут помнить этот день, как настоящий водораздел – предсказывать рано. (Здесь уместно вспомнить ответ китайского премьер-министра Чжао Эн Лая на вопрос о значении Французской революции: «Слишком рано говорить об этом»²).

Особый драматизм ситуации придавало то, что мы увидели в красках совершенно «асимметричную» войну между теми, у кого нет традиционных военных средств (но зато они смогли захватить самолет и пожертвовать собственной жизнью), и обладателями сильнейшей в мире военной машины (и одновременно обширной, богатой, но незащищенной гражданской сферы). В американской системе написания дат, где вначале указывается месяц, эта дата получила символическое значение: 911 – это номер телефона службы экстренного вызова, действующий на всей территории США и известный каждому ее жителю. В этот день случилась трагедия, и перед лицом которой служба 911 оказалась бессильна.

Однако страшные события того вторника вряд ли должны были кого-то удивить. Терроризм, т.е. вооруженные акции против гражданского населения, имеющие основной (или частичной) целью устрашение и дестабилизацию, давно угрожает миру. В 90-х годах XX в. Алжир пережил ряд крупных и мелких террористических акций, которые в общей сложности унесли десятки тысяч жизней, что значительно превышает число жертв 11 сентября. Война в Руанде во многом представляла собой крупномасштабную террористическую акцию, продолжавшуюся месяцы, а не часы. Количество жертв в 300 раз превышает число погибших 11 сентября в США. В российских городах были взорваны жилые дома. «Красные бригады» наводили ужас и страх в 70-е годы. Некоторые сочтут, что организованные военные операции иногда угрожающе напоминают некоторые виды терроризма, хотя они и выходят за рамки строгих определений этого явления, пока ве-

дуются вооруженными силами в пределах «регулярных» военных действий. И США за действия во Вьетнаме, и СССР за действия в Афганистане обвинялись в применении террористических методов в борьбе с боевиками и полувоенными группировками. Смысл заключается в том, что, независимо от того, как мы определяем терроризм и какие примеры для этого используем, силовые действия против гражданского населения далеко не новость.

Тем не менее опасность террористической атаки на гражданские объекты существовала уже несколько лет, задолго до 11 сентября. Недостатка в дерзких угрозах и фантастических сценариях, особенно связанных с применением биологического оружия и распространения бактерий, не было.

В трагическом происшествии утром 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне особенно впечатляющим был именно способ совершения этого действия – превосходно спланированный в своей холодной жестокости. Удары, направленные по финансовому и оборонно-политическому центрам США, имели огромное символическое значение.

В отношениях между США и остальным миром после 11 сентября произошли существенные изменения. Всеобщее сочувствие и поддержка США быстро сменились на противоположные чувства даже в Европе. Сегодня США имеют необычно сдержанные отношения с большей частью остального мира. В этой связи можно задуматься, как можно было так неудачно разыграть свою карту, как, должно быть, это сделала американская администрация, как можно было упустить такое сочувствие и такую политическую поддержку! С другой стороны, можно удивляться, как непостоянен остальной мир, как быстро проявился антиамериканизм и забыта роль заступника и щита для «свободного мира», традиционно исполняемая США. Велик соблазн развить эти мысли дальше, прежде чем мы обратимся к наиболее интересным политическим темам нашего времени, однако это слишком выходит за рамки нашей книги. Я могу только указать на других авторов, кто занимался проблемами трансатлантических отношений и их философскими аспектами – у нас в стране это среди прочих Бернт Хагвет, который, в дополнение к своему хорошему разъяснению иракского кризиса в своей недавно вышедшей книге, также указал, что мы в Норвегии очень плохо понимаем США. В этих словах большая доля истины³.

Что подходит по контексту к нашей книге, так это оценка самой идеи войны против терроризма. Является ли такая «война» этически оправданной?

Именно с этой целью я употребляю слово «война» в кавычках, поскольку это ни в коей мере не традиционная война. Против кого идет борьба? Когда, наконец, будет одержана победа? С кем воюют – с военными или с гражданскими? И существует ли вероятность успеха?

Все эти вопросы указывают на основополагающую проблему этой формы войны: терроризм – это тактика, а не группа⁴. Терроризм как тактику можно определить как насильственные действия, направленные против гражданского населения или гражданских объектов без формального объявления войны, обычно осуществляемые негосударственными группировками. (Как уже отмечено выше, важной частью терроризма является желание тех, кто это делает, распространять страх, наряду с причинением ущерба.) Терроризм как таковой использует разные способы действия, начиная с самолетов, протаранивших 11 сентября 2001 г. полные людьми здания, с распространения смертельных бактерий и заканчивая взрывчаткой, закладываемой в автомобили, предприятия или жилые дома. От таких действий невозможно уберечься. Идея о том, что война с террором должна быть *выиграна*, имеет мало общего с действительностью. Войну с террором выиграть так же трудно, как и «войну» с концлагерями или с контрабандой. Пока находятся люди, желающие пойти на крайние меры ради того, во что они верят или чего хотят добиться, или по причине ненависти, терроризм будет существовать.

Тем не менее возможно прекратить деятельность конкретных очагов терроризма, нарушив их сеть, обезвредив их ключевые фигуры и ограничив пространство их действия. И такая «война» исходит из идеи справедливой причины и справедливых намерений закона, если не сказать – необходима. Несмотря на утверждения о том, что собственная политика Запада внесла свой вклад в появление терроризма, и поэтому, чтобы эффективно бороться с терроризмом, нужно решить более глубокие проблемы, необходима организованная борьба с людьми, фактически планирующими и осуществляющими террор. Их действия не укладываются в этические рамки ни при каких обстоятельствах, и они ничего не делают для того, чтобы, например, решить проблему бедности или дискри-

минации; практически ничто не указывает на то, что они вообще действуют из подобных побуждений. Если проанализировать заявления террористических группировок и способы их действия, мы увидим, что ими движет ненависть, идеи конспирации и сильное желание произвести впечатление. Это, однако, не противоречит тому, что многие из конкретных исполнителей могли быть вовлечены в террористическую деятельность по причине собственного отчаяния из-за дискриминации и несправедливости. Перед нами возникает, таким образом, смертельная комбинация безумного отчаяния, холодной ненависти и изобретательного экстремизма.

Будем в то же время помнить, что очень *немногие* на деле являются полными сторонниками такого экстремизма. Многие могут поддерживать теракты в немалой степени потому, что рады американскому поражению, но весьма немногие возьмут лично на себя ответственность за использование таких методов насилия. Совершенно неправильно считать терроризм особой принадлежностью исламского мира. Комбинация социальных, богословских и исторических отношений подготовила почву для терроризма в некоторых мусульманских группировках, а политические и религиозные лидеры мало сделали для того, чтобы это остановить. Однако все это не делает ислам религией насилия. Если взглянуть на проблему с позиции Средневековья, то ислам представляется во многих случаях *в меньшей степени* насильственной религией, чем христианство. Очень важно помнить об этом в мире, где многие боятся ислама как религии и мусульман как группы⁵.

Одной из важных проблем, бросающейся в глаза при анализе войны с террором, является то, что война в традиционном понимании — всего лишь одно из многих средств в этой борьбе. Эффективное международное полицейское сотрудничество в сочетании с долговременными и весомыми мерами безопасности, делающими нашу повседневную жизнь, возможно, труднее, но в то же время сужающими те лазейки, которыми террористы пытаются воспользоваться для осуществления своих акций, как минимум, имеет такое же большое значение.

Опасность использования термина «война», как это с очевидной уверенностью делает Джордж Буш-младший — самопровозглашенный и неоспоримый руководитель борьбы с террором в период написания этой книги, — заключается в том, что мы позволим логике войны действовать неограниченно и в политической

жизни, как внешней, так и внутренней. Особенно это относится к вопросу о правах рядовых граждан и правах человека.

Когда ведется война, очевидно, что *что-то* права *должны* ограничиваться – так всегда было и так должно быть. Даже вне оккупации, живя при законной демократической конституции, в случае войны помимо чрезвычайного положения, т.е. таких мер, что вступают в силу помимо обычных правовых каналов. Запрет на въезд, маскировочные шторы, военная цензура, ограничения в передвижении – военное время оказывает свое влияние на повседневную жизнь, внося в нее множество малых и больших ограничений. Но насколько больших?

Когда мы ограничиваем свои права во время войны, совершенно уместно назвать это «жертвой». Я жертвую чем-то из того, что было моим правом в повседневной жизни, чтобы укрепить безопасность. Так я жертвую своим правом быстро сесть на самолет или иметь маникюрные ножницы в ручной клади. Жертва может выглядеть бессмысленной и вызывать неудобство, поскольку я не собираюсь взрывать какой бы то ни было самолет (или заколоть кого-либо своими маникюрными ножницами). Однако как раз для повышения общей безопасности необходимо сделать принятые меры плотными и по возможности прозрачными.

С моральной точки зрения я буду утверждать, что признаком настоящей *жертвы* является то, что жертвующий понимает, ради чего он это делает, и, желательно, чтобы он соглашался с этим. Такова первая заповедь для каждого государства, которое считает необходимым ввести ограничения в правах: надо довести причину до сведения тех, на кого это распространяется, а они, в свою очередь, должны получить возможность высказаться по поводу ограничений и согласиться с ними. В некоторых случаях ограничения будут действительно необходимы даже без согласия – у меня следует забрать ножницы, хотя я и настаиваю на том, что мне нужно подстричь ногти или я хочу вырезать бумажную скатерть в самолете. *Но это не освобождает власти от обязательства проинформировать население об ограничениях и обосновать их.*

И в США, и в Израиле, и кое-где ещё есть признаки «перманентного состояния войны» – ситуации, когда политические и военные власти все время вводят правовые ограничения со ссылкой на существующие чрезвычайные обстоятельства. В связи с этим людей могут время от времени останавливать на улицах, целые

районы — блокировать, гражданское население — превращать в пленников собственного дома. Все во имя войны и безопасности. Стремясь продемонстрировать способность к действию, можно захватить множество людей, не имеющих прямого отношения к разыскиваемым террористическим группировкам. Вероятно, будет использован шанс, чтобы обезвредить других врагов и нежелательных элементов, поскольку предоставляется такая возможность и полномочия. Многие именно так и восприняли политику Израиля по отношению к Палестине и нападение США на Ирак. Мы вновь вернулись к разговору о скрытых мотивах и несправедливых намерениях, о которых вели речь в главе 3. Если считать, что использование средств войны надо оставлять на крайний случай и делать это только тогда, когда для этого возникнут справедливые причины и намерения, и когда других адекватных средств ответа не остается, то политика США и Израиля в некоторой ее части предстанет в очень невыгодном свете. И это можно с мужеством признать, не наделяя при этом военные действия Хамас или террористический режим Саддама Хусейна какой-либо этической легитимностью.

Мы можем согласиться, что развитие ситуации по пути полноценного, долговременного состояния войны с наделением властей всеми необходимыми в такой ситуации полномочиями, нежелательно и опасно. До некоторой степени такое развитие можно понять. Если бы наша собственная столица подверглась нападению с использованием пассажирского самолета, врезавшегося в наш лучший отель «Осло Плаза», или еженедельных — иногда и ежедневных — атак взрывников-самоубийц, все это способствовало бы развитию параноидальных настроений, даже если эти нападения можно объяснить политической ситуацией и даже если бы они выражали реакцию на наши собственные прегрешения против тех групп, которые напали на нас в ответ. Власти чувствовали бы себя морально обязанными защитить собственное население и применить жесткие меры.

Основной смысл заключается в следующем. Если мы требуем жертв того рода, о котором мы говорили, они должны быть прозрачными, понятными и быть предметом для открытого обсуждения. С такой открытостью и честностью мы ничего не теряем. Напротив, очень многое ставится на карту, если не удастся достичь всеобщего понимания и чувства целесообразности, когда эти чрез-

вычайные меры будут претворяться в жизнь. Многое указывает на то, что Израиль не оправдал надежды палестинского населения, а недоверие, отвечать за которое должны обе стороны, только возрастает.

Независимо от того, каковы меры противодействия террору и насколько они последовательны, возможности защитить себя ограничены. Уязвимость – часть нашей действительности, особенно в открытом обществе. Жить при демократии означает сделать себя уязвимым, поскольку все общественные институты очень открыты. Однако в этой уязвимости кроется то, как это ни парадоксально звучит, что делает наше общество более безопасным и предсказуемым, а именно безопасность, которая ощущается людьми в сплоченности. Действительно, *можно не* опасаться, что однажды утром меня арестуют из-за цвета моей кожи, из-за моего вероисповедания или принадлежности к определенной партии. *В этом заключается моя безопасность.* Я считаю, что такая безопасность в долговременном отношении намного важнее, чем та безопасность, которую нам может обеспечить вооруженная борьба с терроризмом.

Существенная проблема термина «война с террором» заключается в том, как уже отмечалось, что он создает впечатление, что терроризм можно победить – что мы можем победить собственную уязвимость, если предпримем должные меры по укреплению безопасности. Американская мечта о противоракетной обороне – выражение той же самой идеи, достойной как идеи, но становящейся опасной, когда мы видим, как нереальность ее достижения сопровождается реальностью огромных расходов. Если террористические организации, подобные Аль-Каиде, принуждают нас к ограничению основных гражданских прав, принятию частично расистских мер безопасности и развитию параноидальных тенденций по отношению к окружающему миру и другим вероисповеданиям, они достигли многого из того, к чему стремились. Особенно трагично будет, если им удастся привести наше общество к своего рода перманентному состоянию войны, при котором террор парализует нас с помощью страха и подозрительности.

Как уже подчеркивалось в этой книге, использование военной силы – крайняя мера, к которой следует прибегать только при наличии достаточных оснований, законных полномочий, справедливых намерений и достаточной вероятности успеха, избегая

превращения мирного населения в боевую цель или несоразмерно больших разрушений. Если все это применить к борьбе против сетей терроризма, то это обязывает вести борьбу с осторожностью и с умом, используя гораздо больший арсенал средств, чем только военные. Конечно, настоящую этическую проблему представляет то, что террористы прячутся среди мирного населения, используют взрывников-самоубийц и они не организованы в традиционном военном понимании. Война против них почти невозможна без гражданских жертв. Я тогда вообще не вижу какого-либо однозначного решения этой проблемы, но продолжаю утверждать, что такие критерии справедливой войны, как дифференцированность и пропорциональность, должны соблюдаться в полной мере. Гораздо большее значение, чем в большинстве других войн, имеет получение точных разведанных – от полиции и из военных источников – о том, кто где находится, кто с кем связан и кто куда направляет деньги. Именно для того, чтобы избежать превращения мирных жителей в боевые цели для военных и других вооруженных акций, «точность попадания» должна быть максимальной. Кроме того, международные альянсы становятся важнее, чем ранее, – как настаивал бывший госсекретарь США Колин Пауэлл, – к более или менее явному протесту со стороны вице-президента Дика Чейни и министра обороны Дональда Рамсфелда. Поскольку большинство ударов по террористическим группировкам представляют собой удары по территории других государств, немалое значение имеет как можно более широкая поддержка в регионе и в стране, где происходит действие.

В какого же рода войну мы вступили после 11 сентября? Для лучшей характеристики этого феномена директор Института проблем мира Стейн Тённессон предложил считать это состояние своего рода «глобальной гражданской войной», в которой сталкиваются группировки и интересы частично глобального масштаба, а национальные государства или четко ограниченные территории не являются первоочередными целями войны⁶. Вероятно, это полезная категория, особенно в той связи, что современная ситуация представляет собой, с одной стороны, *глобальный* феномен, но с другой стороны, как и многие другие гражданские войны, несет в себе неуверенность в том, состояние какого рода войны имеет место быть, насколько эта война была объявленной, кто с кем воюет на самом деле и что нужно для того, чтобы можно было сказать о

завершении этой войны. Все это представляет и будет представлять собой трудные вопросы с неясными ответами.

Для США и их союзников война с террором – своего рода оборонительная война. Немногие будут отрицать, что те, против кого направлены террористические акции, имеют право на защиту и в этой связи мы имеем дело с «самообороной». Сюда же, по моему мнению, попадают и военные действия в Афганистане осенью 2001 г. Однако важно напомнить: Устав ООН подчеркивает, что оборонительная акция может продолжаться лишь столько времени, сколько необходимо для отражения нападения. После этого следует привлекать ООН и избегать, насколько возможно, применения военных средств.

Но когда США смогут сказать, что они «отразили нападение» Аль-Каиды и ее партнеров? Возможно, никогда? Неужели появилась возможность для объявления – если и не формальным способом – перманентного состояния войны?

Традиция справедливой войны – традиция мира в том понимании, что она считает мир нормальным состоянием, а войну – исключением. Согласно этой точке зрения, мир – единственно справедливая цель справедливой войны. Чем больше террористические организации вовлекают воинственные США в постепенно становящуюся все более масштабной «войну» во всем мире, используя при этом злонамеренные союзы и создавая опасные сети, которые на практике когда угодно можно уничтожить с помощью превосходящей силы, тем больше нам кажется, что мы движемся от основ традиции справедливой войны к войне. Если мы будем строго придерживаться *ограничения* роли боевых средств в этой войне и будем следовать строгим этическим и международно-правовым нормам, охватывающим любое применение вооруженной силы, мы, возможно, заметим, что ненависть и разочарование, используемые террористами в качестве предлога и благоприятной среды, сильно ослабеют. Такой подход в высшей степени соответствует идее справедливой войны: мы должны продемонстрировать справедливые намерения, они должны быть отчетливо видны во всех наших действиях, даже когда приходится прибегать к боевым средствам. Очень многое заключено в этой сложной, но центральной с этической точки зрения задаче.

Последнее слово, прежде чем мы оставим терроризм. Не может ли быть так, что террорист для одних может быть борцом за

свободу для других? Не было ли норвежское движение сопротивления во время Второй мировой войны «террористическим» по отношению к немцам? И не может ли «борьба с терроризмом» слишком просто использоваться в качестве предлога для борьбы с каждым сомневающимся, склонным к сопротивлению народом, который хочется ослабить или убрать с дороги?

Эти замечания вполне естественны, однако в них есть опасность потерять из виду основополагающие правила, рассмотренные нами в предыдущей главе о *ius in bello*. Существует значительная разница между движением сопротивления, прибегающим к боевым методам против воинских подразделений и объектов оккупационных властей, и похожим движением, цинично и сознательно выбирающим гражданские цели. (Очень трудно, может быть за некоторым исключением, утверждать, что большая часть норвежского движения сопротивления во время Второй мировой войны состояла из «террористов»⁷.) Если мы не обратим внимание на эти различия, то устраним и разницу между легитимным и незаконным ведением войны.

В том, что определением терроризма можно злоупотреблять, сомнений нет. Например, отдельные акции воинственных нерегулярных группировок могут быть использованы в качестве предлога для репрессий, не имеющих основы для измерения их пропорциональности. (Можно найти массу примеров из Второй мировой войны, в том числе со стороны немецких войск, также и в Норвегии.) По Ближнему Востоку нам известны проблемы, возникающие, когда при любом столкновении противоположная сторона обвиняется в «терроризме». В такой обстановке путь к настоящим переговорам и миру будет очень долгим. В конфликте между израильтянами и палестинцами мы также видим, что крайние круги с обеих сторон считают своего противника нелегитимным по определению и террористом. Таким образом, они продолжают оставаться связанными конфликтом, целью которого является не справедливый мир, а скорее унижительное поражение противоположной стороны.

Можно ли легализовать превентивный удар?

Осенью 2002 г. Джордж Буш-младший представил свою доктрину упреждающего удара («preemptive strikes»). Эта доктрина изложе-

на в «Национальной стратегии безопасности Соединенных Штатов Америки» (17 сентября 2002 г.). Многие отметили, что, когда Буш говорит об упреждающем ударе (ударе с целью опередить противника), он на самом деле имеет в виду превентивный удар (удар с целью заранее уничтожить военные силы потенциального противника, или «preventive strikes» по-английски).

Если мы дадим этим категориям общее название, то мы назовем его «опережающая (само)оборона» (по-английски «anticipatory (self) defense») или просто «опережающий удар»⁸.

Отклики на эту доктрину были многочисленными и жесткими, особенно со стороны европейских стран. Многих интересовало, не берет ли США курс, противоречащий этике и международному праву.

Серьезная оценка так называемой доктрины Буша заставляет нас разделять – четче, чем это делает сам Буш, – упреждающий удар и превентивный удар. Первый может граничить с обычной самообороной. Если видно, что другая сторона фактически заводит свои самолеты, начинает обратный отсчет или посылает войска, удар по ней может считаться самообороной. Необходимым условием является очевидность намерений противника, т.е. отсутствие любых сомнений в том, что враг стучится в дверь⁹.

Упреждающий удар – нечто другое, чем превентивный удар, при котором нет непосредственной угрозы, а военные силы используются для предотвращения будущей опасности. Именно такой удар имел в виду Джордж Буш-младший, и нападение на саддамовский Ирак в марте 2003 г. попадает именно под эту категорию, хотя и были предприняты многочисленные попытки связать это нападение с нарушением предыдущих резолюций ООН¹⁰.

Автор этой книги не ставит перед собой задачу сделать окончательные выводы со ссылкой на международное право. Юристы, специалисты по международному праву, тоже не имеют единой точки зрения. Традиционно государства–члены ООН в своей массе отрицали большинство форм опережающего удара. Интересно, что те государства, которые в теории защищали идею о возможности нападения на другое государство с превентивной целью, до сего времени на практике не отождествляют собственное применение силы с этой категорией (это касается, в том числе, США и Израиля). Многие скорее ссылаются на другие международно-правовые категории, в том числе на обычную самооборону. Специалист по

международному праву Кристин Грэй считает, что это свидетельствует о том, что различные формы опережающего нападения *имеют* слабые позиции в международном праве¹¹. Это радикальный поворот, который имел место, когда США открыто и без стыда сочли, что пришло время для того, чтобы разрешить не только упреждающий, но и превентивный удар – наиболее драматическую форму опережающего удара.

Ясно одно: Устав ООН не дает *государствам* права на нападение на другую страну, не подвергшись нападению с ее стороны. Право на самооборону может, конечно, толковаться исходя из того, что оно позволяет немедленный опережающий удар в том виде, как мы описали ранее. Однако превентивный удар со стороны единичного государства не находит оснований в Уставе ООН.

Что тогда с Советом безопасности? Может ли этот высший орган мира и безопасности дать мандат на превентивный удар? Многие считают возможности Совета безопасности начать военные действия ограниченными.

Многие скажут, что процедура, обязывающая отдельные государства действовать через ООН и Совет безопасности при желании применить военную силу вне рамок самообороны, создает меньше шансов для быстрого и, возможно, неразумного использования силы. С одной стороны, это правильно, потому что все страны, обладающие правом вето, должны быть едины во мнении, чтобы Совет безопасности смог принять решение. Ясно, что вопрос будет широко дебатироваться, что само по себе делает использование оружия менее вероятным или, на худой конец, более обдуманным. С другой стороны, если страны с правом вето едины во мнении, то ничто в Уставе ООН не может воспрепятствовать Совету безопасности дать мандат на превентивный удар. Первая статья гласит, что «эффективные коллективные меры» должны быть предприняты для предотвращения и устранения угрозы миру. Также статья 42 открывает возможность для получения мандата Совета безопасности на военные акции, не только для *восстановления* международного мира и безопасности, но и для их *сохранения*. Это положение не содержит более точного определения или попытки углубления в его содержание, что на практике дает Совету безопасности широкое поле деятельности.

Сфера деятельности Совета безопасности согласно статьям 1 и 42 Устава ООН делает возможным и превентивный удар. Те,

кто считает, что превентивный удар по определению идет вразрез с нормами международного права, таким образом, ошибается. То же самое касается и другой, родственной темы, вызывающей разногласия, а именно вопроса о том, насколько желание смены режима правления может представлять основание для использования военной силы. С одной стороны, система ООН построена на суверенных государствах и закреплённом уважении к суверенитету, что предусматривает, что насильственная смена режима правления противоречит духу и характеру ООН. С другой стороны, ничто не препятствует Совету безопасности ООН определить смену режима как необходимую меру для сохранения мира и безопасности. Это фактически произошло в 1994 г., когда был дан мандат на вооруженную акцию против Гаити для устранения военной диктатуры, которая сместила законно избранного президента. (Военная акция была, однако, остановлена в последний момент благодаря гибкой дипломатии Джимми Картера, Сэма Нанна и Колина Пауэлла.)

Если мы обратимся от юриспруденции к этике, то увидим, что современная традиция справедливой войны в основном выступает против превентивного удара, что, среди прочего, основывается на критерии «справедливой причины» в средневековом понимании. Голландец Гуго Гроций в 20-х годах XVII в. определял легитимную самооборонительную войну как реакцию на нападение, которое уже происходит или совершено. Разрешить оборону против нападения, о котором еще не знают, случится ли оно, означает превратить страх и подозрительность в систему¹². Гроций добавляет, что в этом мире мы *должны*, несмотря ни на что, жить с некоторой степенью уязвимости и даже зла. Попытка устранить зло из мира – как сформулировал Джордж Буш-младший – приведет к тому, что собственные действия станут несправедливыми. Тем не менее сторонники необходимости превентивного удара есть и среди теоретиков «справедливой войны», например, Альберико Джентили (предшественник Гуго Гроция). Однако большинство современных защитников теории «справедливой войны» поддерживают точку зрения Гроция.

В основе этого лежит понимание войны как «крайней меры». Военные действия можно начинать только тогда, когда уже нет никакой адекватной альтернативы. Страх перед будущим нападением следует преодолевать с помощью дипломатии, видимых военных приготовлений, созданием альянсов и угрозы применить

оружие, если нападение с другой стороны будет иметь место. Это лучшая и наиболее реальная альтернатива превентивному удару.

В этой связи возможность превентивного удара в *отдельных случаях* не отрицается, но такой удар представляет собой сугубо чрезвычайную меру, которая требуется в особо чрезвычайной ситуации.

Как с точки зрения этики, так и с точки зрения международного права, существует еще одна причина скептически относиться к превентивному удару: это очевидная опасность *прецедента*. Если широко распространится представление о том, что страх или подозрительность достаточны для объявления войны, будет труднее критиковать государства, использующие потенциальную угрозу в качестве основания для начала военных действий. Ряд государств смогут использовать «лазейку», которая в таком случае появится. Можно себе представить следующий устрашающий сценарий: Китай протестует против военного потенциала Тайваня и считает, что он представляет угрозу для материкового Китая. В доктрине опережающего нападения Китай видит возможность военной акции против Тайваня, а в оправдание китайцы могут сказать, что они не делают ничего иного, как следуют примеру Джорджа Буша-младшего. Если США хотят получить их поддержку и сотрудничество в борьбе против террора, то американская администрация должна в таком случае хранить молчание. Невероятный сценарий? Может быть, но это лишь один из многих возможных примеров того, что и другие могут воспользоваться доктриной, на практике используемой США.

Норвежское правительство сознательно заняло выжидательную позицию по вопросу, насколько американское нападение на Ирак, в основном превентивное, противоречит нормам международного права, но тем не менее выступало против удара в течение всего времени, пока не было на это необходимого, явного мандата ООН. Как бы это ни показалось непоследовательным, я думаю, что данное решение правительства на практике было адекватным и этически обоснованным. Прежде всего потому, что международное право в этом отношении не является однозначным (в том числе из-за того, что предыдущие резолюции ООН в таких случаях, похоже, давали мандат на превентивный удар). Смысл, независимо от международно-правовых заключений по этому поводу, заключается в том, что превентивный удар является особенно спор-

ной и сомнительной с точки зрения этики (так же, как и с точки зрения международного права) формой действия. Когда, в дополнение ко всему, легитимность нападающей стороны (США) как инициатора подобного нападения в том регионе, о котором идет речь, сомнительна, когда отсутствует непосредственная угроза нападения со стороны Саддама Хусейна, будет целесообразно сказать, что для того, чтобы предпринять такую акцию, единство во мнении по этому поводу должно быть таким широким, насколько это возможно. Здесь требуется больше, чем сомнительная и половинчатая международная поддержка. Здесь требуется максимально широкий международно-правовой мандат, чтобы порог для акций подобного рода по-прежнему был высоким и чтобы в регионе действия (Ираке и Ближнем Востоке) поняли совершенно ясно, что это не какая-то непродуманная индивидуальная акция. Весной 2003 г. США этого не достигли. В таком случае сдержанность в выражении поддержки их нападению вполне естественна.

Мы можем сказать в заключение, что осуществление опережающего нападения проблематично как с этической, так и с юридической точки зрения. Тем не менее трудно отвергать любое опережающее нападение как неправомерное, поскольку существует реакция на очевидно предстоящее нападение, которую можно считать как этически легитимной, так и оправданной с точки зрения международного права. Особенно это касается того, что мы выше назвали «упреждающим ударом». То, что весной 2003 г. обсуждалось в отношении Ирака и для чего так называемая доктрина Буша осенью 2002 г. открыла возможность, однако, более радикальная мера. В действительности речь шла о том, чтобы разрешить США, если необходимо и без санкции Совета безопасности ООН, нанести превентивный опережающий удар. В таких случаях, когда в оборот вводятся настолько широкие понятия, что ими легко злоупотребить, осторожность особенно оправдана. США предпочли не воспользоваться этой осторожностью, ссылаясь на чрезвычайную ситуацию, возникшую после 11 сентября. Настолько эта ссылка позволяет на практике легализовать превентивный удар, — большой вопрос, который встает перед нами. Если на него ответить утвердительно, то в таком случае те превентивные удары, которые применяются на практике, должны быть четко и ясно обоснованы как необходимая часть борьбы с террором. В отношении саддамовского Ирака похоже, что США в этом не преуспели¹³.

Автор этой книги скептически относится к тому пути, на который встали США, поскольку, таким образом, порог войны значительно снижается, еще более ослабляются связи США и ООН, а также создаются трудности на пути того типа международного военного и политического сотрудничества, в котором давно назрела необходимость. В перспективе США могут потерять свою силу и столкнуться с большим противодействием и неприязнью, чем те, к которым могла бы привести, направленная на сотрудничество международная реакция. Все это достойно сожаления еще и потому, что США как мировой демократический лидер и пример для многих других стран имеют серьезный и конструктивный внешнеполитический потенциал.

Тем не менее есть думающие, серьезные этики, которые имеют другую точку зрения на эту проблему. Жанна Бетке Эльштайн (Jean Bethke Elstain) – ее мнение в течение многих лет было важным голосом в дискуссии о справедливой войне – считала, что мусульманский терроризм представляет собой настолько серьезный удар по всей западной цивилизации, что быстрая военная акция со стороны США (даже и в единственном числе) просто необходима. Это мнение открыто высказывается от лица многих представителей американской общественности¹⁴.

Что боевая готовность к борьбе с терроризмом необходима, сомнений нет. Однако если единичные государства будут прибегать к превентивным ударам без широкой международной поддержки, это вызовет такую реакцию, которая в перспективе окажется непропорциональной, если придерживаться терминологии нашей книги. Короче говоря: это может быть опасным в мире, где, похоже, нетрудно завербовать террористов.

Я надеюсь, что мой пессимизм не окажется оправданным.

Война сегодня

После этой дискуссии о терроризме и о политических маневрах современности есть смысл напомнить о том, что большинство страдающих от ужасов сегодняшних войн не являются жертвами терроризма Аль-Каиды. Они жертвы жестоких людей, которые по разным причинам хотят получить больше власти, ресурсов или почта. Одновременно с тем, что война имеет много лиц – и терроризм является одним из ее устрашающих элементов, – боль-

шинство войн происходит в странах, где отсутствуют демократия и принципы правового государства. Намного больше людей погибает в этих забытых жестоких войнах, чем в терактах, подобных 11 сентября, и тому, что мы позднее увидели в Бали, Марокко, Саудовской Аравии и других местах. Это, однако, не означает, что терроризм Аль-Каиды не представляет собой серьезной проблемы. Он бесчеловечен, распространяет сильный страх и с ним нужно бороться. Однако война – это нечто гораздо большее, чем террористические угрозы интересам мира богатых.

Давайте помнить также и об этом: в современных войнах доминируют не оружие массового поражения и современные самонаводящиеся ракеты. То, что мы видим, чаще всего похоже на ручное оружие, ножи и кулаки в сочетании с эффективной политической дискриминацией, которым, в свою очередь, противопоставят жестокие методы боевиков и действия нерегулярных войск. Демократия, принципы правового государства и обязывающее межгосударственное сотрудничество более, чем что-либо другое, способны противостоять таким войнам. Здесь мы оказываемся как раз в такой же ситуации, как и перед 11 сентября.

Примечания

- ¹ Части главы о падении башен-близнецов были опубликованы в разделе хроники в газете «Моргенбладет» (*Morgenbladet*) 7 сентября 2002 г. Рассуждения о превентивном ударе были опубликованы в хронике, написанной совместно с Грегори Райхбергом, в газете «Дагенс Нэрингслив» (*Dagens Næringsliv*) от 30 января 2003 г. Я благодарю газеты за плодотворное сотрудничество по поводу этих публикаций.
- ² Цитата упоминается в интересной статье Карстена Енсена «Что ты сам думаешь по этому поводу?» (*Carsten Jensen. Hvordan synes du selv det går?*) – об интеллектуальной поддержке войны в Ираке. См.: *Morgenbladet*, 20 июня 2003 г. Р. 4.
- ³ См.: Hagtvet, 2003.
- ⁴ См. Reichberg&Syse, 2001.
- ⁵ Статья Ибрагима Абу-Раби в Markham&Abu-Rabi 2002 дает хороший обзор отношений между исламской мыслью и современной историей в свете 11 сентября. Johnson, 1981&1997 также содержит хороший обзор исторического развития взглядов на войну в религии – как в христианстве, так и в исламе. См. также главу 3, особенно разделы о легитимном авторитете и справедливых причинах.
- ⁶ См.: Tønnesson, 2002.

⁷ Оказывают ли наши взгляды на *ius ad bellum* влияние на данную оценку? Может ли быть так, что одна сторона, действующая во благо справедливости (как норвежское движение сопротивления во время Второй мировой войны), должна оцениваться по-другому, чем сторона, действующая точно так же, но несправедливо? Ответ будет скорее всего утвердительным, но в то же время мы не говорим о том, что такая «смесь» *ad bellum* и *in bello* при любых обстоятельствах является неправомерной. Причина того, что действия совершаются именно так, как они совершаются, конечно, составляют часть моральной оценки действия, как мы это видим в связи с доктриной о двойном эффекте. Вопрос о том, убивает ли кто-то людей с целью защиты невинных или делает это просто из сильного желания убивать, конечно, имеет этическое значение. На практике эта проблема имеет отношение к нашей неопределенности по отношению к *ad bellum*. Может быть, легче признать норвежское движение сопротивления в рамках принципов *ius ad bellum*, однако во многих случаях ситуация далеко не ясна.

⁸ Весенний номер 2003 г. «The Washington Quarterly» содержит ряд аналитических статей, посвященных доктрине Буша об опережающем ударе, под заголовком «*Is Preemption Necessary?*» («Необходимо ли упреждающее?»). Интересную попытку анализа – и в некоторой степени защиты – опережающего нападения с точки зрения этики см.: Malnes, 2003.

⁹ Хорошее обсуждение этого вида нападения с морально-философской точки зрения см.: Waltzer, 1997. гл. 5. Он доказывает, среди прочего, что нападение Израиля на Египет в 1967 г. – пример легитимного упреждающего удара.

¹⁰ Обсуждение этого см. в разделе «Справедливые намерения» в главе 3.

¹¹ Gray, 2000: 111–115.

¹² Соответствующие пассажи у Гроция встречаются в кн. «О праве войны и мира», особенно в книге 2, гл. 1, § 2, 5; а также кн. 2, гл. 22, § 7. Спасибо Грегори Райхбергу за то, что он обратил мое внимание на эти тексты. Цитаты из защитников превентивной войны, в частности, Альберико Джентили, см.: Reichberg m.fl., 2006.

¹³ Cook, 2002 проводит интересное сравнение США после окончания «холодной войны» и Афин после войны с персами. Афины были тогда самым могущественным полисом Греции, и к ним довольно скоро стали обращаться за защитой. Афины считали себя борцом за демократию. Однако уже через 50 лет Афины стали настолько непопулярными, что Спарта и её союзники начали войну, чтобы защитить себя от афинской экспансии и превосходства, – войну, которая ознаменовала конец эпохи афинского величия. Кук указывает на большие трудности, связанные со статусом единственной мировой сверхдержавы, и проводит ряд интересных и пугающих параллелей между Афинами и США, несмотря на разделяющие их 2450 года.

¹⁴ См.: Elstain, 2003.

ГЛАВА 6

Моральные войны – некоторые мысли в заключение

По всему миру живут миллионы людей, которые не могут спокойно спать ночью из-за того, что они пережили, видели или сделали во время войны. Это люди, которые, спуская курок, видели лицо того, в кого они стреляли, которые видели своих друзей разрубленными на части, которые потеряли свою семью и все, что имели, которые сами пострадали физически и остались инвалидами на всю жизнь, или те, кто бомбил цели вслепую, а потом узнал, что промахнулся и попал в людей¹.

Тот, кто начинает войну, начинает одновременно целую цепь трагедий физического и ментального плана. Здесь идет речь не только о «выполненной работе». Здесь идет речь о работе, представляющей не только высокие требования, но еще и опасной, а также морально тяжелой. Речь идет и о лишениях и смерти для многих тысяч людей. Жертвами являются и те, на кого упали бомбы, – и гражданские, и военные, и те, кто посылает их на это².

Война и добродетель

Никто не может решить моральные проблемы войны раз и навсегда в мире, полном страданий, ненависти, где слишком много оружия. Однако в двух направлениях мы, кажется, можем сделать что-то, имеющее отношение к военной этике.

Мы должны заботиться о том, чтобы те, кто принимает решения о войне и мире, были хорошо подготовлены к своей задаче, имея солидный моральный багаж и такие же солидные знания. Четыре классические добродетели должны оказывать влияние на государственных деятелей, имеющих такие полномочия: чувство меры, мужество, справедливость и мудрость. Чувство меры спо-

собствует сдержанности и не позволяет применять оружие с целью демонстрации мускулов или с целью показать невозможность обвести себя вокруг пальца. Мужество должно помочь иметь смелость принимать трудные решения, которые *нужно* принять – а иногда и суметь воздержаться от них. Мужество и чувство меры неразрывно связаны³! Справедливость должна способствовать осознанию того, что поставлено на карту для всех вовлеченных в конфликт сторон, в том числе и тех, кто не имеет собственного голоса и политической власти. И мудрость: да, мы говорим о «практической мудрости» или «уме» – *fronesis* по-гречески или *prudencia* по-латыни. Здесь имеется в виду умение принимать правильные решения, даже если нет уверенности в том, что будет правильно и что скрыто от нас в будущем. Руководители, обладающие практической мудростью, – редкость в нашем мире. Однако Авраам Линкольн, Уинстон Черчилль или Нельсон Мандела недалеко отошли от идеала.

Другое направление посвящено нашим вооруженным силам. Мы должны заботиться о правильном воспитании всех солдат и офицеров. Уважение к международному праву и этическим нормам должно прививаться на самой начальной стадии. Атмосферу в солдатской среде должно определять уважение к человеческой жизни и к поставленной задаче.

Последнее обстоятельство привлекает внимание к вопросу о том, что, собственно, составляет военную этику. Ответ – я чуть не сказал, конечно – она связана с вопросами долга и последствий, как и любая другая этика.

Основная идея этики долга – в обязательном существовании определенных правил и в обязательном уважении к правам – имеет основополагающее значение и во время войны. Здесь речь идет о том, чтобы избежать обезчеловечения как себя самого, так других.

Этика последствий также важна – она занимает центральное место во многих обсуждаемых в этой книге предметах: пропорциональности, крайней мере, вероятности успеха и доктрине двойного эффекта, и других. Я все время повторяю, что следует серьезно оценивать последствия своих действий и не отказываться от ответственности за них. Серьезное отношение к последствиям для всех вовлеченных сторон, а не только для себя составляет самое ядро этики последствий⁴.

Но, как указывают многие современные этики, мы не уйдем далеко, если позволим этике заниматься только долгом и последствиями. Хотя они и важны, но этика будет пустой, если не найдутся актеры с характером и принципами, достаточно сильными, чтобы противостоять соблазнам и насилию в жаркой битве. На это указали и ведущие представители этики долга и последствий. И Иммануил Кант (который часто считается отцом–основателем этики долга), и Джон Стюарт Милль (наиболее известный представитель этики последствий) большое внимание уделяли формированию характера и настроения. Суть в том, что можно выучить столько обязанностей и последствий, сколько угодно, и замечательно анализировать последствия. Однако если правильные нормы не утвердились в сознании, от такой учебы и анализа не останется и следа, когда разыграется буря. Все это имеет смысл и в контексте войны. Быть хорошим солдатом не означает только иметь соответствующие знания и умения, но и в немалой степени зависит от того, каков сам человек⁵.

Все это и называется этикой добродетели. Я не стремлюсь противопоставить этику добродетели другим этическим направлениям, скорее, хочу показать ее важное значение наряду с ними.

Обучение правильному выполнению своей задачи, а также воспитание добродетели зависит во многом от воспитания и характера человека. Хороший офицер или солдат в своей сущности должен понимать, что некоторые действия недопустимы ни при каких обстоятельствах. Например, в отношении представителей противоположного пола со стороны противника должны быть признаны совершенно недопустимыми проявления сексуальной эксплуатации или покупки сексуальных услуг. Мы знаем, что есть такие солдаты и гуманитарные сотрудники, в том числе и норвежцы, которые ведут себя совершенно недопустимым образом. Эти принципы были для них совершенно чуждыми.

Короче говоря, солдат никогда не должен унижать или топтать человеческое достоинство. Этого нельзя допускать не только в силу этических принципов долга, но и в силу нравственных принципов.

Мы сейчас говорим о том, что при глубоком взгляде определяет отношение между этикой и моралью. Если мы разделим эти понятия, то можно сказать, что этика – это предмет, а мораль – это наше собственное отношение к содержанию предмета. Таким об-

разом, можно знать многое из области этики, но тем не менее не отличаться высокой моралью. Можно, например, знать, что плохо не хранить верность, и тем не менее вести себя аморально. Можно знать, что нужно платить за проезд в трамвае, но тем не менее ездить «зайцем». Можно знать Женевскую конвенцию и тем не менее пытаться пленных. Задача состоит в том, чтобы этику сделать моралью – сделать сознание этических границ войны частью морали тех, кто принимает решения, и солдат.

Пацифисты могут на это сказать, что любой, кто надевает форму и дает согласие убивать, уже попирает человеческое достоинство. Но основная идея этой книги заключается в том, что служить в армии, не нарушая норм морали автоматически, возможно. Тот, кто сомневается, может посмотреть на отличия между разными армиями во время войны. «Лис пустыни» генерал Эрвин Роммель или коменданты многих лагерей военнопленных Люфтваффе воевали на той же стороне, что и полиция гестапо и армия СС. Однако многие засвидетельствуют, что воевать с Роммелем или попасть в плен к люфтваффе (военно-воздушным силам Германии) или к морским пехотинцам – совершенно другое дело, нежели оказаться в когтях гестапо или СС. Последние не уважали правила ведения войны – в любом случае, по отношению к тем, кого считали «недочеловеками» или тем, кто по какой-либо другой причине не соответствовал их идеалам. В то же время было много немецких солдат и офицеров, у кого этические правила войны были в крови, и поэтому они поступали совершенно иначе. Короче говоря, честность, принципы и совесть играют важную роль.

Во время войны во Вьетнаме США пришлось время от времени ставить необученных офицеров на высокие командные посты. Лейтенант Уильям Келли был одним из таких офицеров, очевидно, не имевших представления о военной этике. 16 мая 1968 г. он возглавил роту «Чарли» из 11-й бригады в поход на деревню Май Лай (Сонгми) Он отдал приказ об уничтожении мирного населения, и эта резня, о которой узнали через год, раскрыла темные и жестокие страницы американских военных действий. Май Лай свидетельствует о недостатке осознанного восприятия военной этики. Келли и его солдаты проигнорировали – своей выходкой, совершенной под влиянием злобы, страха и нечетких приказов, – разницу между законными и незаконными целями войны. Солдаты из демократической страны устроили настоящую резню, и

это, вне всякого сомнения, объясняется плохим воспитанием, недостатком профессионализма и совершенно утраченными моральными принципами⁶. Даже если этика в какой-то степени ими и изучалась, она не стала моралью.

Дело касается не только этики и морали. Международное право также играет важную роль. Наличие четких правил, за соблюдением которых следят и в соответствии с которыми можно быть наказанным, составляет важную часть привнесения этики в войну. Генерал-майор Бьорн Эгге пишет об этом, исходя из своих впечатлений от пребывания в плену во время Второй мировой войны. Здесь идет речь о разнице между теми, кто уважал символ Красного Креста, и теми, кто этого не делал:

«Во время последней мировой войны многие норвежцы спаслись благодаря Красному Кресту. Особенно это касается нашей маленькой группы, которая после затопления нашего судна сначала находилась в лагере для военнопленных под патронатом Красного Креста и Женевской конвенции 1929 г., а потом была передана злым силам, не уважавшим международное гуманитарное право. Мы в полной мере испытали на собственной шкуре разницу между пребыванием в полной незаконности в отличие от безопасности, которую давало пребывание под наблюдением международной организации...»⁷

Этика, закон и правила очень важны. Однако нельзя рассчитывать, что всегда в нужном месте окажется Красный Крест, или кто-то, кто сможет следить за их исполнением. *Поэтому этические нормы должны войти в плоть и кровь человека как солдата и офицера.* Это во многом величайшая задача военного образования и воспитания.

В одном очень актуальном комментарии, относящемся как раз к предмету нашего обсуждения, штабной священник Борд Мэланд, главный редактор журнала «Journal of Military Ethics», выразил озабоченность тем, что этические нормы *недостаточно глубоко* осознаются норвежскими военными. Посредством анкетного опроса он доказывает, что многие норвежские офицеры сил КФОР (миротворческих сил в Косово) проявили признаки низменных, даже расистских настроений⁸. В сочетании с пропагандой мачо-культуры, признающей проституцию (за границей, если не дома), и распространенным среди солдат желанием защитить друг друга некоторые результаты опроса выглядели весьма пугающими.

Генерал Сверре Дизен, в то время командующий сухопутными войсками (и поэтому норвежский начальник миротворцев), выступил с опровержением заключений Мэланда⁹. В своей статье он доказывал, что норвежские солдаты в составе миротворческих сил имели хорошую репутацию, в том числе и среди местного населения, и, выполняя свои задачи в течение четырех лет, получали только выражения признательности.

В том, что норвежские миротворцы в основном сделали хорошую работу, сомнений нет. Многие из них принесли с собой хорошую долю идеализма, что Мэланд стремился подчеркнуть в своем исследовании. На этой основе многие внесли свой героический вклад. Проблема заключается в том, что жестокая реальность, отмеченная преступностью и дискриминацией части персонала, вступила в конфликт с ценностями и благодарностью, которую ожидали встретить. Дизен утверждает, что эта проблема невелика. Важны не идеалы и ценности, а *профессионализм и дисциплина*. Если военное образование и практика будут уделять должное внимание двум последним качествам, личные моральные качества не будут столь важны, подчеркивает он.

И Мэланд, и я не согласны с Дизеном (хотя он во многом прав, говоря о положительных сторонах миротворцев): ценности и идеалы должны быть частью того, что означает быть хорошим солдатом и офицером, они не появляются дополнительно, как некоторого рода не накладывающее обязательств приложение или приправа. Мы все-таки говорим о таких ценностях, как беспристрастность, терпимость и уважение к другим людям. Все это должно стать частью военного самосознания. Всем, кто отправляется на службу за границу, следует поэтому – лучше, чем это делается сейчас, – подготовиться к культурным и моральным потрясениям. Они должны накрепко усвоить, что профессиональный солдат ни при каких обстоятельствах не имеет права на выражение расистских или дискриминационных настроений в отношении женщин или определенных этнических групп. Между солдатами и офицерами должно утвердиться выраженное неприятие человеконенавистнических принципов, которое следует проявлять не только в форме наглядной агитации или брошюр «Ценностные основы армии», содержание которых можно выучить наизусть. Такие брошюры, конечно, важны, однако они сами по себе не формируют правильных принципов¹⁰.

Достичь этого – задача военных организаций снизу доверху не только по причине политической корректности, но и потому, что быть солдатом означает действовать в рыцарской и уважительной манере по отношению к другим людям.

Такие слова выглядят ужасно старомодно, но без этого идеала хорошая военная этика немислима.

Религия и «западные ценности»

Когда я выступаю с лекциями о военной этике и справедливой войне, чаще всего я слышу следующее замечание: «Это западный и особенно христианский подход. А что остается тем, кто их не принимает? И как мы можем быть уверены в том, что именно эти идеалы – самые лучшие?».

Это естественная реакция, поскольку, действительно, конкретные критерии, обобщенные в этой книге, возникли большей частью на основе европейской философской и богословской традиции.

Важно помнить, что корни традиции и ее актуальность – две разные вещи. Если какая-либо идея родилась в определенном культурном контексте, это вовсе не означает, что она будет автоматически бессмысленной или ложной для других.

Я думаю, что идея справедливой войны, как и идея прав человека, несет нам нечто, имеющее потенциальное значение для всех людей – и для всяких военных обстоятельств. Все люди во все времена задавались вопросом о применении насилия, и ответ на этот вопрос, который пытаются ограничить насилие, не является особенностью европейцев. Здесь получают возможность выражения глубокие человеческие потребности¹¹.

Религиозные корни этой идеи могут вызывать наибольшие сложности. В нашем мире люди настолько по-разному верят и говорят о Боге, что как может идея, имеющая истоки только в одной, хотя и очень распространенной вере с глубокими и широкими корнями, быть способной влиять на весь мир?

Однако будет неверным утверждать, что идея справедливой войны принадлежит только христианству. Христианские мысли о ценности человека, добродетели и грехе участвовали в формировании этой идеи. Однако мысль о справедливости в войне лежит

в основе всех форм мировоззрения, которые считают, что человеческая жизнь должна уважаться. Идея об ограничении жестокостей войны не является специфически христианской.

Автор этой книги признается, что его христианское мировоззрение определяет содержание и значение его моральных идеалов, в том числе и относящихся к войне. Однако это вовсе не означает, что моя манера формулировать эти идеалы единственно возможная. Права и гуманизм в войне имеют глубокое межкультурное значение.

Отношение религии к войне – палка о двух концах. В течение долгого времени люди были убеждены в возможности применять насилие во имя Бога по отношению к другим. В религиозных текстах часто встречаются примеры жестокости и насилия. В то же время вера в сотворенного и любимого Богом человека придает ценность человеческой жизни, которая порождает уважение, заботу и любовь. Вера в то, что человек несет ответственность за мир вокруг себя и его формы, и вера в то, что любая человеческая жизнь имеет право на уважение, представляют собой полную противоположность безжалостной жестокости войны. Христианская вера, как и другие религиозные традиции, может вдохновлять и побуждать к ниспровержению обожествляющих насилие идеалов. Все это вызывает смирение по отношению к военным задачам и напоминает нам, что человек не создан быть властелином жизни и смерти. Говоря с позиции моей собственной мировоззренческой основы, образ мысли и пример Христа являет собой яркий завет для каждого солдата и напоминает нам, что высшая власть не находится в земных руках.

После контакта с военными культурами, не подверженными влиянию идеалов теории справедливой войны, например, в связи с международными операциями, в которых участвуют разные страны, многие солдаты спрашивали меня, имеют ли идеалы справедливой войны вообще какую-либо ценность. Если я считаю, что к другим людям следует относиться с уважением, но в то же время, работая вместе с офицерами, придерживающимися совершенно противоположной точки зрения, почему я должен верить, что я прав? Должен ли я утверждать, что я намного лучше и благороднее, потому что я из христианской Норвегии? Такие контакты могут, к сожалению, породить чистый моральный релятивизм или отвращение к тем, с кем приказано вместе работать.

Реакция вполне объяснима, однако когда мы встречаемся с другими культурами и мировоззрением, мы должны всегда задаваться вопросом, встречаемся ли мы *с их лучшими проявлениями*. Я отказываюсь признавать, что более жестокие военные культуры являются выражением того, что насилие и несправедливость – единственные ценности в таких культурах. В таком случае европейскую культуру следует оценивать по религиозным войнам, нацизму, сталинизму и атомным бомбардировкам как единственным критериям. В каком свете мы тогда предстанем?

Идеалы заботы и уважения универсальны в том значении, что они для нас, людей, имеют главное значение, если мы хотим жить хорошо. Они встречаются в разных культурных контекстах, если не в разных проявлениях. Твердо придерживаться этих ценностей и считать их важными – да, достойными, чтобы за них бороться, – не преувеличение и не наивный идеализм. Напротив, это выражение несогласия отказаться от основных гуманистических идеалов, даже *если другие это делают*. Даже в гитлеровской Германии были, несмотря ни на что, люди, которые отказывались смиряться с жестокостью.

Настаивать на том, что война имеет свои правила и что некоторые вещи ни в коем случае нельзя делать по отношению к другим, – не только представление, которое случайно возникло внутри определенного культурного контекста. Это ответ на призыв многих жертв войны уважать ценность человеческой жизни даже во время войны.

Важная дискуссия

Мы живем в эпоху глобальных перемен. Эти перемены касаются и использования вооруженной силы. Исследования показывают, что большинству людей малоинтересны вопросы армии. Масштабные войны, конечно, привлекают наше внимание – демонстрации против войны в Ираке собрали десятки тысяч людей по всей Норвегии. Но как мы защищаемся, кого мы поддерживаем, куда посылаем свои войска – вопрос, блекнувший перед озабоченностью грядущей зарплатой или предстоящим тиражом лотереи.

Мы должны намного серьезнее относиться к военным вопросам в повседневных политических дискуссиях. Мы должны

демонстрировать уважение к тем, кто осознанно надевает военную форму. Это внимание должно проявляться как в дискуссиях о применении вооруженных сил, так и в широких общественных размышлениях о том, каких солдат мы хотим получить в результате образования, т.е. о том, какую армию мы хотим иметь.

Я несколько раз упоминал эпоху Средневековья в Европе. Мы многое можем почерпнуть из философских идеалов того времени. В то же время в ту эпоху война была повседневностью, страдания и внезапная смерть были частью того, чего следовало ожидать. Это была эпоха страха перед религиозной и культурной непохожестью, страха, намного большего, чем мы видим в современной Европе. Мы должны быть рады, что живем в такое время и в таком месте, где нет рядом войны, и что мы давно научились жить в мире и с теми, кто отличается от нас.

Однако нельзя расслабляться. Несправедливость и угроза войны еще не исчезли в этом мире, хотя мы мало их замечаем. Они существуют и реальны, и каждый день тысячи людей становятся их жертвами. Если когда-либо возникнет необходимость борьбы с ними, то, применяя оружие, мы должны руководствоваться этическими принципами и ценностями.

И тогда нам нужно начать с себя.

Примечания

- ¹ Одной из наиболее болезненных проблем многих африканских стран, страдающих от гражданских войн, являются дети-солдаты, младшие из которых могли бы еще учиться в начальной школе. У этих детей украдено детство, их учат убивать, часто очень жестоким способом. Я не затрагивал открыто проблему детей-солдат в этой книге, однако следует подчеркнуть, что борьба с мобилизацией детей и молодежи является на сегодняшний день одной из самых насущных проблем, а использование детей-солдат недопустимо ни при каких обстоятельствах.
- ² Джон Киган (Keegan), один из ведущих военных историков нашего времени, дает хорошее и живое описание многочисленных последствий войны для индивида, семьи и общества (Keegan, 1998).
- ³ Мало где так хорошо показана взаимосвязь между мужеством и другими добродетелями, как в классическом диалоге Платона «Лакхес» (В русском переводе встречается в различных изданиях «Диалогов». — *Прим. пер.*).

- ⁴ Когда я говорю об этике последствий, я прежде всего имею в виду неэгоистичную версию так называемого утилитаризма, т.е. потребительской этики, придающей значение пользе для всех вовлеченных сторон, где все считаются заодно и никто больше, чем одно, как утилитаристы (вдохновленные Джереми Бентамом) формулируют это. Хороший сбор всех трех традиций, упоминаемых нами, – этики долга, этики последствий и этики добродетели – можно найти в Baron m.fl., 1997.
- ⁵ Эта мысль более глубоко развита в т.ч. Osiel, 1999 и French, 2002.
- ⁶ О резне в Май Лай (Сонгми) см. следующие интернет-странички: <http://www.pbs.org/wgbh/amex/vietnam/trenches/mylai.html> и <http://www.dreamscape.com/morgana/mylai.html>
- ⁷ Из предисловия Бьёрна Эгге к Dunant, 1999:12.
- ⁸ Mæland, 2003.
- ⁹ Эти комментарии под заголовком «Малоотносительно о норвежских миротворческих силах» («Lite relevant om norsk KFOR-styrke») опубликованы в газете «Aftenposten» от 25 июня 2003 г., стр.9
- ¹⁰ Я ссылаюсь здесь на брошюру «Ценностные основы армии» («Forsvarets verdigrunnlag»), изданную командованием Вооруженных сил Норвегии в 1998 г. Якоб Бёрресен и Ивар Асхейм предпринимают интересную попытку анализа этих ценностных основ в Расем, *dtg.* 2, nr.1, 1999: 5–25
- ¹¹ На конференции о справедливой войне в Оксфорде 26 –27 июня 2003 г. профессор Ник Эллен (Nick Allen) из Оксфордского университета показал, насколько основные критерии справедливой войны действительно встречаются в классическом, великом санскритском эпосе Махабхарата, а именно в наиболее известной части эпоса Бхагават Гите. Профессор Тим Винтер (Winter) из Кембриджа указал на той же конференции, продолжая исследования Келсиса и Джонсона, что многие критерии, известные нам из христианства, встречаются в исламских политических и богословских трактатах о войне. Профессор Норман Соломон (Solomon) из Оксфорда представил ряд похожих находок в иудейской богословской традиции. Идеи – и критические вопросы – о справедливых причинах, справедливых намерениях, законной власти и адекватном отношении к гражданскому населению вражеской стороны встречаются по разные стороны культурных границ, что, однако, не доказывает, что они везде сохранились.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вечером – тем же вечером, когда я написал последние строки этой книги – я был в кино со своей старшей дочерью. Ей 9 лет. Мы смотрели «*Великого диктатора*» Чарли Чаплина. Я планировал это еще прежде, чем мои дети появились на свет. Есть вещи, которые *нам* обязательно нужно делать вместе. Просмотр «Великого диктатора» - одна из таких вещей.

Думаю, что мои родители считали так же. Этот фильм был для меня частью процесса моего взросления. Вместе с книгами по истории, музеями и личными рассказами он показал мне настоящее лицо зла и войны: смешной, но смертельно опасный Аденоид Хинкель, заставляющий дрожать весь мир. Если не знать правды, можно было бы обвинить этот фильм в преувеличении и нереальности. Но мы знаем, что все, что показывает нам Чаплин – страшная правда.

Я сидел в кресле и смотрел на свою дочь, которая прониклась симпатией к безмянному еврейскому цирюльнику и его друзьям, осмеливающимся говорить все, как есть. Они смотрят безумию в глаза и признают его безумием.

Война во многом является безумием. Однако иногда нужно прибегать к ее средствам, именно для того, чтобы победить смертельное, полное ненависти безумие. Хотим мы добиться этого, тогда мы не должны идти на поводу у этого безумия. Чтобы война была справедливой, она должна вестись ради мира и гуманизма.

Именно об этом и идет речь в этой книге.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Эта книга не могла бы появиться без тех специалистов, что окружали меня в Институте исследования проблем мира и Университете Осло («Этическая программа»).

В первую очередь я хочу выразить благодарность своему коллеге Грегори Райхбергу, бывшему профессору философии Фордхэмского университета США, ныне исследователю Института исследования проблем мира. Все наши беседы, а также многочисленные совместные статьи, лекции и доклады дали мне большие возможности. Он сочетает дружбу с острой критикой коллег таким образом, что многие ученые будут счастливы, если им повезет испытать это в своей профессиональной деятельности.

Далее я хочу поблагодарить бывших и нынешних коллег по институту, которые многому научили меня за это время, в том числе Павла Баева, Эндре Бегби, Лене Буманн-Ларсен, Петера Бургесса, Мону Фиксдал, Нильса Петера Гледича, Хелене Ингьерд и всех студентов и коллег, принимавших участие в программе ENI. Я мог бы назвать многих. Лене и Хелене заслуживают особой благодарности за компетентные консультации при подготовке рукописи. Большое спасибо бывшему директору Института Дэну Смиту, кто познакомил меня и Институт с этим направлением исследований с мудростью и пониманием, и нынешнему директору Стейну Тённесону, а также многолетнему заместителю директора Хильде Хенриксен Вааге, которые продемонстрировали большой интерес к этим вопросам, а своим стилем руководства и дружественным отношением сделали Институт увлекательным и интересным местом работы.

Координатор «Этической программы» Университета Осло (это мое второе место работы) Том Эйде заслуживает безмерную признательность за неопределимую поддержку и дружбу. Спасибо также коллегам по программе за конструктивные отзывы, особенно по проекту главы 1, выражаю благодарность и Институту философии, который обеспечивал мою деятельность в качестве стипендиата Этической программы.

Я многое узнал об этих вопросах и от представителей более широких исследовательских кругов Норвегии, и хочу поблагодарить в том числе Эспена Барт Эйде, Андреаса Фёллесдаля, Бернта Хагтвета, Хельге Хейбраатен, Райно Малнес, Янне Хааланд Маглари, Анне Юлие Семб, Хенрика Туне и Арне Юхана Ветлесена. Если они прочитают эту книгу, то, надеюсь, узнают собственные мысли, хотя все, что приводится в этой книге, используется без сокращений.

Спасибо Институту государственного управления Университета Осло, где я читал множество курсов по теме этой книги, и такое же большое спасибо студентам за все, чему они меня научили.

Спасибо участникам семинара по Средневековью, который проходил в Институте философии Университета Осло, и особенно его мудрым ключевым фигурам – Торстейну Толлефсену и Бьорну Томмесену, открывшим путь для дискуссий по военной этике в одном из наиболее интересных философских и богословских форумов нашего университета.

Спасибо штабному священнику Борду Мэланду и всему корпусу военных священников, кто составляет ядро военной этики не только в Норвегии, но и во всем мире. Без Борда ни норвежский журнал *Pacet*, ни англоязычный *Journal of Military Ethics* («Журнал военной этики») не вышли бы в свет. Эти публикации внесли исключительно важный вклад в дискуссию о военной этике – вклад, который намного превосходит мои скромные усилия. Что бы мы, ученые, делали без активных священников и богословов?

Спасибо также всем военным, которые в последние годы с энтузиазмом обратились к этой сфере и с которыми я имел большое счастье встречаться и читать лекции.

Спасибо издательству Aschehoug и редактору Сирикит Локерт за восторженный прием и руководство.

Спасибо Норвежскому исследовательскому совету и Министерству обороны за значительный материальный вклад в исследования по военной этике в Институте исследования проблем мира и их поддержку. Эта книга, вместе с рядом статей и лекций, не смогла бы воплотиться в жизнь без их материальной поддержки.

В заключение я выражаю благодарность моей переводчице на русский язык Светлане Хоркиной за плодотворное и интересное сотрудничество.

БИБЛИОГРАФИЯ

Количество статей и книг по военной этике велико. Этот список – лишь небольшая подборка литературы на английском и норвежском языках, частично – работы, на которые я ссылался в этой книге, частично – другие публикации, оказавшиеся полезными для меня и моих коллег для введения в тему. В целом, как полезные источники по актуальным военно-этическим проблемам, я хочу порекомендовать норвежский журнал «Расет» и международные издания «Ethics and International Affairs» и «Journal of Military Ethics».

- Amstutz, Mark (1999). *International Ethics*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Anscombe, G.E.M. (1981). *Ethics, Religion and Politics. The Collected Papers of G.E.M. Anscombe*, vol. III. Oxford: Blackwell.
- Asheim, Ivar (1997). *Hva betyr holdninger?* Oslo: Tano Aschehoug.
- Augustine (1994). *Political Writings*, red. Ernest L. Fortin & Douglas Kries. Indianapolis: Hackett.
- Barnes, John (1982). «The Just War», i: *The Cambridge History of Later Medieval Philosophy*, red. Norman Kretzmann, Anthony Kenny & Jan Pinborg. Cambridge: Cambridge University Press.
- Baron, Marcia W., Philip Pettit & Michael Slote (1997). *Three Methods of Ethics*. Oxford: Blackwell.
- Bomann-Larsen, Lene (2003). *Corporate Actors in Zones of Conflict: Responsible Engagement*. Oslo: NHO / PRIO.
- Brekke, Torkel (1999). *Religion og void*. Oslo: Humanist.
- Brown, Chris, Terry Nardin & Nicholas Rengger, red. (2002). *International Relations in Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brun, Jomar (1985). *Brennpunkt Vemork, 1940-1945*. Oslo: Universitetsforlaget.
- Christopher, Paul (1994). *The Ethics of War and Peace*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Contamine, Philippe (1984). *War in the Middle Ages*, overs. Michael Jones. Oxford: Blackwell.
- Cook, Martin (2002). «On Being a Sole Remaining Superpower Lessons from History», *Journal of Military Ethics*, arg. 1, nr. 2 ss. 77-90.
- Coppieters, Bruno & Nick Fotion, red. (2002). *Moral Constraints on War - Principles and Cases*. Lanham: Lexington Books.
- Dahl, Arne Willy (2003). *Håndbok i militær folkerett*. Oslo: Cappelen.
- Dobinson, Kristin & Geir Dale (2000). «Den norske ryggsekk: En analyse av norsk fredsdiplomati», i: *Grenser for alt: Kritiske perspektiver på norsk utenrikspolitikk*, red. Geir Dale m.fl. Oslo: Spartacus.

- Donnelly, Jack (2000). *Realism and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Doyle, Michael W. (1997). *The Ways of War and Peace*. New York: Norton.
- Dunant, Henry (1999). *Minner fra Solferino*, overs. Siren Thorvaldsen. Oslo: Humanist.
- Elshtain, Jean Bethke (2003). *Just War against Terror*. New York: Basic Books.
- Ferry, Luc (1990). *Rights - The New Quarrel between the Ancients and the Moderns*, overs. Franklin Philip. Chicago: University of Chicago Press.
- Ferry, Luc & Alain Renault (1992). *From the Rights of Man to the Republican Idea*, overs. Franklin Philip. Chicago: University of Chicago Press.
- Fortin, Ernest L. (1987). «St. Thomas Aquinas», i: *History of Political Philosophy*, 3. utg., red. Leo Strauss & Joseph Cropsey. Chicago: University of Chicago Press.
- Freedman, Lawrence, red. (1994). *War*. Oxford: Oxford University Press.
- French, Shannon (2002). *The Code of the Warrior*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Gleditsch, Nils Petter, red. (1965). *Kamp uten våpen*. Oslo: Pax.
- Gleditsch, Nils Petter, Peter Wallenstein, Mikael Eriksson, Marga-reta Sollenberg & Havard Strand (2002). «Armed Conflict 1946-2001: A New Dataset», *Journal of Peace Research*, arg. 39, nr. 5, ss. 615-637.
- Gracia, Jorge, Gregory Reichberg & Bernard Schumacher, red. (2003). *The Classics of Western Philosophy*. Oxford: Blackwell.
- Graham, Gordon (1997). *Ethics and International Relations*. Oxford: Blackwell.
- Gray, Christine (2000). *International Law and the Use of Force*. Oxford: Oxford University Press.
- Green, L. C. (1993). *The Contemporary Law of Armed Conflict*. Manchester: Manchester University Press.
- Hagtvet, Bernt (2003). «Politiske og kulturelle årsaker til USAs Irak-strategi», i: *Spillet om Irak*, red. Bjern Erik Rasch, Janne Haaland Matlary & Per Kristen Mydske. Oslo: Abstrakt.
- Harbom, Lotta, Stina Högbladh and Peter Wallenstein, 2006. "Armed Conflict And Peace Agreements". *Journal of Peace Research*, årg. 43, nr. 4, ss. 617–631.
- Henig, Ruth (1989). *The Origins of the First World War*. London: Routledge.
- Holmes, Robert (1989). *On War and Morality*. Princeton: Princeton University Press.
- Ignatieff, Michael (2000). *Virtual War*. New York: Metropolitan Books.
- Independent International Commission on Kosovo (2000). *The Kosovo Report*. Oxford: Oxford University Press.
- Johnson, James Turner (1975). *Ideology, Reason, and the Limitation of War*. Princeton: Princeton University Press.
- (1981). *Just War Tradition and the Restraint of War*. Princeton: Princeton University Press.
- (1984). *Can Modern War Be Just?* New Haven: Yale University Press.

- (1987). *The Quest for Peace*. Princeton: Princeton University Press.
- (1997). *The Holy War Idea in Western and Islamic Traditions*. University Park: Pennsylvania State University Press.
- (1999). *Morality and Contemporary Warfare*. New Haven: Yale University Press.
- (2000). «Maintaining the Protection of Non-Combatants», *Journal of Peace Research*, arg. 37, nr. 4, ss. 421-448.
- Kaiser, David (2000). *American Tragedy: Kennedy, Johnson, and the Origins of the Vietnam War*. Cambridge, MA: Belknap.
- Kant, Immanuel (2002). *Om den evige fred: en filosofisk plan*, overs Øystein Skar. Oslo: Aschehoug.
- Keegan, John (1998). *War and Our World*. New York: Vintage.
- Keen, M. H. (1965). *The Laws of War in the Middle Ages*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Kelsay, John (1993). *Islam and War*. Louisville: Westminster / John Knox Press.
- Kolb, Robert (1997). «Origin of the Twin Terms *Jus ad Bellum* I *Jus in Bello*», *International Review of the Red Cross*, nr. 320, ss. 553-562.
- Linn, Ruth (2002). «Soldiers with Conscience Never Die – They Are Just Ignored by Their Society. Moral Disobedience in the Israel Defense Forces», *Journal of Military Ethics*, arg. 1, nr. 2 ss 57-76.
- Lukacs, John (1999). *Five Days in London, May 1940*. New Haven-Yale University Press.
- Lynchburg College Symposium Readers (1981). *War and Peace*. Lanham: University Press of America.
- Madden, Thomas F, red. (2002). *The Crusades*. Oxford: Blackwell.
- Malanczuk, Peter (1997). *Akehurs's Modern Introduction to International Law*. London: Routledge.
- Malnes, Raino (2003). «Er forebyggende krig rettferdig krig?», i *Spillet om Irak*, red. Bjørn Erik Rasch, Janne Haaland Matlary & Per Kristen Mydske. Oslo: Abstrakt.
- Markham, Ian & Ibrahim M. Abu-Rabi', red. (2002). *September 11: Religious Perspectives on the Causes and Consequences*. Oxford: Oneworld.
- McElroy, Robert W. (1992). *Morality and American Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press.
- Mill, John Stuart (1867). *Dissertations and Discussions*, vol. III. London: Longmans, Green, Reader and Dyer.
- Miller, Richard (1991). *Interpretations of Conflict*. Chicago: University of Chicago Press.
- Moore, Jonathan, red. (1998). *Hard Choices: Moral Dilemmas in Humanitarian Intervention*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Morgenthau, Hans (1978). *Politics among Nations*, 5. utg. New York: Alfred A. Knopf.

- Mæland, Bård (2003). «*At alle behandles likeverdig og med respekt, uansett bakgrunn*»? *Forsvarets verdigrunnlag og norske offiserer i KFOR*. IFS Info nr. 3/03. Oslo: Institutt for forsvarsstudier.
- Nagel, Thomas (1979). *Mortal Questions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nardin, Terry, red. (1996). *The Ethics of War and Peace*. Princeton: Princeton University Press.
- Nardin, Terry & David Mapel, red. (1992). *Traditions of International Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- National Conference of Catholic Bishops (1983). *The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response*. Washington, DC: United States Catholic Conference.
- Nordquist, Kjell-Åke (1998). *From «Just War» to Justified Intervention*. Uppsala: Department of Theology.
- Næss, Arne (2000). *Gandhi*. Oslo: Universitetsforlaget.
- Orend, Brian (2000a). *Michael Walzer on War and Justice*. Cardiff: University of Wales Press.
- (2000b). *War and International Justice – A Kantian Perspective*. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press.
- Osiel, Mark (1999). *Obeying Orders: Atrocity, Military Discipline, and the Law of War*. New Brunswick: Transaction.
- Pangle, Thomas & Peter Ahrens Dorf (1999). *Justice among Nations*. Lawrence: University Press of Kansas.
- Ramsey, Paul (1961). *War and the Christian Conscience*. Durham: Duke University Press.
- (1968). *The Just War: Force and Political Responsibility*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Rawls, John (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Regan, Richard (1996). *Just War - Principles and Cases*. Washington, DC: Catholic University of America Press.
- Reichberg, Gregory (2002a). «Is There a 'Presumption against War' in Aquinas's Ethics?», *The Thomist*, årg. 66, nr. 3, ss. 337-367.
- (2002b). «Just War or Perpetual Peace?», *Journal of Military Ethics*, årg. 1, nr. 1, ss. 16-35.
- Reichberg, Gregory & Henrik Syse, red. (2000). *Special Issue on the Ethics of War and Peace*, *Journal of Peace Research*, årg. 37, nr. 4.
- (2001). «What Kind of War? 11 September and Beyond», *Security Dialogue*, årg. 32, nr. 4, ss. 499-501.
- (2002). «Humanitarian Intervention: A Case of Offensive Force?», *Security Dialogue*, årg. 33, nr. 3, ss. 309-322.
- Reichberg, Gregory, Henrik Syse & Endre Begby, red. (2006) *The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings*. Oxford; Blackwell.

- Ricks, Thomas E., Michael N. Schmitt, Boris Kashnikov & Ted Westhusing (2002). «Target Approval Delays Cost Air Force Key Hits», *Journal of Military Ethics*, årg. 1, nr. 2, ss. 109-135.
- Rodin, David (2002). *War and Self-Defense*. Oxford: Clarendon Press.
- Rosenthal, Joel H., red. (1995). *Ethics and International Affairs -A Reader*. Washington, DC: Georgetown University Press.
- Russell, Frederick H. (1975). *The Just War in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Semb, Anne Julie (2000). «The New Practice of UN-Authorized Interventions: A Slippery Slope of Forcible Interference?», *Journal of Peace Research*, årg. 37, nr. 4, ss. 469-488.
- Smith, Dan (1997). *State of War and Peace Atlas*, 3. utg. London: Penguin Reference.
- , med Ane Bræin (2003). *The Atlas of War and Peace*. London: Earthscan.
- Smith, Karen E. & Margot Light, red. (2001). *Ethics and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Statman, Daniel, red. (1997). *Virtue Ethics: A Critical Reader*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Stevenson, William R. (1987). *Christian Love and Just War*. Macon-Mercer University Press.
- Swift, Louis, red. (1983). *The Early Fathers on War and Military Service*. Wilmington: Michael Glazier.
- Syse, Henrik (2000). «Augustinian History and the Road to Peace: Perspectives from Two Latter-Day Augustinians», *Augustinian Studies*, arg. 31, nr. 2, ss. 225-239.
- (2001). «Økonomiske sanksjoner og etikk», *Mennesker og rettigheter*, arg. 19, nr. 2, ss. 54-61.
- (2002). «Etikk, moral og utenrikspolitikk», *Minerva*, arg. 78, nr.3, ss. 4-8.
- (2003). «Rett intensjon som vilkår for rettferdig krig», i: *Spillet om Irak*, red. Bjorn Erik Rasch, Janne Haaland Matlary & Per Kristen Mydske. Oslo: Abstrakt.
- (2006). *Natural Law, Religion, and Rights*. South Bend: St. Augustine's Press.
- Thucydides (1996). *A Comprehensive Guide to the Peloponnesian War*, red. Robert P. Strassler, overs. Richard Crawley. New York: Touchstone.
- Thune, Henrik, red. (2001). *The Sanctions Debate: UN Sanctions in the 1990s*. Oslo: NUPI.
- Thune, Henrik & Vegard V. Hansen, red. (1998). *Etter Srebrenica: Massakre, militærmakt og moral*. Oslo: NUPI.
- Tollefsen, Torstein, Henrik Syse & C Rune F. Nicolaisen (1998). *Tenkere og ideer*, 2. utg. Oslo: Gyldendal.

- Tooke, Joan (1965). *The Just War in Aquinas and Grotius*. London: S.P.C.K.
- Tuck, Richard (1999). *The Rights of War and Peace*. Oxford: Oxford University Press.
- Tønnesson, Stein (2002). «A 'Global Civil War'?», *Security Dialogue*, årg. 33, nr. 3, ss. 389–392.
- Valls, Andrew, red. (2000). *Ethics in International Affairs*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Vetlesen, Arne Johan, red. (1998). *Dydsetikk*. Oslo: Humanist.
- Vitoria, Francisco de (1991). *Political Writings*, red. Anthony Pagden & Jeremy Lawrance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Waltz, Kenneth (1959). *Man, the State, and War*. New York: Columbia University Press.
- (1979). *Theory of International Politics*. New York: McGraw Hill.
- Walzer, Michael (1977). *Just and Unjust Wars*. New York: Basic Books.
- Warner, Philip (1988). *World War Two -the Untold Story*. London: Cassell.
- Wehr, Paul, Heidi Burgess & Guy Burgess, red. (1994). *Justice without Violence*. Boulder: Lynne Rienner.
- Woodward, Bob (2002). *Bush at War*. New York: Simon & Schuster.
- Wyller, Egil A., red. & overs. (1981). *Platon: Erkjenn deg selv*. Oslo: Aschehoug / Thorleif Dahls kulturbibliotek.

Хенрик Сисе
Справедливая война?
О военной мощи, этике и идеалах

Редактор *О.А. Зимарин*
Корректор *Е.Ю. Агарёва*
Верстка *С.А. Голодко*
Художник *А.А. Арештейн*

Подписано в печать 7.11.2006 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Формат 60×88 ¹/₁₆.
Печ. л. 11, 0. Тираж 2000 экз. Заказ
Изд. 06/09–i

ООО Издательство «Весь Мир»
Юридический адрес: 127214 Москва, ул. Софьи Ковалевской, д. 1, стр. 52
101000 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68, Факс: (495) 625-42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru
<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ООО типографии «ПОЛИМАГ»
127247 Москва, Дмитровское ш., 107

ISBN 5-7777-0379-8

9 785777 703798 >

Об авторе

Хенрик Сисе (1966) — старший научный сотрудник Института исследования проблем мира (PRIO) в Осло. Доктор философских наук. Занимается этическими аспектами войны и международной политики. Один из редакторов журнала *Journal of Military Ethics*. В 2005 г. по предложению Банка Норвегии возглавил специальный отдел по управлению инвестициями, в первую очередь Нефтяным фондом. Привлечение философа-моралиста к выработке решений об использовании нефтяных доходов вызвало большой резонанс в Норвегии и во всем мире. Женат, имеет четырех детей.

Войны бывают разными. И каждый раз, когда перед мирными гражданами встает дилемма брать или нет в руки оружие, одобрять или осуждать действия правительства, направляющего войска в «горячую точку», они решают, а справедливо ли это? Эту проблему приходится решать и профессиональным военным, когда кончается время маневров и наступает черед боевых операций. История учит, что армия, ведущая несправедливую войну, почти всегда обречена, и мы знаем, на что способны войска, сражающиеся за справедливость. Вопрос о том, бывают ли войны справедливыми, и если да, то, что их делает такими, задает себе автор этой книги. У известного норвежского философа Хенрика Сисе нет на него однозначного ответа, да и менторский тон ему не свойственен. Но острота проблемы, ее печальная актуальность, каждый день доказываемая военными сводками из разных уголков мира, заставила автора обратиться к теме войны. Книга Сисе обращена к норвежцам и призвана помочь определиться: как вести себя по отношению к военным конфликтам, рисковать ли жизнями норвежских парней в миротворческих операциях, кого и как поддерживать своими финансами? И главное, справедливо ли это, во благо ли? Эта небольшая книжка написана блестяще и получила повсеместное признание, а актуальность ее темы для России, куда менее отстраненной от конфликтов, чем Норвегия, очевидна.